

ISSN 2542-2197

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2020 10 (839)

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

1930

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2020

10
выпуск 839

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

1930

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY**

HUMANITIES

Moscow
FSBEI HE MSLU
2020

10

Issue 839

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук профессор **Г.Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гаспарян Г. Р., д-р филол. наук, проф. (Армения)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)

Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Писанова Т. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф.
Васильюк И., канд. филол. наук
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф.
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф.
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф.
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц.
Евдокимов А. Ю., академик РАН, д-р техн.
наук, канд. культурологии, доц.
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц.
Жаринов Е. В., д-р филол. наук, доц.
Жданова Л. М., канд. филол. наук, доц.
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф.
Карневская Е. Б., канд. филол. наук, проф.
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц.
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф.
Мальгина И. В., д-р филос. наук, проф.
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, проф.
Полетаева М. А., канд. культурологии, доц.

Порохницкая Л. В., д-р филол. наук
Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф.
Семина И. А., д-р филол. наук, доц.
Силантьев Р. А., д-р истор. наук, доц.
Собакин А. Н., д-р филол. наук, доц.
Сомова Е. В., д-р филол. наук, проф.
Сухарев Ю. А., д-р филос. наук, проф.
Тёмкин В. А., канд. истор. наук, доц.
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф.
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф.
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф.
Уралова Л. А., канд. филол. наук, доц.
Фадеева Г. М., канд. филол. наук, доц.
Харитончик Э. А., д-р филол. наук, проф.
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц.
Цветасева Е. Н., канд. филол. наук, доц.
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам
Чернозёмова Е. Н., д-р филол. наук, проф.
Янулевичене В., д-р гуманитарных наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Агранат Т. Б., Куцаева М. В.

Категоризация нескольких финно-угорских идиомов
и языковая лояльность их носителей 11

Амелёнков А. А., Викулина М. А., Ускова Т. В.

Концептуализация образа власти: анализ результатов
ассоциативного эксперимента 25

Анисимова Е. Е.

Об особенностях религиозного экологического дискурса
(на примере энциклики Папы Франциска «*Laudato si'*») 39

Бакаев И. В.

Когнитивная метафора в концептуальной системе
романа Эрве Базена «Змея в кулаке» 53

Бочарова Т. Г.

Литературные интервью как особый жанр медиадискурса 62

Быкова О. А.

Интертекстуальность и прецедентность как основа игры
в интернет-дискурсе 76

Вих А. В.

Эллипсис артикля как средство реализации принципа языковой
экономии (на материале французского медиадискурса) 87

Евтушенко О. В.

Русский язык как международный:
к теоретическому осмыслению понятия 96

Коваленская Е. А.

Особенности развития категории английских наименований питания
за последние полвека 109

Кузнецов В. Г.

Звуковой символизм в языках различных групп (на фр. яз.) 117

<i>Леонтьева А. В., Агафонова О. В., Петров А. А.</i> Некоторые особенности употребления жестов при изменении темпа речи в синхронном переводе	126
<i>Манухина А. О.</i> Средства изображения чудесного в латинских и старофранцузских документах эпохи Крестовых походов (сопоставительный анализ «Peregrinatio» магистра Дитмара, «Historia Iherosolymitana» Фульхерия Шартрского и анонимного сочинения «Li Estoire de Jerusalem et d'Antioche»)	138
<i>Мартынова Л. Л., Лантева О. Е.</i> Фреймовый подход к изучению лексики с возрастной семантикой в португальском языке	150
<i>Матросова Я. Е.</i> Метод оценки роли терминов цветообозначения в англоязычном художественном тексте	160
<i>Раевский А. Е., Нобуюки Сакаи</i> Звуковой символизм как полимодальный когнитивный феномен	174
<i>Сенченкова М. В.</i> Категории рода, числа, определенности / неопределенности существительного: сходство и различие во французском и русском языках	185
<i>Скуратов И. В., Дюмон П. А.</i> Неология: процессы создания новых наименований во французском языке (<i>на фр. яз.</i>)	196
<i>Фролова В. В.</i> Анализ концепта «beauté» в произведении Шарля Данцига «Своенравная энциклопедия всего и ничего»	205
<i>Хотног А. В.</i> Стратегия информирования в тексте профессиональных интернет-кинорецензий	217
<i>Шелехов Д. М.</i> Пути передачи английских фонем в устной речи носителей немецкого языка (опыт социофонетического эксперимента)	228
<i>Шумакова А. Н.</i> Идеологические крылатые фразы-англицизмы и американизмы в современной французской прессе	239

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Альбрехт О. В.

Образ моря в романе Э. Золя «Радость жизни»: между философией и мифом 250

Пронин В. А.

Фауст родом из России 264

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Острова М. Е.

Корейские продукты питания и кулинарные блюда в русских художественных и нехудожественных текстах 273

Перова Е. Ю.

Обращение к восточной тематике в русской культуре XX–XXI веков: причины, особенности, динамика 285

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Agranat T. B., Kutsaeva M. V.</i> Categorization of Several Finno-Ugric Idioms and Language Loyalty of their Native Speakers	11
<i>Amelenkov A. A., Vikulina M. A., Uskova T. V.</i> Conceptualization of the Authority Image: Analysis of the Association Experiment Results	25
<i>Anisimova E. E.</i> About the Peculiarities of Religious Environmental Discourse (on the example of Pope Francis' encyclical "Laudato si'")	39
<i>Bakaev I. V.</i> Cognitive Metaphor in the Conceptual System of "Viper in the Fist" Novel by Herve Bazin	53
<i>Bocharova T. G.</i> Literary Interview as a Particular Genre in the Mass Media Paper Printed Discourse	62
<i>Bykova O. A.</i> Intertextuality and Precedency as the Basis of Game in the Internet Discourse	76
<i>Vikh A. V.</i> Ellipsis of the Article as a Means of Implementing the Principle of Language Economy (on the material of French media discourse)	87
<i>Evtushenko O. V.</i> Russian as an International Language: to Theoretical Implementation of the Concept	96
<i>Kovalenskaya E. A.</i> Peculiarities of the Development of the Category of English Food Names in the Last Half Century	109

<i>Kuznetsov V. G.</i> Sound Symbolism in Different Groups of Languages	117
<i>Leonteva A. V., Agafonova O. V., Petrov A. A.</i> Some Characteristics of Gestures Used with Changes of Speech Tempo in Simultaneous Interpreting	126
<i>Manuhina A. O.</i> Means of the Depiction of Miraculous in the Latin and Old French Documents of the Epoch of Crusades (comparative analysis of the works “Peregrinatio” by Master Thietmar, “Historia Iherosolymitana” by Fulcher of Chartres and the anonymous work “Li Estoire de Jerusalem et d’Antioche”)	138
<i>Martynova L. L., Lapteva O. E.</i> Frame Approach to the Analysis of Age-Related Vocabulary in the Portuguese Language	150
<i>Matrosova Ya. E.</i> Analysis of Color Terms in English Literary Text	160
<i>Raevsky A. E., Nobuyuki Sakai</i> Sound Symbolism as a Polymodal Cognitive Phenomenon	174
<i>Sentchenkova M. V.</i> Categories of Gender, Number, Certainty / Uncertainty of a Noun: Similarities and Differences in French and Russian	185
<i>Skuratov I. V., Dumont P. A.</i> Neology: Processes of Creating New Names in French	196
<i>Frolova V. V.</i> Analysis of the Concept of “beauté” in “Encyclopédie capricieuse du tout et du rien” by Charles Dantzig	205
<i>Khotnog A. V.</i> Information Strategy Realization in the Text of Professional Online Film Reviews	217
<i>Shelekhov D. M.</i> Transmission of Non-Equivalent English Phonemes in Oral Speech of Native German Speakers (sociophonetic experiment)	228
<i>Shumakova A. N.</i> On Ideological Catch Phrases Borrowed from English in Modern French News Magazines	239

LITERARY STUDIES

Albrekht O. V.

Image of the Sea in the Novel “La joie de vivre” by E. Zola:
between Philosophy and Myth 250

Pronin V. A.

Faust from Russia 264

CULTUROLOGY

Osetrova M. E.

Korean Food Products and Dishes in Russian Fiction
and Nonfiction Texts 273

Perova E. Yu.

Appeal to the Oriental Theme in the Russian Culture
of the XX–XXI Centuries: Causes, Features, Dynamics 285

УДК 81'27

Т. Б. Агранат, М. В. Куцаева

Агранат Т. Б., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН; e-mail: tagranat@yandex.ru

Куцаева М. В., кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языкознания РАН; e-mail: moscoop@yandex.ru

КАТЕГОРИЗАЦИЯ НЕСКОЛЬКИХ ФИННО-УГОРСКИХ ИДИОМОВ И ЯЗЫКОВАЯ ЛОЯЛЬНОСТЬ ИХ НОСИТЕЛЕЙ

В статье авторы на материале собственных социолингвистических исследований рассматривают категоризацию трех миноритарных прибалтийско-финских идиомов в автохтонной среде и родственного им марийского языка во внутренней диаспоре, а также лояльность их носителей к своим родным языкам. Сравнение показало, что носители языков по-разному относятся к своему родному языку, несмотря на практически идентичные условия существования этих языков.

Ключевые слова: категоризация языков; языковая лояльность; языки меньшинств; социолингвистическое обследование.

T. B. Agranat, M. V. Kutsaeva

Agranat T. B., Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor, Professor at the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University; Leading Researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; e-mail: tagranat@yandex.ru

Kutsaeva M. V., PhD (Philology), Researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; e-mail: moscoop@yandex.ru

CATEGORIZATION OF SEVERAL FINNO-UGRIC IDIOMS AND LANGUAGE LOYALTY OF THEIR NATIVE SPEAKERS

In the article the authors examine the categorisation of three closely related Finnic minority languages in the autochthonous environment and the related Mari language in the internal diaspora, as well as the loyalty of the native speakers towards

their mother tongues, based on material from their own sociolinguistic surveys. The comparison revealed that speakers of different languages exhibit different attitudes toward their native language, despite almost identical conditions for the existence of these languages.

Key words: categorisation of languages; language loyalty; minority languages; sociolinguistic survey.

1. Введение

В статье приводится сравнительный анализ результатов двух социолингвистических обследований, проводившихся независимо друг от друга. Одно из этих обследований делалось среди представителей марийской диаспоры в Московском регионе. Второе – на северо-западе Ленинградской области, среди носителей трех автохтонных языков: водского, ижорского и ингерманландского финского. Генетически все исследуемые языки родственны, относятся к финно-угорской группе уральской языковой семьи. Среди вопросов, представленных в анкете, был блок, отражающий языковую лояльность респондентов, на изучении которой мы сосредоточимся в данной статье, и прежде всего обсудим категоризацию изучаемых идиомов.

1.1. Марийцы являются автохтонным финно-угорским населением Среднего Поволжья, однако в силу ряда исторических причин расселены во многих регионах РФ. На территории Российской Федерации проживают 547 605 марийцев, из них 290 863 человек – в Республике Марий Эл, составляя 41,8% от населения республики. Остальные марийцы (46,9% от всего марийского населения РФ) компактно расселены в Башкортостане, Татарстане, Удмуртской Республике, Кировской, Свердловской, Нижегородской областях, в Пермском крае, а также рассредоточены в нескольких регионах, в том числе и в Москве и Московской области – 4 655 человек [ВПН 2010].

С этнографической точки зрения марийский этнос неоднороден и в нем выделяются три основных этнические группы: горные, луговые, восточные. С лингвистической точки зрения неоднозначным остается ответ на вопрос о количестве марийских языков: два (горный и луговой, или лугововосточный) или один (марийский). Впрочем, проблема количества языков представляется нерелевантной в рамках данной работы.

1.2. В западной части Ленинградской области проживают три коренных малочисленных этноса: воть, ижорцы и ингерманландские финны. Раньше всех на этой территории поселилась воть. К XII веку

здесь осела часть карел, переместившихся с Карельского перешейка; впоследствии они стали называться ижорой. В начале XVII века с северного побережья Финского залива сюда переселились финны¹.

2. Категоризация

В данном разделе речь пойдет о категоризации изучаемых идиомов.

2.1. В зависимости от места и особенностей расселения этнической группы на территории Российской Федерации (отдельное административно-территориальное образование, места компактного расселения) за ее этническим языком закрепляется тот или иной статус или, в случае дисперсного проживания группы, – не закрепляется. «Государственным языком на всей территории Российской Федерации является русский язык. <...> Республики в составе Российской Федерации вправе устанавливать свои государственные языки, которые могут употребляться в органах власти, местного самоуправления, государственных учреждениях наряду с русским» [Конституция Российской Федерации, ст. 68].

Закон № 1807-1 от 25 октября 1991 г. «О языках народов Российской Федерации», «направлен на создание условий для сохранения и равноправного развития языков»; «государство на всей территории РФ способствует развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия» [Закон № 1807-1].

Статус марийского языка закреплен в Конституции Республики Марий Эл (гл. I, ст. 1), а также в Законе 1995 г. о языках Республики Марий Эл (гл. I, ст. 1). «Наряду с русским, марийский язык (горный, луговой) является государственным языком Республики Марий Эл» [Конституция РМЭ; Закон 1995].

Ст. 3 п. 4 Закона № 1807-1: «В местности компактного проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущего за их пределами, наряду с русским языком и государственными языками республик, в официальных сферах общения может использоваться язык населения данной местности. Порядок использования языков в таких местностях определяется законодательством Российской Федерации и субъектов Российской Федерации» [Закон № 1807-1]. В соответствии со ст. 3 Закона о языках в РМЭ, «Республика Марий Эл

---

¹ Подробно об этом см. [Агранат 2016].

оказывает активное содействие изучению марийского языка за пределами республики» [Закон 1995]. Марийский язык преподается в школах в регионах проживания старой марийкой диаспоры: Башкортостан, Татарстан.

Положения ст. 3 Закона № 1807-1 «О языках народов РФ» не распространяются на другие регионы, в том числе на Москву и Московскую область, где марийцы, хотя и многочисленны, однако проживают дисперсно, образуя внутреннюю диаспору на территории многонационального государства, и, соответственно, где марийский язык не имеет юридического статуса.

Что касается термина «внутренняя диаспора», одни исследователи его признают и отмечают сужение функций и сфер использования языков вне исконного ареала их распространения [Сулейменова, Шаймерденова 2002 с. 39], другие – его не используют [Словарь 2006 с. 57–58].

Основываясь на наших социолингвистических обследованиях, мы предлагаем следующую категоризацию марийского языка в условиях диаспорного проживания этнической группы – в качестве языка внутренней диаспоры. Отличительными чертами внутренней диаспоры является, то, что язык, который вытеснил их этнический, они изучали в школе как государственный, а также то, что они периодически используют этнический язык, так как связь с малой родиной не прекращается¹.

2.2. В лингвистической литературе ижорский язык стал рассматриваться как отдельный язык лишь с XX века. Первое его грамматическое описание, сделанное финским лингвистом В. Поркка в XIX веке [Porikka 1885], называется «Ижорские диалекты». Водский язык всегда считался независимым. Категоризация идиома во многом зависит не от лингвистических причин и даже не от социолингвистических факторов, а скорее от некоторых экстралингвистических причин (см. об этом, например: [Pajusalu 2003, с. 232]).

Хотя лингвисты не признавали за ижорским, в отличие от водского, статус языка, по сохранившимся источникам, при контактах води и ижоры ижорский язык выполнял функцию лингва франка.

У водского языка никогда не было письменности. Ижорский язык получил письменность в начале 1930-х годов. Некоторое время он преподавался в школе.

---

¹ Подробнее об этом см. [Куцаева 2018].

Ингерманландский финский начали преподавать в школе почти на столетие раньше, чем стандартный финский в Финляндии. В середине 30-х годов XX века письменная традиция прекратилась.

Сейчас все эти языки помнят только представители старшей возрастной когорты. Меньше всего осталось води – не более десятка говорящих. Двух других – приблизительно по 200 человек. Хотя в разные исторические периоды категоризация каждого из этих языков была разной, в настоящее время все они являются языками, находящимися под угрозой исчезновения.

В «Перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации», который был утвержден Постановлением Правительства РФ, от 24 марта 2000 года № 255, включены водь и ижора, но не включены ингерманландские финны. Список коренных малочисленных народов РФ несколько раз менялся, последнее изменение было внесено Постановлением № 880 от 25 августа 2015 года.

В ст. 2, часть 2 Закона № 1807-1 «О языках Российской Федерации» читаем: «Российская Федерация гарантирует всем ее народам независимо от их численности равные права на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использования языка общения». Статье 3. «Правовое положение языков» упоминает лишь государственный язык Российской Федерации и государственные языки республик. Языки коренных малочисленных народов не имеют официального статуса [Закон № 1807-1].

Составленный лингвистами список языков коренных малочисленных народов РФ не совпадает со списком коренных малочисленных народов, потому что некоторые народы говорят на диалектах, но не на языках (см. [Михальченко 2003, с. XI–XII]).

Ни один из трех исследуемых языков не имеет официального статуса, и все они могут считаться языками коренных малочисленных народов.

3. Языковая лояльность

У определения «языковая лояльность» существует два значения. Первое – это «совокупность внутренних оценок членов языкового коллектива коммуникативной пригодности и престижности языка своего этноса, которая определяет степень их приверженности данному языку» [Словарь 2006, с. 261].

Данный термин может пониматься и как «синоним языковой терпимости (языковой толерантности)» [там же, с. 267].

В данной статье нас будем интересовать первое значение термина. Некоторые лингвисты настаивают на том, что уровень и тип лояльности (в первом значении) «являются важнейшими критериями витальности языка» [Москвичева 2014 с. 479].

Здесь мы будем использовать подход к типологии языковой лояльности, разработанный каталонскими исследователями, который базируется на двух характеристиках: речевой компетенции и сферах использования языка. Этот подход учитывает четыре типа языковой лояльности: инструментальную первичную, инструментальную вторичную, инструментальную письменную и эвалюативную лояльность. Эти типы лояльности сочетаются друг с другом и формируют пять типов отношения к языку:

- 1) лояльные (высокий уровень лояльности в сочетании с компетентностью и эвалюативной лояльностью);
- 2) пользователи (высокая инструментальная лояльность, отрицательная лояльность по шкале письменной компетенции с положительной эвалюативной лояльностью);
- 3) компетентные (достаточный уровень владения языком, но отрицательные типы инструментальной и эвалюативной лояльности);
- 4) идеализирующие (отрицательная лояльность во всем, кроме эвалюативной лояльности);
- 5) ассимилированные (любые положительно оцененные типы лояльности, помимо эвалюативной лояльности, показывают, что носители языка выступают против языкового планирования и нормализации) [Москвичева 2014].

В ходе социолингвистических обследований респондентам предлагалась типовая анкета, с некоторыми релевантными уточнениями для каждой этнической группы. Вопросы анкеты были скомпонованы в три раздела. Первый раздел касался лингвистической биографии респондентов, второй – актуального использования языков, третий – языковой лояльности¹. В данной статье нас будут интересовать только вопросы третьего раздела.

---

¹ Подробно обсуждение вопросов первых двух разделов применительно к языкам Ленинградской области см. [Агранат 2016].

3.1. Анкетирование проводилось одним из авторов статьи в Московском регионе среди представителей марийской диаспоры. В выборку попали 106 человек: 100 – представители первого поколения диаспоры, приехавшие из Республики Марий Эл, а также из мест компактного проживания марийцев: (Башкортостан (18%), Татарстан (3%), Кировская (5%), Свердловская области (2%). Все опрошенные идентифицируют себя в качестве этнических мари. Шесть человек являются представителями второго поколения диаспоры.

В нашем обследовании языковая лояльность изучалась по следующим аспектам: язык, который респондент считает родным (см. табл. 1); набор языков, которым владеет респондент (см. табл. 2); престиж и статус марийского и других языков по оценке респондентов (см. табл. 3).

Таблица 1

Родной язык	Процент респондентов в выборке
марийский	81
русский	10
марийский и русский	9

Таблица 2

Набор языков, которым владеет респондент	Процент респондентов в выборке (в %)
Русский, марийский, иностранный	40
Русский, марийский	38
Русский, марийский, татарский	8
Русский, иностранный	5
Русский, марийский, татарский, иностранный	4
Русский, марийский (горный), марийский (луговой)	3
Русский	2

В совокупности 93% опрошенных заявили, что они владеют марийским языком. Уровень владения марийским нами, впрочем, не верифицировался, поскольку это не входило в задачи исследования. Кроме того, упомянем тот факт, что, если некоторые респонденты указывали марийский одним из первых в этом наборе языков, другие, напротив, первым отмечали русский язык, подчеркивая в какой-то мере степень владения этими языками.

«Важным индикатором состояния группы является то, в какой мере она поддерживает и сознательно пропагандирует свой язык – или, напротив, в какой мере она готова от него отказаться» [Вахтин, Головко 2004, с. 40]. Респондентам был задан вопрос о том, какие языки, по их мнению, будут актуальны для них и их детей в дальнейшей жизни (см. табл. 3).

Таблица 3

Набор языков	Процент респондентов в выборке (в %)
Русский, марийский, иностранный (английский)	31
Русский и иностранный (английский)	29
Русский и марийский	16
Русский, английский, китайский	15
Русский, марийский, иностранный (английский) и язык народов РФ	3
Русский, марийский, английский, китайский	3
Русский	3

53% опрошенных полагают, что марийский язык в какой-то мере может понадобиться лично им или их детям в будущем. Впрочем, намерения респондентов носят скорее декларативный характер и не всегда соответствуют реалиям жизни: межпоколенная передача языка в диаспоре является крайне слабой:

Русский язык – это однозначно. Знание родного языка – это тоже, наверное, обязательно. Я бы сказал так. Хотя у меня старшая дочка в Питере живет, у нее этот язык не прилепился никак. Это очень редкий случай,

когда где-то язык зацепится, когда приезжают с больших городов. Но вот в Москве есть какие-то единичные случаи, когда три-четыре года и знают марийский, но это очень редкость большая уже. Очень фанатично надо заниматься (Ю. М., 60).

Сопоставительный анализ результатов, приведенных в таблицах 2 и 3, позволяет выявить следующее: 40% опрошенных, владея марийским, при этом не считают знание марийского языка необходимым лично для себя и не намерены передать его детям:

Знаю русский и марийский, совсем чуть-чуть знаю финский, изучала в институте. Детям – русский, естественно. Ну и один иностранный, английский, нужен был бы (З. А., 44).

Владею? Марийский и русский – и все! Сыну? Сейчас русский язык – на первом месте, на втором месте – у нас английский язык, мы его изучаем на уровне разговорной речи. И китайский. Чтобы добиться чего-то я пока вижу только три языка, чтобы знать (А. Т., 51).

Во втором поколении марийской диаспоры московского региона 100% респондентов в выборке родным признали русский язык (см. табл. 4).

Если честно, я бы сказала, русский, потому что я на нем разговариваю. Но марийский – как-то все-таки...Я могу там иногда поговорить на марийском, но мне кажется, больше – русский. Да, русский (А. А., 15).

Таблица 4

Родной язык	Процент респондентов в выборке (в %)
русский	100
марийский	–

Владение марийским языком в выборке во втором поколении отметили 67% опрошенных (см. табл. 5). Подчеркнем, что, по признанию респондентов, это скорее пассивное знание этнического языка:

Русский, английский разговорный, марийский – но не сказать, что я прямо-таки владею! (А. К., 29)

При этом опрошенные считают, что в дальнейшей жизни им или их детям марийский, кажется, не понадобится вовсе, поскольку ни

один из респондентов не упомянул марийский в наборе языков, необходимых в будущем (см. табл. 6).

Таблица 5

Набор языков, которым владеет респондент	Процент респондентов в выборке (в %)
Русский, марийский, иностранный	67
Русский	33

Таблица 6

Набор языков	Процент респондентов в выборке
Русский, иностранный (английский)	100

3.2. В процессе полевого социолингвистического анкетирования носителей водского, ижорского и ингерманландского финского языков респонденты опрашивались независимо от их уровня владения языком; при отборе респондентов учитывался только тот факт, что они получили язык от своих родителей. В некоторых случаях знание языка было плохим.

Ответ респондентов на вопрос о родном языке особенно интересен, поскольку само понятие необъективно. «После 1926 г. этот термин не поясняется ни в переписных листах, ни в инструкциях переписчикам, и, стало быть, интерпретируется либо переписчиком, либо переписываемым» [Беликов 1997, с. 13]. Понимание этого термина разными индивидами лежит на шкале от «язык, выученный в раннем детстве и продолжающий использоваться» до «язык своего этноса» [там же].

Среди ингерманландских финнов 100% сказали, что их родной язык – финский, хотя многие знают его довольно плохо; некоторые из них уже и вовсе забыли язык, поскольку давно перестали им пользоваться. Около 40% ижорцев (38,8%) считают родным этнический язык, 61,2% – русский. Ровно 80% водских респондентов назвали родным языком водский, остальные затруднились ответить.

Одним из вопросов анкеты был о целесообразности, по мнению респондентов, обучения детей в школе их этническим языкам. Из

финских респондентов 41,1 % ответили положительно, 47 % сказали, что необходимость в этом отсутствует, остальные 11,9% мотивировали отрицательный ответ отсутствием специалистов.

Только 33,3% ижорцев высказались положительно, 38,8% – отрицательно, 27,9% отнеслись индифферентно к этой проблеме. Все 100% опрошенных среди води с энтузиазмом отозвались об этой идее.

При ответе на вопрос, какие языки нужно знать им самим, у водских респондентов ответы распределились так: 80% – только русский, 20% – водский и русский. Ижорцы единодушно назвали только русский. У финнов дистрибуция была более сложной: 5,8% считают, что им необходим только финский, 47% – финский и русский, 17,6% полагают, что им достаточно только знания русского языка, 29,6% ответили, что им всё равно.

Что касается вопроса о языках, которые, по мнению опрошенных, нужно знать их детям, водские респонденты ответили на него так же, как и на предыдущий вопрос, что демонстрирует стабильность соотношения престижности двух языков.

Только 1% финнов считает, что их детям необходим лишь этнический язык, при этом 22,6% отмечают достаточность знания детьми только русского языка; очевиден рост престижности русского языка и его важность для новых поколений. Процент тех, кто считает одинаково важными финский и русский языки, такой же, как при ответе на предыдущий вопрос. Практически сохраняется число тех, кому эта проблема безразлична: 29,4%.

Неожиданно 5,5% ижорцев высказались о том, что их детям необходим только ижорский. Как оказалось, взрослые дети проживают в Эстонии, и гипотетически знание ижорского языка могло бы им помочь в овладении эстонским. Тем не менее для ижорцев их этнический язык обладает наиболее низкой престижностью, 94,5% считают, что их детям нужно знать только русский язык.

4. Заключение

В заключение отметим, что у автохтонных этносов показатели более однородные, чем в среде внутренней диаспоры, интересно также, что они сильно различаются у води, ижоры и ингерманландских финнов, несмотря на одинаковую категоризацию их идиомов. В Ленинградской области идеализирующее отношение встречается

только среди водских респондентов: у них положительная эвалюативная лояльность к родному языку, но полноценных носителей всего несколько, и язык не передается молодому поколению. Два типа языковой лояльности: группа ассимилированных и компетентных представлены только у ижоры. У некоторых из них положительные эвалюативные типы лояльности, кроме того, они выступают против языкового планирования. У некоторых других негативное эвалюативное отношение к родному языку, хотя они полагают, что обладают достаточным уровнем владения языком. Отношение пользователей наблюдается только у ингерманландских финнов. У них высокая инструментальная лояльность, отрицательная лояльность по шкале письменной компетентности с положительной оценочной лояльностью.

Что касается марийской диаспоры, среди опрошенных ее представителей встретились все типы в разных пропорциях. Максимальное количество, примерно 40%, можно оценить как компетентные. Около трети – идеализирующие. Примерно пятая часть – пользователи. Небольшое количество: 6% – лояльные и 4% – ассимилированные.

В целом, очевидно, что категоризация напрямую не коррелирует с языковой лояльностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Агранат Т. Б.* Сравнительный анализ грамматических систем прибалтийско-финских языков: принципы интрагенетической типологии. М.: Языки народов мира. 2016. [Agranat, T. B. (2016). *Sravnitelnyj analiz grammaticheskikh sistem pribaltijsko-finskih jazykov: principy intrageneticheskoj tipologii*. (Comparative analysis of grammatical systems of the Finnic languages: principles of intragenetic typology). Moscow: Yazyki narodov mira. (In Russ.)].
- Беликов В. И.* Надежность советских этнодемографических данных // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект: сборник статей. М.: МГУ, 1997. С. 12–43. [Belikov, V. I. (1997). *Nadezhnost' sovetskih etnodemograficheskikh dannyh*. (Reliability of Soviet ethnodemographic data). In *Malye jazyki Evrazii: sociolingvisticheskij aspekt* (pp. 12–43). Moscow: MSU. (In Russ.)].
- Вахтин Н. Б., Головкин Е. В.* Социолингвистика и социология языка. М.: Гуманитарная академия, 2004. [Vakhtin, N. B., Golovko, E. V. (2004). *Sotsiolingvistika i sotsiologija jazyka*. (Sociolinguistics and sociology of language). Moscow: Gumanitarnaja akademija. (In Russ.)].

- Всероссийская перепись населения 2010. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 01.10.2020). [Vserossijskaja perepis' naselenija 2010 goda. (All-Russian 2010 census). https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (In Russ.)].
- Закон о языках в Республике Марий Эл. URL: http://rus-gos.spbu.ru/public/files/bills/11_5391b9f9dc714.pdf (дата обращения 01.10.2020). [Zakon o jazykah v Respublike Mari El (Law on languages in the Republic of Mari El). URL: http://rus-gos.spbu.ru/public/files/bills/11_5391b9f9dc714.pdf (In Russ.)].
- Закон № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/ (дата обращения 01.10.2020). [Zakon o jazykah narodov Rossiiskoj Federatsii (Law on languages of the peoples of the Russian Federation). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/ (In Russ.)].
- Конституция Республики Марий Эл. URL: https://constitution.garant.ru/region/cons_mariy/chapter/d60e93439c93a0a5348ed8181732bb33/ (дата обращения 01.10.2020). [Konstitutsija Respubliki Mari El (Constitution of the Republic of Mari El). https://constitution.garant.ru/region/cons_mariy/chapter/d60e93439c93a0a5348ed8181732bb33/ (In Russ.)].
- Конституция Российской Федерации. URL: <http://constitutionrf.ru/skachat-konstitutsiyu> (дата обращения 01.10.2020). [Konstitutsija Rossijskoj Federatsii (Constitution of the Russian Federation). <http://constitutionrf.ru/skachat-konstitutsiyu> (In Russ.)].
- Куцаева М. В. Функционирование чувашского языка в диаспоре московского региона: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. [Kutsaeva, M. V. (2018). *Funkcionirovanie tchuvashskogo jazyka v diaspore moskovskogo regiona*. (Functioning of the Chuvash language in the Moscow region diaspora): PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Михальченко В. Ю. (ред.) Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Книга 2. М., 2003. [Mikhalchenko, V. Yu. (2003). (ed.). *Pis'mennye jazyki mira. Jazyki Rossijskoj Federacii Sociolingvisticheskaja enciklopedija. Kniga 2.* (Written languages of the world: languages of the Russian Federation. Sociolinguistic encyclopedia. Book 2). Moscow: Academia. (In Russ.)].
- Москвичева С. А. Типы языковой лояльности: на примере карельского языка в Республике Карелия // Михальченко В. Ю. (ред.) Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. Труды международной конференции. М.: Тезаурус, 2014. С. 479–486. [Moskvitcheva, S. A. (2014). *Tipy jazykovoj lojal'nosti: na primere karel'skogo jazyka v Respublike Karelija*, (Types of language loyalty: on the example of the Karelian language

- in the Republic of Karelia). In: Mihalchenko, V. Yu. (ed.). *Jazykovaja politika i jazykovye konflikty v sovremennoj mire* (pp. 479–486). Moscow: Tesaurus. (In Russ.).
- Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН, 2006. [Mikhal'chenko, V. Yu. (ed.). (2006). *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov*. (Dictionary of sociolinguistic terms). Moscow: Institut Jazykoznanija RAN. (In Russ.).]
- Сулейменова Э. Д., Шаймерденова Н. Ж. Словарь социолингвистических терминов. Алматы, Казак университет, 2002. [Suleimenova, E. D., Shaimerdenova, N. Zh. (2002). *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov*. (Dictionary of sociolinguistic terms). Almaty. (In Russ.).]
- Pajusalu K. Estonian Dialects. In M. Erelt (ed.), *Estonian Language, Linguistica Uralica*. Supplementary series. Vol. 1. Tallinn, 2003. Pp. 231–272.
- Porkka V. Ueber den Ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte. Helsingfors: J. C. Frenckell & Sohn, 1885.

УДК 81'42

А. А. Амелёнков, М. А. Викулина, Т. В. Ускова

Амелёнков А. А., кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры международного бизнеса и гостиничного дела Института гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета; e-mail: amelioncov@gmail.com

Викулина М. А., старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета; e-mail: vikulina_maria@mail.ru

Ускова Т. В., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета; e-mail: t-uskova@bk.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА ВЛАСТИ: АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА¹

В статье представлены результаты ассоциативного эксперимента, целью которого было выявить наиболее частотные ассоциации на слова-стимулы: *полиция, наказание, закон*. Анализ ассоциаций позволяет обнаружить тенденции и способы концептуализации образа власти. Часть данных, полученных в результате эксперимента, отражает негативное отношение представителей юридического сообщества к некоторым органам власти. Данный факт следует учитывать при обучении студентов юридических специальностей в целях коррекции негативного отношения к власти и создания ее позитивного имиджа.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент; концепт; понятие; стереотип; картина мира.

А. А. Amelenkov, M. A. Vikulina, T. V. Uskova

Amelenkov A. A., PhD, Assistant Professor for the Chair of International Business and Hospitality, Institute of Humanitarian and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University; e-mail: amelioncov@gmail.com

Vikulina M. A., Senior Lecturer for the Chair of Linguistics and Professional Communication in Law, Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University; e-mail: vikulina_maria@mail.ru

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00466.

Uskova T. V., PhD (Philology), Assistant Professor
for the Chair of Linguistics and Professional Communication in Law,
Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University;
e-mail: t-uskova@bk.ru

CONCEPTUALIZATION OF THE AUTHORITY IMAGE: ANALYSIS OF THE ASSOCIATION EXPERIMENT RESULTS¹

The article focuses on the results of the association experiment the purpose of which was to find out the most frequent associations to the stimulus-words *police*, *punishment* and *law*. The analysis allows to find out tendencies and means to conceptualize the authority image. Part of the data received as the result of the experiment demonstrated negative attitude of the law professionals to certain authority organs. This fact should be considered in teaching law students in order to correct the negative attitude to the authorities and create their positive image.

Key words: associative experiment, worldview, stereotype, concept.

Введение

В последние десятилетия в нашей стране произошли кардинальные изменения, которые затронули практически все сферы деятельности, возникли новые правовые и социальные институты и понятия, исчезли старые, поменялось отношение к государственной политике и органам власти. Для того чтобы сформировать правильные ценности и установки у будущих юристов, необходимо понять их отношение к данным институтам на этапе их становления как специалистов.

Поскольку культурно-идеологические и социально-исторические установки индивида находят свое отражение в ассоциативно-вербальной сети индивида, которая отражает модель знаний носителей языка, т. е. все ассоциации респондента, в качестве основной процедуры определения содержания исследуемого понятия применяется свободный ассоциативный эксперимент [Хлопова 2019, с. 195].

Потенциал ассоциативного эксперимента как метода выявления возможной интерференции правовых концептов

В современной лингвистике ассоциативный эксперимент является одним из наиболее разработанных и эффективных способов

---

¹ The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00466.

исследования лексикона, базовых культурно-исторических ценностей и установок. При помощи ассоциативного эксперимента возможно обнаружить представления, сложившиеся у индивида в его предшествующем опыте [Григорьева, Туманова 2019, с. 7]. Кроме того, благодаря ассоциативному эксперименту появляется возможность выявить «деятельностное отношение человека к миру, представленное языковыми средствами, которое детерминирует актуальные для индивида стратегии вербальной деятельности и опосредованно – специфику концептуализации мира» [Пищальникова 2019, с. 750]. В результате эксперимента исследователь имеет возможность выстроить ассоциативное поле слова, которое является психологической структурой содержания лексемы, выявить мотивы речевой деятельности индивида и интерпретировать особенности его ассоциативно-вербальной сети [там же 2019, с. 751].

Существуют три типа ассоциативного эксперимента: свободный, направленный и цепной. Под *свободным ассоциативным экспериментом* понимается ситуация, когда при предъявлении слова-стимула респондент должен предложить первое, пришедшее в голову слово-реакцию, причем ответ ничем не ограничивается. Вторым типом является *направленный ассоциативный эксперимент*, в ходе которого ограничивается выбор предлагаемого слова-реакции, накладывая определенные ограничения; к этой категории можно отнести методику неоконченных предложений. Направленный ассоциативный эксперимент считается контролируемым. Разновидностью свободного ассоциативного эксперимента является *цепной ассоциативный эксперимент с продолжающейся реакцией*, в ходе которого респондента просят предложить любое количество слов-реакций на предъявленное слово-стимул [Джанаева 2008, с. 14]

Ассоциативный эксперимент представляется наиболее эффективным методом, который удобно применять при опросе большой группы респондентов. При обработке результатов эксперимента необходимо принимать во внимание физиологические и поведенческие реакции, частотность однотипных ассоциаций и некоторые другие факторы. Существует мнение, что ассоциации, которые получают в ходе эксперимента, формируются под влиянием двух факторов, а именно: лингвистического, т. е. определенных характеристик слова-стимула, и прагматического, т. е. на результат оказывает влияние личность

самого респондента: личный, индивидуальный опыт, особенности памяти и мышления, некоторые другие факторы [САНРЯ 1977, с. 7].

Авторы настоящего исследования использовали свободный и цепной ассоциативный эксперименты с целью выявить реакции представителей юридического сообщества на рассматриваемые ниже концепты.

Восприятие концептов «полиция», «наказание», «закон» представителями юридического сообщества

На первом этапе проведения ассоциативного эксперимента респондентам были предложены 10 слов из разных областей знаний, среди которых интерес для проводимого исследования представляли слова *полиция*, *наказание* и *закон*. Тематический выбор слов был обусловлен целями исследования: проследить тенденции и способы концептуализации образа власти. Выбор слова *полиция* определялся тем, что это орган исполнительной власти, имеющий правоохранительные функции, и опыт взаимодействия с данной структурой доступен любому представителю общества. Основные функции полиции определили включение в список двух других слов-стимулов для исследования – *закон*, который рассматривается как объект правоохранительной деятельности, и *наказание* – как санкция за его нарушение.

Анализ реакций на слово-стимул *полиция* обнаружил как положительные, так и отрицательные ассоциации. Самыми частотными стали реакции, связанные с атрибутами деятельности полиции: *форма*, *автомобиль*, *наручники*, *мигалки*, *дела*, *дубинки*. На них пришелся 21% ответов, и важно отметить, что в этой группе реакций в 50% случаев респонденты называли *форму* в качестве прямой ассоциации со словом *полиция*. На втором месте по частотности оказались словареакции *мигалки* и *дубинки*. Данные реакции могут быть связаны с внешним восприятием сотрудника полиции как в профессиональном, так и в обыденном сознании, и концептуализация образа связана не столько с функциями или спецификой деятельности полиции, сколько с его визуализацией.

На втором месте по частотности (по 16%) оказались категории реакций, связанные, во-первых, с чинами, органами и должностями (*милиция*, *полицейский*, *шериф*, *гаишник*, *правоохранительные*

органы, МВД), и во-вторых, предназначением данного органа с точки зрения его правоохранной функции в обществе (*закон, законность, общественный порядок, справедливость*).

Менее частотной (10%), однако близкой по содержанию, является категория реакций, основанная на конкретной деятельности и операциях, проводимых полицией в качестве правоохранительного органа: *защита, безопасность, охрана, арест, расследование, правоохранитель*. 70% реакций в данной категории относились к задачам обеспечения безопасности и охране граждан. Также к этой категории реакции можно условно отнести реакции *работа* (1%) и *митинг* (3%), поскольку в данном случае речь может идти об ассоциациях с разгоном демонстраций/митингов или обеспечением безопасности их проведения, что, в любом случае, связано с функциями полиции. Однако, с нашей точки зрения, реакция *митинг* может быть обусловлена частым упоминанием неправомερных действий полиции по отношению к участникам митингов – подобные истории активно обсуждаются в СМИ в контексте нарушения прав и свобод, в частности, свободы слова. Также на периферии данной категории реакций находятся ассоциации *банда* (1%) как объект, на борьбу с которым направлена деятельность полиции, и *тюрьма* (3%) как закономерный итог для правонарушителей в результате успешной деятельности полиции.

Явно положительные характеристики данной структуры – *мужество, сила, хорошая* – были представлены только в 8% реакций.

Отрицательные ассоциации составили 25% ответов опрошенных, и их условно можно разделить на три группы:

- 1) характеристика полиции как единой структуры или ее отдельных представителей;
- 2) неправомερные действия, совершаемые полицией, или несоответствие поставленным задачам;
- 3) эмоции, вызываемые этим органом власти.

В первую категорию (8%) попали такие реакции, как *тупость, злые, ненадежные*, во вторую (13%) – *беспредел, насилие, взятки, коррупция*. Интересно отметить, что самыми частотными реакциями в первой и второй группах (по 10%) оказались *тупость* и *взятки / коррупция*. Третью категорию (4%) составили реакции, передающие негативное эмоциональное отношение к данной структуре власти

и ее представителям: *мрак, страх, разочарование*. Самой частотной негативно-эмоциональной реакцией респондентов оказался *страх*.

Интересно отметить, что не самой частотной, однако и не единичной стала жаргонная реакция *менты* (2%), говорящая зачастую о пренебрежительном отношении к представителям данной профессии. Примечательная данная реакция тем, что респонденты являются представителями юридического сообщества.

Выявленные в ходе опроса нечастотные реакции *британская* и *шериф* (2%) у выпускников юридического факультета, углубленно изучавших юридический английский язык и правовую систему страны изучаемого языка, могут говорить о возможной интерференции правовых концептов при «погружении» в иноязычную правовую реальность в процессе изучения языка специальности.

Аналогичная тенденция прослеживается при анализе реакций на слово-стимул *закон*: 2% респондентов предложили ассоциации *прецедент* (явление, характерное для английской судебной системы) и *law* – перевод русских слов *закон / право*.

Реакции на слово-стимул *закон* можно условно разделить на семь категорий:

- 1) реакции, связанные с формой существования и предназначением закона;
- 2) конкретные законы;
- 3) действие закона и применяемые в результате его нарушения санкции;
- 4) органы власти, ассоциирующиеся с «обладанием» законом, т. е. возможностью его создания, применения и интерпретации: а) государство как гарант существования и исполнения законов и б) суд как правоприменительный орган;
- 5) глагольные формы, репрезентирующие манипуляции, производимые с законом;
- 6) атрибуты закона;
- 7) эмоционально-оценочные определения, которые, в свою очередь, подразделяют на а) положительные и б) отрицательные.

Первая категория реакций, составившая 25% ответов респондентов, включила в себя ассоциации, основанные на форме существования закона и его предназначении. Сюда вошли такие реакции, как *право, правопорядок, порядок, правило, слово, основание*. Самыми

частотными из них оказались *право* (10%), *порядок* (9%) и *правило* (3%), при этом такая реакция, как *слово* не являясь частотной в данной категории, тем не менее передает представление профессионального сообщества о том, что язык является основной, если не единственной, формой существования правовых предписаний и права в целом.

Во вторую категорию, составившую 14% респондентов, были отнесены ассоциации с конкретными законами: *УК РФ, уголовный, федеральный, кодекс, конституция*. Самой частотной в этой категории оказалась реакция *конституция* (6%), что может говорить о признании превалирования основного закона страны над остальными законами, об уважении к действующей конституции, а также о частом цитировании положений документа. Абсолютное лидерство конституции среди реакций в данной категории может, среди прочего, указывать на существующую в профессиональном правовом сознании четкую иерархию законов, в которой основной закон страны, несомненно, «в гордом одиночестве» находится на самой верхней строчке.

Категория реакций, которые можно охарактеризовать как «действие закона и применяемые в результате его нарушения санкции», составила 8% ответов респондентов, и сюда вошли следующие ассоциации: *нарушение, наказание, ограничение, подчинение, тюрьма*. Наиболее частотной стала реакция *подчинение* – 4%.

Интересно отметить, что органы, напрямую связанные с исполнением закона, его охраной и применением, оказались не самыми частотными реакциями у представителей профессионального сообщества: реакции, попавшие в данную категорию, составили всего 5% от всех ответов опрошенных и были представлены словами *суд* (2%), *власть* и *государство*. Тем не менее с этой категорией может быть связана реакция *сила* как характеристика того органа или субъекта, который имеет влияние на законы и прерогативой которого является их применение и изменение.

Категория глагольных форм, репрезентирующей манипуляции, производимые с законом, включает глаголы *принимается* и *совершенствоваться*. Данная категория реакций оказалась одной из самых малочисленных – 4% ответов – однако представляет интерес с точки зрения выбора формы глагола: 2% респондентов поставили глагол *принимать* (являющийся частью выражения *принимать закон*) в несовершенный вид настоящего времени – *принимается*. Данный

интуитивный выбор формы глагола (вместо неопределенной формы глагола) может указывать на ассоциации с непрерывным законотворческим процессом, большое количество принимаемых новых законов, а также на сформированное в профессиональном правосознании представление о длительности и тщательности процедуры принятия закона.

Интересно, что если фразеологическая единица *буква закона* нашла свое отражение в ассоциативном ряду, то ассоциаций с выражением *дух закона* в ходе эксперимента выявлено не было. Категория «атрибутов» закона составила 5% ответов респондентов, и сюда, наряду с *буквой*, вошли такие реакции, как *книга, статья, весы*.

И, наконец, последняя категория объединила в себе определения, качественно характеризующие закон с точки зрения его вербальной формулировки, актуальности, характера и возможности применения. В подкатегорию положительно окрашенных ассоциаций были отнесены следующие реакции: *конкретный, совершенство, актуальный, суров, честный, строгий, гибкий, справедливый, эффективный*. Мы полагаем, что сюда же можно отнести реакцию *совесть*, так как, с нашей точки зрения, это ассоциация дана представителем профессионального сообщества с позиций применения закона. Самой частотной в этой подкатегории оказалась *строгость закона* (3%). Разнообразие и многочисленность положительных реакций на слово-стимул **закон**, на наш взгляд, может указывать на одобрительное отношение к существующему законодательству, позитивную оценку эффективности действия законов в России и доверие к существующей *букве закона*.

Подкатегория реакций, отрицательно определяющих характер и возможность применения закона, включает следующее: *профанация, не для всех, далеко, что дышло*. Анализируя реакции на слово-стимул **закон**, можно сделать следующие выводы: во-первых, ассоциативный эксперимент выявил больше положительных оценок закона (12%), чем отрицательных (4%); и, во-вторых, все отрицательные реакции (в отличие от положительных) оказались единичными.

Нельзя не отметить реакцию *Яровой* (именно в родительном падеже) на слово-стимул **закон**. Данная реакция, с нашей точки зрения, базируется не на собственном профессиональном или обыденном опыте «соприкосновения» с законом, а навязана СМИ через многократные

обсуждения «за и против» принимаемого «пакета Яровой». В данном случае определить связь данной реакции с профессиональным правосознанием или отметить какую-либо оценочность не представляется возможным, так как, мы считаем, эта ассоциация – не более чем автоматическое завершение выражения, навязанного извне и находящегося, что называется, на слуху.

Схожую тенденцию можно увидеть при анализе самой частотной реакции на слово-стимул **наказание**: 21 % респондентов предложил реакцию *преступление*. Отчасти это может объясняться популярностью произведения Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», его изучением в рамках школьной программы, множеством цитирований и «переносом» ситуаций и героев на явления реальной жизни. Вероятность предложенного объяснения подтверждается наличием реакций *Достоевский* в ответах респондентов. Также частично данная ассоциация могла быть предложена на основании причинно-следственной или «оппозиционной» связи: преступление влечет за собой наказание, каждому преступлению противопоставлено наказание. В таком случае, предложенная реакция может отражать восприятие тесной взаимосвязи преступления и неизбежного наказания, закрепившееся в профессиональном правосознании. В качестве ассоциаций-«причин» респондентами также были предложены реакции *вина, нарушение и убийство* (4%).

Второй по частотности категорией реакций – 20% ответов респондентов – стала категория, включающая виды наказания: *штраф, казнь, плеть, смерть, клетка, камера, тюрьма* (9%), *решетка*. На третьем месте по частотности находятся реакции-«синонимы» к слову-стимулу **наказание** (10%): *кара, приговор, возмездие, расплата, испытание, санкции*. Интересно отметить наличие среди ответов респондентов «антонимичных» реакций – *поощрение* (2%) и *пряник*. Данные реакции, на наш взгляд, не отражают профессиональное правосознание, так как не связаны со сферой права и основаны на лингвистическом принципе подбора синонимов и противопоставлении антонимических пар.

8 % ответов респондентов можно отнести к категории «процессуальных» реакций: *суд, прокурор, защита, закон, следствие, исполнение (приведение в исполнение наказания), амнистия*. Самые частотные реакции – *суд* и *закон* – могут свидетельствовать о сформированном

убеждении, что назначать наказание вправе только суд на основании закона.

И, наконец, отдельную категорию составляют реакции респондентов, характеризующие сущность наказания или вербализующие переживаемые эмоции. К первым относятся такие реакции, как *справедливое, условное, тяжкое, уголовное, суровое, необъективное*, а ко вторым – *страх и боль*. Анализ позволил сделать вывод, что наиболее распространенными характеристиками являются *уголовное* (6%), *справедливое* (4%) и *суровое* (3%).

Интересно отметить, что в процессе анализа была выявлена реакция *избежать (наказания)*, тогда как противоположного действия – *понести наказание* – в качестве реакции респондентами предложено не было.

Восприятие концепта «власть» представителями профессионального сообщества

С целью выявления способов концептуализации образа власти участникам ассоциативного эксперимента на втором этапе было предложено дать несколько ассоциаций со словом *власть*. При анализе предложенных реакций учитывались только наиболее частотные (встречающиеся в наибольшем количестве ответов респондентов), а также порядок представления реакций (первые три ассоциации).

В результате наиболее частотными (встречающимися в 35% ответов респондентов) оказались реакции, связанные с «источниками власти», как с точки зрения органов, от которых исходит императив, так и с точки зрения законных оснований для осуществления властных полномочий. В этой категории среди ассоциаций, отобранных для анализа, лидировала реакция *государственная* (13%), что может говорить о восприятии государства не как политической формы организации общества на конкретной территории, а как некоего абстрактного органа, аккумулирующего полномочия и имеющего возможность навязывать свою волю другим. Также распространенными ответами в данной категории были *президентская* (6%), *верховная* (4%), *полиция* (4%), *судебная* (2%). *Законность власти* как ее основная характеристика встречалась в 6% ответов опрошенных. Представляется важным отметить отсутствие реакций, связанных с законодательной властью, что может косвенно указывать на «сниженную значимость»

данной ветви власти в восприятии носителей языка. Также на основании распределения процентных показателей в отношении реакций *президентская, полиция* (орган исполнительной власти) и *судебная* можно предположить «иерархизацию» органов и, в особенности, ветвей власти (несмотря на их постулируемое законом равноправие) по объему реальной власти в восприятии носителей языка, однако данное утверждение требует дальнейшего исследования.

Реакции, связанные с тем, что должна непосредственно обеспечивать власть – *закон и порядок* – встречались в 23% ответов респондентов, на третьем месте по частотности реакций в ответах респондентов (20%) оказалась такая характеристика власти, как ее *коррупционность* (*коррупция* – 15%, *взятки* – 5%). Подобное восприятие органов власти представителями социума является «болевым точкой» концептуализации образа власти, и, несмотря на предпринимаемые попытки создания положительного имиджа и публичную борьбу с коррупцией, негативно окрашенное стереотипизированное восприятие по-прежнему превалирует в отношении государственного аппарата и его частей. Более того, в 6% ответов респондентов, наряду с коррупционностью власти, отмечалась ее *несправедливость*, а в 5% – *произвол / злоупотребление*, тогда как положительное восприятие органов власти было отмечено лишь в 7% ответов респондентов – власть характеризовалась как *честная и справедливая*.

Не менее тревожным показателем является частотность реакций (12%), связанных с подавлением и навязыванием чужой воли: *принуждение, контроль, диктатура*. Подобные реакции могут говорить об испытываемом ощущении ограничения прав и свобод со стороны государства, однако данное предположение также нуждается в уточнении и экспериментальном подтверждении.

Реакции *деньги и сила / могущество* как показатели того, что дает власть, встречались в 10% и 19% ответов респондентов соответственно.

Представляется интересным отметить такие реакции, как *Путин, РФ и монарх* (3%). Если первая приведенная реакция указывает на авторитет президента как лица, управляющего страной и обладающего неоспоримой властью, то реакция *монарх* может быть объяснена одним из двух факторов: с одной стороны, в СМИ неоднократно проводились аналогии между абсолютной монархией и влиянием, властью

и авторитетом действующего президента, более того, некоторые чиновники даже высказывали предложения о коронации президента. С другой стороны, учитывая, что среди респондентов были юристы, углубленно изучавшие юридический английский язык и правовую систему Великобритании, можно предположить связь данной реакции со вторично сформированным в процессе изучения иностранного языка профессиональным правосознанием и интерференцией правовых концептов.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать некоторые выводы.

1. Негативное восприятие власти или ее отдельных органов / ветвей власти может определяться несколькими факторами: демонизацией ее деятельности в СМИ, навязыванием негативных оценок извне, культивированием и тиражированием отрицательно окрашенных стереотипов, связанных с представителями власти. В частности, несмотря на публичную борьбу с коррупцией, реакции на слова-стимулы *полицья* и *власть* среди самых частотных обнаружили восприятие их как крайне коррумпированных. Здесь представляется важным обратить внимание на возможность направленной коррекции созданного имиджа, прежде всего среди представителей профессионального сообщества, посредством акцентирования достижений власти, демонстрации ее открытости и неподкупности, а также устранения факторов, приводящих к негативному опыту личного взаимодействия с представителями власти.

2. Не менее важным представляется уделить особое внимание неоднократно встречавшимся как в отношении полиции, так и власти в целом эмоциональным реакциям – *боль, страх, мрак, разочарование* – демонстрирующим, с нашей точки зрения, подсознательное негативное восприятие органов власти, сформированное на основании неудачного личного опыта общения с ними или на основе сопереживания наблюдаемому опыту / эмоциям другого лица. В данном случае, наряду с устранением факторов, приводящих к негативному опыту взаимодействия с представителями власти, видится значимой «пропаганда» опыта положительного: опыта получения помощи, защиты, торжества справедливости.

3. Минимальное количество единичных отрицательно окрашенных реакций на слово-стимул *закон*, с нашей точки зрения, отражает в целом доверие профессионального общества к действующему законодательству и удовлетворенность эффективностью его применения.

4. В восприятии представителей юридической профессии власть отождествляется с государством и его лидером, тогда как «значимость» отдельных ветвей власти и органов с точки зрения обладания реальной властью несколько снижается. Более того, несмотря на постулируемое принципом разделения властей равенство ветвей власти, в профессиональном правосознании (и, возможно, в обыденном правосознании) наблюдается тенденция к иерархической организации ветвей власти с точки зрения «степени властности» и объема влияния, однако это предположение нуждается в уточнении.

5. Представляется важным стремиться к искоренению реакций *контроль, ограничение, диктатура*, поскольку они могут указывать на ощущающееся ограничение прав и свобод со стороны государства, недопустимое в демократическом обществе.

Более того, наличие среди реакций таких слов, как *law, британская, монарх, прецедент*, дает основания говорить о возможной интерференции правовых концептов страны изучаемого языка при формировании профессионального правосознания, что может быть использовано как с целью формирования необходимых правовых установок, так и для коррекции уже существующих.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Григорьева И. В., Туманова А. Б. Из опыта концептуального анализа: свободный ассоциативный эксперимент // Неофилология. 2019. Т. 5 (17). С. 6–13. [Grigoryeva, I. V., Tumanova, A. B. (2019). Iz opyta konceptual'nogo analiza: svobodniy associativniy eksperiment (From the conceptual analysis experience: free associative experiment). *Neofilologia*, 5(17), 6–13. (In Russ.)]. URL: <https://elib.pstu.ru/vufind/EdsRecord/edselr,edselr.37374729> (дата обращения 26.07.2020).
- Джанаева В. В. К вопросу о свободном ассоциативном эксперименте // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2008. № 10. С. 14–20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-svobodnom-assotsiativnom-eksperimente/viewer> (дата обращения 26.07.2020). [Dzhanaeva, V. V. (2008). K voprosu o svobodnom assotsiativnom experimente (To the Problem of the Free Associative Experiment). *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 10, 14–20. (In Russ.)].

- Пищальникова В. А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. № 3. С. 749–761. doi: 10.22363/23129182-2019-23-3-749-761. 1 (дата обращения 26.07.2020). [Pishchalnikova, V. A. (2019). Interpretaziya associativnih dannih kak problema metodologii psiholinguisliki (Interpretation of Associative Data as a Methodological Issue of Psycholinguistics). *Russian Journal of Linguistics*, 23(3), 749–761. (In Russ.)].
- Словарь ассоциативных норм русского языка (САНРЯ) / под ред. А. А. Леонтьева. М.: Изд-во МГУ, 1977. [Leont'ev, A. A. (1977). (ed.), *Slovar' assotsiativnykh norm russkogo yazyka*. (The Dictionary of the Associative Norms of the Russian Language). Moscow: MSU. (In Russ.)].
- Хлопова А. И. Отражение политических событий в свободном ассоциативном эксперименте. // *Знание. Понимание. Умение*. 2019. № 2. С. 194–200. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-politicheskikh-sobytyi-v-svobodnom-assotsiativnom-eksperimente/viewer> (дата обращения 26.07.2020). [Khlopova, A. I. (2019). Otrazhenie politicheskikh sobytyi v svobodnom associativnom eksperimente. (The Reflection of Political Events in the Free Associative Experiment). *Znaniye. Ponomaniye. Umeniye*, 2, 194–200. (In Russ.)].

УДК 81. 112

Е. Е. Анисимова

доктор филологических наук, профессор кафедры грамматики
и истории немецкого языка факультет немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: letanisimova@mail.ru

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РЕЛИГИОЗНОГО
ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
(на примере энциклики Папы Франциска «Laudato si'»)**

В статье предпринимается попытка выявить особенности религиозного экологического дискурса на примере энциклики папы Франциска «Laudato si'». В статье определяются интенция энциклики, основные концепты («Бог», «творение», «человек», «природа», «окружающая среда» и др.), используемые коммуникативные стратегии и средства их реализации. К основным стратегиям отнесены: информационно-аналитическая, духовно-интерпретативная, призывно-назидательная, молитвенная. В статье делается вывод о том, что религиозный экологический дискурс характеризуется гибридностью, сочетанием в нем признаков религиозного, научного и политического дискурсов.

Ключевые слова: религиозный; экологический; дискурс; интенция; концепт; стратегия; гибридность.

E. E. Anisimova

Advanced Doctor (Philology), Professor of the Department of Grammar
and History of German, Faculty of German, Moscow State Linguistic University;
e-mail: letanisimova@mail.ru

**ABOUT THE PECULIARITIES
OF RELIGIOUS ENVIRONMENTAL DISCOURSE
(on the example of Pope Francis' encyclical "Laudato si'")**

The article is devoted to identifying the peculiarities of religious environmental discourse on the example of Pope Francis' encyclical "Laudato Si". The article defines the intention of the encyclical, the main concepts (God, thing of creation, human, nature, environment etc.), communication strategies used and means of their implementation. The main strategies include: information and analytical, spiritually interpretive, invocatory and protreptic, prayer. The article concludes that religious ecological discourse is characterized by hybridity, a combination of signs of religious, scientific and political discourses.

Key words: religious; environmental; discourse; intention; concept; strategy; hybridity.

Введение

Проблема защиты окружающей среды, приобретающая всё более глобальный характер в современном мире, ее обсуждение, как в среде специалистов, так и в широких кругах общественности, послужили основанием для формирования особого вида дискурса – экологического, изучение которого привлекает в последние годы пристальное внимание лингвистов. Экологический дискурс рассматривается исследователями как сложное коммуникативно-речевое явление, определяемое прежде всего на основе тематического фактора [Иванова 2007; Лагутина 2013; Зайцева 2014; Сухоруков 2017; Басинская 2019]. Так, А. В. Зайцева под экологическим дискурсом понимает, с одной стороны, «вид социальной коммуникации, в основе которой лежит речемыслительная деятельность в определенном историко-культурном контексте на базе общего предмета – экологии и охраны окружающей среды», с другой стороны, «совокупность экологических текстов, объединенных общей темой и направленных на реализацию определенной цели» [Зайцева 2014, с. 7]. К ключевым концептам данного дискурса лингвисты относят такие концепты, как «природа», «экология», «защита окружающей среды» [Иванова 2007].

Многогранность и масштабность экологической проблематики, широкий охват коммуникативных сфер, где она освещается, стилистическое и жанровое многообразие экологических текстов вызывают к жизни необходимость типологизации экологического дискурса. К субдискурсам экологического дискурса обычно относят: научный, юридический, массмедийный, художественный, бытовой [Басинская 2019]. Е. В. Иванова выделяет религиозно-проповеднический экологический субдискурс, представленный проповедями на экологические темы в церкви, обычно содержащими толкование с позиции Священного Писания двух фреймов: природные катаклизмы – наказание Божие; происки сатаны. Развивая полевой подход к рассмотрению экологического дискурса, исследователь считает научный субдискурс его ядром, а религиозно-проповеднический дискурс относит к его периферии [Иванова 2007].

Вопрос о значимости того или иного субдискурса в структуре экологического дискурса представляется дискуссионным и предполагает учет различных экстралингвистических факторов (исторических, культурных, региональных и др.). Применительно к странам католического

мира, где защита окружающей среды стала одной из центральных задач Церкви, служения папы Франциска в духовном руководстве папством, религиозный экологический дискурс занимает далеко не периферийное положение. Свидетельством тому являются многочисленные встречи, послания и видеообращения папы к правительствам разных стран, бизнес-лидерам, общественным организациям, участникам международных конференций, простым людям, посвященные сохранению окружающей среды. Понтификом учрежден «Всемирный день молитв о защите Божьего Творения», 24 мая 2015 года в Риме увидела свет фундаментальная энциклика «*Laudato si'*», ставшая программным заявлением католической церкви о проблемах климата и экологии.

Особенности религиозного экологического дискурса

Энциклика (*лат. encyclica* – окружное послание) является Посланием Папы Римского, посвященным какому-либо важному вопросу и обращенным всей Церкви [Католическая энциклопедия 2013]. Положения, излагаемые в энциклике, имеют большую значимость для жизни Церкви, сам документ может иметь характер философско-богословского эссе или научно-популярного трактата.

Энциклика «*Laudato si'. Enzyklika über die Sorge für das gemeinsame Haus*» («Энциклика о заботе об общем доме»), послужившая материалом исследования в настоящей статье, была написана на немецком языке, являющимся одним из национальных языков католической конфессии. Уже название энциклики, содержащее первые слова из гимна католического св. Франциска Ассизского «*Laudato si', mi Signore*» (*Gelobt, seist du, mein Herr*)¹, восхваляющего Бога в его творениях, выражает основную богословскую идею папского документа, отражает его экологическую направленность.

Адресантом энциклики, являющейся личным посланием, выступает папа Франциск, вместе с тем, выражая официальную позицию католической церкви по проблемам защиты окружающей среды, понтифик одновременно представляет коллективный авторский труд богословов, ученых разных областей знаний, экспертов, участвующих в подготовке и создании данного документа. В отличие от предшествующих

¹ Франциск Ассизский – католический святой, основавший в 1208 году нищенствующий монашеский орден францисканцев с целью проповеди в народе апостольской бедности, аскетизма, любви к ближнему.

энциклик, адресованных католикам, энциклика «*Laudato si'*» имеет экуменическую направленность и обращена ко всем людям, живущим на планете Земля, и каждому человеку отдельно:

Angesichts der weltweiten Umweltschäden möchte ich mich jetzt an jeden Menschen wenden, der auf diesem Planeten wohnt [Папст Францискус 2015, с. 7].

Интенцией энциклики является **духовное осмысление экологической ситуации в современном мире, призыв к сохранению жизни на Земле путем гармонизации отношений человека с Богом, природой, социумом.**

Композиционно энциклика включает введение (*Hinführung*) и шесть глав, раскрывающих проблему экологии в социально-экономическом и морально-религиозном аспектах:

Глава 1. *Was unserem Haus widerfährt* (Что происходит с нашим домом);

Глава 2. *Das Evangelium von der Schöpfung* (Евангелие творения);

Глава 3. *Der menschliche Wurzel der ökologischen Krise*

(Человеческие корни экологического кризиса);

Глава 4. *Eine ganzheitliche Ökologie* (Интегральная экология);

Глава 5. *Einige Leitlinien für Orientierung und Handlung*

(Некоторые ориентиры и направляющие линии в деятельности);

Глава 6. *Ökologische Erziehung und Spiritualität*

(Экологическое воспитание и духовность).

Завершается энциклика двумя молитвами: «*Gebet für unsere Erde*» («Молитва о нашей Земле»), «*Christliches Gebet mit der Schöpfung*» («Христианская молитва вместе со всеми Божиими созданиями»).

Проблематика, освещаемая в энциклике, позволяет выделить основные концепты в ее содержании, которые могут быть объединены в три группы:

- 1) макроконцепты, отражающие и вмещающие в себя всё существующее в мире, которые образуют дихотомию: *Бог-Творец / Gott, Schöpfer – Творение / Schöpfung*, представленный тремя основными концептами: *Человек / Mensch, Природа / Natur, Окружающая среда / Umwelt*.
- 2) концепты, отражающие материальные реалии современного мира: *Научно-технический прогресс / wissenschaftlich-technischer Fortschritt – Экологический кризис / ökologische Krise – Социальный кризис / soziale Krise*.

3. моральные концепты, отражающие представления о добре и зле, а также нормы поведения, вытекающие из этих представлений: *Любовь / Liebe – Справедливость / Gerechtigkeit – Грех / Sünde – Вина / Schuld – Общее благо / Gemeinwohl.*

Для реализации интенции в энциклике применяются различные коммуникативные стратегии, ядро которых составляют: информационно-аналитическая, духовно-интерпретативная, призывно-назидательная, молитвенная.

Суть *информационно-аналитической* стратегии заключается в том, чтобы не только информировать адресата об экологической ситуации в современном глобальном мире, но и предложить ему ее всесторонний анализ. Данная стратегия доминирует в главах энциклики, обращенных к материальному миру, рассматривающих технологические и социально-политические грани экологического кризиса, апеллирующих преимущественно к логическому способу мировосприятия адресатом. Опираясь на данные современной науки, используя фактическую аргументацию, энциклика раскрывает причинно-следственные отношения между ухудшением экологической обстановки и бедственным положением людей, особенно в беднейших странах мира. Особое место при этом занимают концепты «научно-технический прогресс», «экологический кризис», «социальный кризис». Концепт «научно-технический прогресс» не обладает в документе отрицательной оценочностью, поскольку достижения научно-технической цивилизации, по мнению папы, не имеют сами по себе негативных последствий и даже способствуют повышению качества жизни человечества:

Die gut ausgerichtete Technoscience kann nicht nur wirklich wertvolle Dinge produzieren, um die Lebensqualität des Menschen zu verbessern, von Gebrauchsgegenständen im Haushalt bis zu wichtigen Verkehrsmitteln, Brücken, Gebäuden, öffentlichen Orten [Papst Franziskus 2015, с. 81].

Данный концепт в энциклике репрезентирует многочисленная лексика, обозначающая современные технологии, изобретения, научные направления, виды энергии, химические вещества и т. д., например:

die Robotertechnik, die Biotechnologie, die Nanotechnologie, Bioakkumulation, die Informatik, die digitale Revolution, die Nuklearenergie, Herbiziden, Agrotaxiden.

Отрицательную коннотацию в энциклике приобретает словосочетание *das technokratische Paradigma*, обозначающее понятие «технократическая парадигма», понимаемое как подчинение духу техники, технократическое господство в основных сферах жизни общества:

Das technokratische Paradigma tendiert auch dazu, die Wirtschaft und die Politik zu beherrschen [там же, с. 86].

Превращение научно-технического прогресса из условия существования человечества в его конечную цель видится в энциклике одной из причин экологического и связанного с ним социального кризиса.

Концепт «экологический кризис» представлен в энциклике экологической лексикой, обозначающей явления и процессы, говорящие о разрушении природной среды обитания человека под влиянием научно-технического прогресса:

die Naturkatastrophe, der Klimawandel, der Wassermangel, die Verschmutzung, der Abfall, die Versauerung von Boden, die Lärmbelästigung, der Verlust der biologischen Vielfalt и др.

Особую активность в документе приобретают отрицательно коннотированные сложные слова с компонентом *Umwelt*:

die Umweltverschmutzung, die Umweltbelastung, der Umweltschaden, die Umweltschädigung, die Umweltzerstörung, die Umweltverletzung, die Umweltgefahren, die Umweltattacken.

Концепт «социальный кризис» в энциклике репрезентируется прежде всего общественно-политической лексикой, обозначающей причины хищнического потребления природных ресурсов в индустриальном обществе и их негативные социально-экономические, политические, культурные последствия:

die Korruption, Gewinnmaximierung, der Konsumismus, konsumorientierter Lebensstil, Konsum-Kultur, Wegwerfkultur, regelloser Markt, der Verlust der Identität, ethischer und kultureller Verfall, die Verschlechterung der Lebensqualität, sozialer Niedergang и др.

Освещая материальные основания социально-экологического кризиса, энциклика обнаруживает сближение с научным дискурсом. Для ее стиля характерны нейтральность, объективность, логичность,

точность, обоснованность, широкое применение терминологии, номинализация, усложненный синтаксис с большим количеством однородных членов предложения, несколькими придаточными. Приведем в качестве примера положение из энциклики о социальных компонентах глобального кризиса:

Zu den sozialen Komponenten der globalen Veränderung gehören auch die Auswirkungen einiger technologischer Neuerungen auf die Arbeit, die soziale Ausschließung, die Ungleichheit in der Verfügbarkeit und dem Konsum der Energie und anderen Diensten, die gesellschaftliche Aussplitterung, die Zunahme der Gewalt und das Aufkommen neuer Formen sozialer Aggressivität, der Rauschgifthandel und der steigende Drogenkonsum unter den Jüngsten, der Verlust der Identität [Papst Franziskus 2015, с. 37].

Суть *духовно-интерпретативной стратегии* заключается в истолковании экологического кризиса с позиции христианской этики. Данная стратегия применяется в главах энциклики, посвященных духовным основаниям кризисной экологической ситуации в современном мире. Духовно-интерпретативная стратегия основывается на учении Церкви о Сотворенном мире, она обращена к религиозному чувству адресата, его эмоционально-образному мировосприятию, при ее реализации используется концептуальная аргументация, где главным является аргумент к авторитету – Богу, Библии. В главах, где доминирует эта стратегия, широко применяются цитаты из Священного Писания, аллюзии на библейские сюжеты, прецедентные имена католических святых, прежде всего Франциска Ассизского, провозглашенного католической церковью покровителем экологов, отсылки к высказываниям предшественников папы Франциска на престоле.

Основное место в данных главах занимают макроконцепты «Бог», «творение», а также моральные концепты. В центре рассмотрения при этом находятся отношения между Богом и его творением, а также отношения Божиих творений между собой. Бог как творец и высшая инстанция в мироздании обозначается в энциклике номинациями *Schöpfer, allmächtiger Herrscher, Herr des Lebens, Freund des Lebens*, Бог присутствует в каждом творении:

Er ist im Innersten aller Dinge zugegen, ohne Autonomie seines Geschöpfes zu beeinträchtigen... [там же, с. 65].

При изложении учения о Сотворенном мире в энциклике широко используются средства образности. Так, каждое существо, выполняющее свое предназначение в мире, уподобляется *букве в Книге жизни (Buchstabe im kostbaren Buch Gottes)*, оно отражает *лучи Божественной мудрости и доброты (Strahl der Weisheit und Güte Gottes)*. Гармоничные отношения между Богом и Его творением передаются с помощью концептов «любовь» и «справедливость». Лексема *Liebe* / любовь встречается в энциклике в разных словосочетаниях:

göttliche Liebe; die Liebe Gottes; aus Liebe erschaffen; durch die Liebe erleuchten; mit Liebe umhüllen; voll von Worten der Liebe.

Концепт «любовь» представлен в энциклике образами из сферы семейных отношений, домашнего очага:

а) Бог – Отец:

Gott ist Vater [Papst Franziskus 2015, с. 76].

б) Творение – проявление любви Бога-Отца:

Die Schöpfung ist in der Ordnung der Liebe angesiedelt [там же, с. 63]. Jedes Geschöpf ist also Gegenstand der Zärtlichkeit des Vaters [там же, с. 63]. Der Erdboden, das Wasser, die Berge – alles ist eine Liebkosung Gottes [там же, с. 63].

в) люди, природа – единая семья. Данный образ передается с помощью:

– лексических единиц, содержащих в своем значении сему «единение», например:

die Gemeinschaft, universale Familie, die Menschheitsfamilie, die Geschwisterlichkeit, die Brüderlichkeit;

– антропонимов, обозначающих членов семьи; олицетворения явлений природы:

Alles ist aufeinander bezogen, und alle Menschen sind als Brüder und Schwestern gemeinsam auf einer wunderbaren Pilgerschaft, miteinander verflochten durch die Liebe, die Gott für jedes seiner Geschöpfe hegt und die uns auch in zärtlicher Liebe mit “Bruder Sonne“, „Schwester Mond“, Bruder Fluss und Mutter Erde vereint [Papst Franziskus 2015, с. 74].

г) мир, земля – дар Бога-Отца, общий дом:

An erster Stelle schließt es Dankbarkeit und Unentgeltlichkeit ein, das heißt ein Erkennen der Welt als ein von der Liebe des himmlischen Vaters erhaltenes Geschenk [там же, с. 167].

Die dringende Herausforderung, unser gemeinsames Haus zu schützen, schließt die Sorge ein, die gesamte Menschheitsfamilie ... zu vereinen [там же, с. 14].

д) окружающая среда – коллективная собственность, совместное наследство:

Die Umwelt ist ein kollektives Gut, ein Erbe der gesamten Menschheit und eine Verantwortung für alle [там же, с. 76].

е) человек выступает в таких различных ипостасях, как:

образ Божий (*Abbild Gottes*);

плод Божественного замысла (*Frucht des Gedanken Gottes*);

орудие в руках Бога (*Werkzeug Gottes*);

сотрудник (*Mitarbeiter*);

сторож, хранитель Божественного творения (*Beschützer, Hüter*);

домоуправитель (*Verwalter*).

Концепт «справедливость» толкуется в энциклике в богословском аспекте как сохранение в мире Божественного равновесия, соблюдение права каждого творения на существование.

Дисгармоничные отношения между Богом и Его творением передаются с помощью концептов «грех», «вина». Грех как разрушение гармоничных отношений между Творцом и творением в результате самонадеянных претензий человека на место Бога в мироздании рассматривается в энциклике как первопричина экологического кризиса. Следствием духовной деградации человека становятся:

- антогонистические отношения между ним и его средой обитания, передаваемые с помощью:
  - образа «враждебного противостояния, сменяющего дружеское рукопожатие»:

Deswegen haben der Mensch und die Welt der Dinge aufgehört, sich freundschaftlich die Hand zu reichen, und sind dazu übergegangen, feindselig einander gegenüber zu stehen [Papst Franziskus 2015, с. 84];

- образа «восстания» природы против человечества:
Statt seine Aufgabe als Mitarbeiter Gottes am Schöpfungswerk zu verwirklichen, setzt sich der Mensch an die Stelle Gottes und ruft dadurch die Auflehnung der Natur hervor [там же, с. 93].
- гибельное состояние природы и человека в результате разрыва их единства, что передается с помощью лексических единиц, содержащих семы «страдание», «уничтожение»:
die Klage der Erde, die Klage der Armen, die Schreie der Natur, das Stöhnen der Schwester Erde, die verletzte Welt, zugrunde gerichtete Geschöpfe и др.

Концепт «вина» используется в энциклике по отношению к богатым странам мира, господствующим классам общества, жертвами антигуманной деятельности которых в области экологии стали экономически отсталые страны, беднейшие слои общества. Данный концепт представлен в энциклике:

- антропонимами, обозначающими наиболее уязвимые группы населения, например: *die Armen, die Schwachen, die Ausgeschlossenen, die Verlassenen, die Verletzlichen*;
- лексемами с семой «неравенство», например: *die Ungerechtigkeit, das Ungleichgewicht*;
- лексемами с семой «долг», «ответственность», например: *die Schuld, die Verantwortung, die Verantwortlichkeit* и др.

Особое место в энциклике занимает концепт «общее благо», трактуемое католической церковью как совокупность условий общественной жизни, позволяющих обществам и отдельным их членам полнее и быстрее достигать своего совершенства¹. В документе этот концепт представлен в лексикой, обозначающей ценности, соблюдение которых обеспечивает гармоничное существование и развитие личности, например:

die Würde, das Recht, der Respekt der menschlichen Person, die Solidarität, der soziale Frieden, die Sicherheit, die Stabilität и др.

Целостный, многоаспектный подход к осмыслению проблем экологии в энциклике привел к появлению новых богословских понятий и неологизмов:

---

¹ II Ватиканский Собор. Пастырская конституция *Gaudium et spes* о Церкви в современном мире, 26 [Papst Franziskus 2005, с. 194].

ökologische Sünde (экологический грех);
ökologische Schuld (экологическая вина);
ökologische Gerechtigkeit (экологическая справедливость);
die Humanökologie (гуманная экология);
die ganzheitliche Ökologie (интегральная экология).

Суть **призывно-назидательной стратегии** состоит в том, чтобы призвать людей к покаянию, изменить их отношение к окружающему миру в духе христианской этики, способствовать сохранению окружающей среды. Реализации данной стратегии служат различные средства побуждения:

- глаголы *berufen*, *aufrufen* в форме пассива состояния, указывающие на высокое призвание человека в мире:
Wir Christen sind außerdem berufen, die Welt als ein Sakrament der Gemeinschaft anzunehmen... [там же, с. 11]
- модальный глагол *müssen*, выражающий объективную необходимость:
Deswegen muss der Mensch die gute Natur eines jeden Geschöpfes achten und sich hüten, die Dinge gegen ihre Ordnung zu gebrauchen [там же, с. 57].
- существительное *die Pflicht*, прилагательные *erforderlich*, *notwendig*, *unerlässlich*, причастия *dringend geboten*, выражающие настоятельную необходимость, обязанность:
Die gesamte Gesellschaft – und in ihr in besonderer Weise der Staat – hat die Pflicht, das Gemeinwohl zu verteidigen und zu fördern [там же, с. 123].
- модальный глагол *dürfen* с отрицанием, выражающий запрещение:
Wir Gläubigen dürfen nicht aufhören, Gott um das positive Vorankommen in den aktuellen Diskussionen zu bitten... [там же, с. 131]
- инклюзивные формы глагола в первом лице множественного числа, выражающие побуждение к совместному действию:
Gehen wir singend voran! [там же, с. 184]
- оптативные конструкции с модальным глаголом *mögen*, выражающие пожелания:

Mögen unsere Kräfte und unsere Sorgen um diesen Planeten uns nicht die Freude und die Hoffnung nehmen [там же, с. 184].

- глагол *bitten*, выражающий просьбу, например, личную просьбу папы к каждому человеку на Земле сохранять свое достоинство:

Jeden Menschen bitte ich, diese seine Würde nicht zu vergessen [там же, с. 157].

Суть *молитвенной стратегии* состоит в том, чтобы прославить Бога-Творца и Его святых, испросить их защиту и помощь людям в сохранении мира. Эта стратегия представлена в завершающей части энциклики, посвященной христианской духовности, и в молитвах, где наиболее ярко представлены такие черты религиозного дискурса, как торжественность, пафосность, эмоциональность, призывность. Реализации этих черт в папском документе служат:

- лексические единицы с семами «восхищение», «почитание», например, *bewundern, besingen, loben, preisen*;
- возвышенная лексика, например: *das Band der Liebe, die unendliche Schönheit Gottes*;
- междометия и возвеличивающие Бога обращения, например: *O Gott, dreifaltig Einer*;
- метафорические номинации Божией Матери, например: *die Königin der ganzen Schöpfung*;
- конъюнктив I в опативных конструкциях, например: *Er sei gelobt. Gelobt seist du* (звучит рефреном в молитве всех творений);
- побудительная форма глагола во втором лице единственного числа в мольбе к Всевышнему, например: *Überflute uns mit Frieden. Heile unser Leben*;
- завершающая религиозная формула *Amen*, подтверждающая истинность произнесенных слов и т. д.

Название энциклики, ее вступление и завершающая часть, в которых повторяются слова из гимна «*Laudato si'*», композиционно фокусируют внимание на основной идеи папского документа – всё в Боге и от Бога, сохранение окружающей среды является залогом продолжения жизни на Земле.

Заключение

Таким образом, анализ энциклики «Laudato si'», являющейся наиболее авторитетным документом католической церкви по вопросам охраны окружающей среды, относится в статье к экологическому религиозному дискурсу. Особенностью данного дискурса является сочетание в нем признаков научного, политического и религиозного дискурсов, что проявляется: в его концептуальной организации (сосуществовании в нем концептов научной и религиозной картины мира); применении в нем наряду с информационно-аналитической стратегией, характерной для научной и политической коммуникации, стратегий, специфических для религиозного общения (духовно-интерпретативной, призывно-назидательной, молитвенной); в языковой организации (соединение в нем объективного, логичного стиля научного изложения с возвышенностью, эмоциональностью религиозной речи, использование научных терминов, общественно-политической лексики наряду с религиозной лексикой, средствами библейской образности и т. д.). Проведенное исследование позволяет рассматривать экологический религиозный дискурс как гибридный дискурс, дальнейшее изучение которого представляет интерес для дискурсологии, когнитивной лингвистики, теолингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУР / REFERENCES

- Басинская М. В. Современные номинативные процессы в англоязычном экологическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. [Basinskaja, M. V. (2019). *Sovremennye nominativnye processy v anglojazychnom jekologicheskom diskurse*. (Recent Nominative Processes in English Ecological Discourse): thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Зайцева А. В. Типология текстов экологического дискурса ФРГ: дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2014. [Zajceva, A. V. (2014). *Tipologija tekstov jekologicheskogo diskursa v FRG*. (Typology of Ecological Discourse in Germany): thesis of Ph D in Philology. Smolensk. (In Russ.)].
- Иванова Е. В. Метафорическая концептуализация природных катастроф в экологическом дискурсе (на материале медийных текстов): дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. [Ivanova, E. V. (2007). *Metaforicheskaja konceptualizacia prirodnyh katastrof v jekologicheskom diskurse (na materiale medijnyh tekstov)*. (Metaphor Concepts of Natural Disasters in Ecological Discourse (analysis based on media texts): thesis of PhD in Philology. Cheljabinsk. (In Russ.)].

- Католическая энциклопедия: в 5 т. М.: Издательство Францисканцев, 2013. Т. V. [*Katolicheskaia jenciklopedija* (Catholic Encyclopedia): in 5 vols. M.: Izdatel'stvo Franciskancev, 2013. Vol. V. (In Russ.)].
- Лагутина А. А. Доминантные экологические реалии в современном газетно-публицистическом дискурсе и средства их языковой категоризации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2013. [Lagutina, A. A. (2013). *Dominantnye jekologicheskie realii v sovremennom gazetno-publicisticheskom diskurse i sredstva ih kategorizacii*. (Dominant Ecological Manifestations in Modern Publicistic Discourse and Means of their Linguistic): abstract of PhD in Philology. Voronezh. (In Russ.)].
- Сухоруков Е. А. Современная немецкая сказка как инструмент формирования экологического сознания: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. [Suhorukov, E. A. (2017). *Sovremennaja nemesckaja skaska kak instrument formirovanija jekologoeskogo soznaniia*. (Modern Germany ecological fairy tale as means to build up ecological awareness): thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Papst Franziskus*. Laudato si'. Enzyklika Gelobt seist du, mein Herr. Leipzig: St. Benno Verlag GmbH, 2015.

УДК 811.133.1

И. В. Бакаев

аспирант кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета; e-mail: ivbakaev@rambler.ru

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА В КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОМАНА ЭРВЕ БАЗЕНА «ЗМЕЯ В КУЛАКЕ»

В статье анализируются когнитивные метафоры и их прагматическая роль в концептуальной системе романа Эрве Базена «Змея в кулаке». Согласно представлениям когнитивной лингвистики метафора – ментальная операция, в основе которой лежит взаимодействие двух сфер человеческого знания. Метафоры, использованные в тексте, являются частью концептуальной системы произведения, в которой каждая метафора дополняет и уточняет другие. В работе рассматривается, каким образом последовательность метафор позволяет автору вызвать у читателя определенную эмоциональную реакцию и чувство сопереживания.

Ключевые слова: когнитивистика; когнитивная метафора; виды метафор; художественный образ; авторская картина мира; художественный стиль.

I. V. Bakaev

Postgraduate student, Department of Lexicology and Stylistics of the French Language, Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University; e-mail: ivbakaev@rambler.ru

COGNITIVE METAPHOR IN THE CONCEPTUAL SYSTEM OF “VIPER IN THE FIST” NOVEL BY HERVE BAZIN

The research is devoted to the analysis of cognitive metaphors and their pragmatic role in the conceptual system of Herve Bazin's novel “Viper in the Fist”. According to the cognitive science, metaphor is a mental operation based on the interaction between two spheres of human knowledge. Metaphors used in a text make part of its conceptual system in which each metaphor completes and specifies other metaphors. The analysis shows how the sequence of metaphors in the novel lets the author provoke a certain emotional reaction and a sense of empathy in the reader.

Key words: cognitive science; cognitive metaphor; types of metaphor; artistic image; author's worldview; belles-lettres style.

Введение

В современной когнитивной лингвистике большое место занимают исследования, посвященные метафоре, ее функциям в текстах различных стилей. В художественном стиле метафора является не просто

средством художественной выразительности, а комплексным явлением – художественным образом. Художественный образ формируется писателем на основе сближения двух сфер внешнего или внутреннего мира с опорой на определенный признак. Чем дальше отстоят друг от друга эти сферы, тем оригинальнее когнитивная метафора, тем выше ее прагматический потенциал. В целом когнитивная метафора приобретает статус художественной. Следует согласиться с авторами, которые квалифицируют метафору как вторичную номинацию, способную качественно модифицировать восприятие определенных фрагментов объективной действительности [Тихонова, Тихонов 2015].

Исследователи говорят о наличии в авторском языке определенного когнитивного стиля – способа словесно-образной организации художественного текста, при котором экспрессивные средства, использованные автором, служат ключом для интерпретации художественного текста и понимания его семантической структуры. Когнитивный стиль обуславливает выбор автором выразительных средств с целью воздействия на эмоциональное восприятие текста читателем. Частое употребление метафор может являться отличительной чертой авторского когнитивного стиля. Когнитивная метафора позволяет автору создавать новый образ познаваемого объекта и таким образом оказывать влияние на картину мира читателя [Сахарова 2013].

Следует отметить, что метафора может не ограничиваться одним образом, а реализовывать сразу несколько образов. Группа таких метафор, использованных в художественном тексте, образуют цепочку, последовательность, в которой каждая метафора является частью общего метафорического образа. Данный троп также обладает высокой степенью оценочности и экспрессии. Эмоционально-смысловая составляющая является организующим центром художественного произведения и в большинстве случаев выражается с помощью метафор [Облецова, Гурин 2020].

В нашем исследовании мы проанализировали комплекс когнитивных метафор в романе французского писателя Эрве Базена «Змея в кулаке», опубликованного в 1948 году. В основу сюжета романа положены семейные взаимоотношения. Главный герой, молодой человек по имени Жан Резо, от лица которого ведется повествование в романе, с самого детства подвергается нападкам со стороны собственной матери, которая устанавливает в доме жесткие правила поведения,

всячески унижает собственных детей и подавляет их волю. Жан не соглашается с таким положением вещей и старается различными способами противостоять своей матери. Прототипом данного персонажа стал сам автор романа. Читатель становится своего рода молчаливым свидетелем материнской жестокости, которую пережил Эрве Базен. Исследователи отмечают, что изложение собственного опыта в художественном произведении может позволить автору освободиться от негативных воспоминаний и переживаний [Dupaÿs-Guieu 2010]. С этим связано использование большого количества когнитивных метафор в исследуемом романе, поскольку они способствуют наиболее экспрессивной передаче читателю эмоциональной обстановки, царившей в доме семьи Резо, и тех чувств, которые испытывает главный герой с самого детства.

Анималистическая и религиозная метафора

Анималистическая метафора играет в романе большую роль, поскольку в основу повествования положено сравнение матери главного героя со змеей. Важность данной метафоры в концептуальной системе романа демонстрирует и тот факт, что она отражена в названии произведения, с которым читатель знакомится в первую очередь – «*Vipère au poing*».

Первая сцена романа также связана со змеей, но не метафорической, а реальной – маленький Жан ловит и душит гадюку. Уже здесь автор начинает выстраивание концептуальной метафоры «мать – змея» и таким образом знакомит нас с ней, хотя на момент начала повествования сам Жан не был знаком с собственной матерью, поскольку та жила с мужем вдали от старших детей:

...mais des yeux <...> tout pétillants d'une lumière que <...> je retrouverais dans les prunelles de Folcoche ... (*H. Bazin. Vipère au poing*)

Здесь же автор начинает дополнять данный образ отсылкой к ветхозаветной истории о первородном грехе, демонстрируя коварство данного существа:

Elle avait aussi <...> la fameuse langue bifide – une pointe pour Ève, une pointe pour Adam (*H. Bazin. Vipère au poing*).

Необходимо отметить, что сравнение матери со змеей свойственно только Жану наедине с самим собой. В разговорах он и его братья

зовут ее *Безумная свинья (Folcoche)*. Главный герой сравнивает звучание голоса матери с шипением змеи:

...elle ne crie pas sa fureur, elle la siffle (H. Bazin. *Vipère au poing*).

Взгляд матери также сравнивается со змеиным, ядовитым:

Tu peux durcir ton vert de prunelle, ton vert-de-gris de poison de regard (H. Bazin. *Vipère au poing*).

Создается образ матери как ядовитого существа:

Non, Folcoche, tu ne parviendras pas à *empoisonner notre joie* (H. Bazin. *Vipère au poing*).

Tu as trouvé à ton foyer *la contre-mère dont les deux seins sont acides* (H. Bazin. *Vipère au poing*).

Однако с течением времени Жан понимает, что его ненависть к матери становится потребностью. В его жизни начинают появляться другие змеи:

Cette *nouvelle vipère* qui me grouillait dans le corps, *il fallait aussi l'étrangler* (H. Bazin. *Vipère au poing*).

В данном случае змеей стало желание близости с другими женщинами. Данная метафора «змея – желание близости» позволяет автору продемонстрировать отношение главного героя к другим женщинам: Жан проецирует на них образ своей матери.

В то же время сам Жан пострадал в процессе борьбы с матерью, поскольку вырос черствым, недоверчивым и циничным человеком:

Cette *vipère, ma vipère, dûment étranglée, mais partout renaissante*, je la brandis encore et je la brandirai toujours ... (H. Bazin. *Vipère au poing*).

Таким образом автор сумел создать мощный концептуальный образ «матери-змеи». Образ змеи как хитрого, изворотливого и в то же время очень опасного и ядовитого животного с помощью когнитивной метафоры проецируется на образ матери, которая различными способами портит и отравляет жизнь собственным детям. Исследователи отмечают, что использование анималистической метафоры по отношению к матери, свидетельствует о неспособности автора представить ее как человеческое существо [Dupays-Guieu 2010].

Военная и политическая метафора

Военная метафора также составляет важную часть концептуальной системы романа. В самом названии романа «Змея в кулаке» заключен военный образ – кулак как символ борьбы, в данном случае с матерью-змеей. Уже в самом начале романа автор развивает этот образ с помощью сравнения Жана с Геркулесом:

Hercule au berceau étouffant les reptiles : voilà un mythe expliqué ! (H. Bazin. Vipère au poing).

Нужно отметить, что военная метафора в романе тесно связана с политической. Автор формирует образ семьи Резо как государства, в котором проводится определенная политика. Возвращение матери домой у Жана ассоциируется с «приходом к власти» и принятием определенных политических решений, например:

Un an après la prise du pouvoir par notre mère, nous n'avions plus aucune foi dans la justice des nôtres (H. Bazin. Vipère au poing).

Et Frédie trouva un nom pour cette politique: la cleftomanie (H. Bazin. Vipère au poing).

Madame mère, ayant décrété la réquisition de nos bourses, saisit également tous objets de valeur en notre possession (H. Bazin. Vipère au poing).

Une flèche venait de la traverser dans la région du cœur. Je me demande même si, avec de la diplomatie, je n'aurais pas pu... mais non ! (H. Bazin. Vipère au poing).

...que resterait-il de son empire lors de son retour ? (H. Bazin. Vipère au poing).

Одним из важных этапов развития системы политической метафоры в романе является момент, когда братья создают «Картель мальчишек» – объединение для борьбы с репрессивными действиями матери. По аналогии с реальными политическими объединениями ребята считают себя «левыми»:

Cette décision du « cartel des Gosses », mené, comme toutes les formations politiques, par les éléments d'extrême gauche ... (H. Bazin. Vipère au poing).

Для придания официального статуса внутрисемейному образованию ребята составили декларацию прав, взяв за основу текст Декларации прав человека, и поставили свои подписи под данным документом:

Il reçut également un certain nombre de vieilles clefs et le texte de « *La Déclaration des Droits* », rédigée par Frédie sur le modèle de la *Déclaration des Droits de l'Homme et revêtue des quatre signatures des membres du cartel* (H. Bazin. *Vipère au poing*).

Данная организация имеет собственную кассу, которую дети используют как средство финансовой и материальной независимости от действий матери, а также созывает официальные собрания:

Une conférence tenue dans ma chambre trancha ce débat : Frédie verserait soixante pour cent de ses pieux pourboires à la caisse secrète que nous venions de constituer... (H. Bazin. *Vipère au poing*).

Создание данной организации стало реакцией Жана на репрессивные действия матери: таким образом, он заручался поддержкой своих братьев для ведения организованного сопротивления. Данный сюжет дополняется развитой системой военной метафоры в романе, поскольку внутрисемейные проблемы часто перерастают в открытые или скрытые конфликты. Жану было очень важно договориться с братьями, так как он не мог получить поддержку отца – человека с довольно слабым характером, который не имел практически никакого влияния на собственную жену. Отец понимал, что в отношениях между Жаном и матерью существует очень серьезный конфликт, но старался не вмешиваться в данную «войну», даже когда видел, что происходило настоящее избиение:

Au souper, papa ne put ne pas remarquer les traces du combat. <...> Puisque cet enfant ne se plaignait pas, pourquoi rallumer la guerre ? (H. Bazin. *Vipère au poing*).

Жан понимает, что отец и сам иногда пытается противостоять матери, но делает это довольно неумело и как правило проигрывает:

Il battit en retraite, tels ces généraux vainqueurs qui ne savent exploiter un succès provisoire (H. Bazin. *Vipère au poing*).

Метафорическая война между сыном и матерью имеет все атрибуты войны обыкновенной: присутствуют военные звания, используются различные виды оружия, ведутся битвы и завоевания.

...Folcoche, qui eût fait un excellent officier de corps francs (H. Bazin. *Vipère au poing*).

...notre père, descendu sans enthousiasme de son grenier à insectes et *promu lieutenant général du royaume* (H. Bazin. *Vipère au poing*).

Дети «отвоевывают» свои права и возможности в доме (совокупность которых называется «периметром»), несмотря на попытки матери вернуть былое положение вещей, и в результате воюющие стороны заключают перемирие:

Et la «reconquête» continua. Dès le lendemain, le périmètre fut forcé (H. Bazin. *Vipère au poing*).

Sa première contre-attaque, engagée de front, échoua (H. Bazin. *Vipère au poing*).

...elle dut provisoirement relâcher sa surveillance, conclure avec nous *une sorte de trêve tacite* (H. Bazin. *Vipère au poing*).

Военными терминами Жан описывает не только свои отношения с собственной матерью, но и вообще всё, что с ней связано:

Folcoche se débattit en vain. Au bout de sept heures de crise, elle capitula (H. Bazin. *Vipère au poing*).

Cette voix criarde qui assassinait les échos pour appeler «les enfants» (H. Bazin. *Vipère au poing*).

Психимора также прибегает к использованию военных метафор по отношению к собственному сыну:

Je ne capitule pas devant un enfant qui insulte à mon autorité (H. Bazin. *Vipère au poing*).

Одним из способов вступить в противостояние с матерью, продемонстрировать ей свою силу воли для Жана становится способность смотреть ей в глаза не отводя взгляда – «перестрелка взглядами».

Et la pistolétade ? Tu sais, Folcoche, la pistolétade! (H. Bazin. *Vipère au poing*).

Взгляд матери в концептуальной системе романа приобретает свойства настоящего оружия:

Folcoche le fusilla de la prunelle et, sitôt les grâces dites, rentra dans sa chambre (H. Bazin. *Vipère au poing*).

С помощью военных метафор автор дает читателю возможность почувствовать всю трудность положения главного героя, вынужденного

идти против несправедливости и вести борьбу с собственной матерью. Политическая метафора, дополняя военную, показывает, что Жан не может использовать прямой конфликт для борьбы с матерью, зачастую ему приходится идти на хитрость, искать союзников в своих братьях, договариваться с отцом и с самой матерью.

Заключение

Когнитивная метафора имеет трехчастное строение: основной объект, вспомогательный объект и признак, на основе которого устанавливается аналогия, подобие между объектами. Основатели теории когнитивной метафоры Дж. Лакофф и М. Джонсон писали: «Суть метафоры – это понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [Лакофф, Джонсон 2008, с. 27]. В литературном произведении аналогия выступает как художественный образ. Выбор вспомогательного объекта обусловлен авторской концепцией художественного произведения. Не менее важно установить, почему в качестве метафоризации профилируются определенные стороны, характеристики, свойства объекта. Чем оригинальнее художественный образ, тем сильнее его эмоциональное воздействие на читателя. Художественная метафора является авторской, характеризуется индивидуальностью, оригинальностью, невоспроизводимостью. Нередко она выступает в функции олицетворения.

На примере романа «Змея в кулаке» установлено, что когнитивная метафора выступает очень мощным средством экспрессии и воздействия. Используя образы из сферы войны, политики, животного мира автор воздействует на читателя, провоцируя у него определенную эмоциональную реакцию, вызывая чувство сопереживания. «Изучая влияние текста на читателя, нельзя обойти вниманием возникающее в ходе чтения сопереживание с героями» [Бочкарев 2014, с. 290]. Художественный образ в романе Э. Базена строится на основе метафорического ряда.

В то же время в романе поднимается ряд важных социальных вопросов (воспитание, взаимоотношения родителей и детей). С помощью когнитивной метафоры автор привлекает внимание читателя к данным вопросам и таким образом воздействует на его картину мира. В результате концептуальная система произведения выступает в роли своего рода модели авторского художественного восприятия описываемой действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бочкарев А. Е.* Семантика. Основной лексикон. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2014. [Bochkarev, A. E. (2014). Semantika. Osnovnoi leksikon (Semantics. Basic lexicon). Nizhnii Novgorod: DEKOM. (In Russ.)].
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: ЛКИ, 2008. [Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafori, kotorymi my zhivem (Metaphors We Live By). M.: LKI, 2008. 256 p. (In Russ.)]
- Облецова Е. В., Гурин В. В.* Метафорическая репрезентация эмоционального концепта LOVE в художественной картине мира У. С. Моэма // *Litera*. 2020. Вып. 2. С. 37–44. [Obletsova, E. V., Gurin, V. V. (2020). Metaforicheskaya reprezentatsiya emotsional'nogo koncepta LOVE v khudozhestvennoj kartine mira U. S. Moema (Metaphorical Representation of the Emotional Concept of Love in W. S. Maugham's Artistic Worldview). *Litera*, 2, 37–44. (In Russ.)].
- Сахарова Е. А.* Метафорический код художественного текста (на материале художественной прозы Д. Рубиной) // *Вестник ИГЛУ*. 2013. Вып. 4 (25). С. 115–121. [Sakharova, E. A. (2013). Metaforicheskii kod khudozhestvennogo teksta (na materiale khudozhestvennoi prozy D. Rubinoi). (On metaphorical code of the literary text: reading D. Rubina's prose). *Vestnik IGLU*, 4(25), 115–121. (In Russ.)].
- Тихонова И. В., Тихонов И. А.* Метафора в когнитивных исследованиях // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2015. Вып. 7 (68). С. 64–69. [Tihonova, I. V., Tihonov, I. A. (2015). Metafora v kognitivnykh issledovaniyakh (Metaphor in Cognitive Research). *Vestnik of Cherepovets State University*, 7(68), 64–69. (In Russ.)].
- Dupays-Guieu A.* Vipère au poing. L'écriture d'une violence intrafamiliale (Grasping the Viper : Writing on Intrafamilial Violence) // *Dialogue*. 2010. Vol. 1 (187). Pp. 127–140.

УДК 81'342

Т. Г. Бочарова

кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: losange2013@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИНТЕРВЬЮ КАК ОСОБЫЙ ЖАНР МЕДИАДИСКУРСА

В статье исследуется прагматическая роль экстралингвистического параметра создания литературного интервью – профессионального престижа интервьюируемого писателя, определяются языковые и композиционные особенности построения медиадискурса данного жанра, влияющие на его коммуникативный эффект.

Ключевые слова: литературное интервью; ситуация речевого общения; профессиональный авторитет писателя; ориентация на читателя; самораскрытие писателя; прагматический эффект текста.

T. G. Bocharova

PhD (Philology), Associate Professor, Department of French Lexicology and Stylistics, Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University; e-mail: losange2013@yandex.ru

LITERARY INTERVIEW AS A PARTICULAR GENRE IN THE MASS MEDIA PAPER PRINTED DISCOURSE

The article is devoted to the analysis of the pragmatic role of the writer's professional authority in literary interview which help establish close contact with readers thus enhancing the pragmatic effect of the newspaper printed discourse.

Key words: literary interview; the language communication's situation; the writer's professional authority; language specificity; orientation towards the reader; writer's self-expression; pragmatic effect.

Введение

Литературные интервью (ЛИ) являются особой диалогической разновидностью медийного дискурса информационно-документального жанра, возникшего «на стыке литературы и публицистики» [Зыкова 1980; Шмидт 1978]. Диалог журналиста с писателем в ЛИ печатных СМИ имеет основной целью оказать прагматическое воздействие на читателя, вызвав его интерес к теме беседы и реакцию на информацию и рассуждения интервьюируемого автора. Для возникновения

внутреннего диалога читателя с писателем журналист должен использовать соответствующую тактику речевого взаимодействия с собеседником и затронуть темы, интересующие читательскую аудиторию.

Основная часть

ЛИ могут быть информационного, проблемного или личностного характера. Т. В. Шумилина отмечает, что информационное интервью «ставит целью сообщение новых сведений из первых рук», проблемное интервью « ставит центром внимания проблему, заостряет ее, разъясняет, анализирует», тогда как основной целью личностного интервью является раскрытие черт характера, взглядов, мнений, вкусов, особенностей личности собеседника [Шумилина 1981, с. 20]. В современных французских СМИ чаще всего встречаются газетные ЛИ смешанного типа, в которых наблюдается наслоение на фоне информативной функции языка конативной и/или экспрессивной языковых функций, так как в ЛИ отражаются и сопутствуют друг другу две тенденции:

- 1) «тенденция к строгой документальности, достоверности, точному воспроизведению событий;
- 2) тенденция к живописному, эмоциональному изображению действительности, стремление не только отразить событие, но и показать свое отношение к нему» [Солганик 1970, с. 21].

Наличие монологизации в речевых секторах журналиста и писателя в ЛИ отвечает задаче «включения читателей в особую ситуацию общения, для создания общего информационного фона» [Краснопёрова 2011, с. 31–35] интервьюируемого автора и читателя ЛИ. Вопрос задается журналистом с намерением получить на него исчерпывающий ответ собеседника, чтобы предоставить читателям возможность сопоставить картину мира автора с их собственным видением окружающей реальности. Читатель при этом пополняет общий фонд своих знаний, знакомится с жизнью, творчеством и оригинальными идеями интервьюируемого писателя, что усиливает прагматический эффект ЛИ.

О важности учета параметров ситуации общения коммуникантов в лингвистических исследованиях текстовых категорий говорится в следующем высказывании О. Дюкро и Ц. Тодорова: «... трудно утверждать, что ситуация лингвиста не интересует, даже в том случае, если лингвист анализирует сами высказывания, а не какие-то определенные акты высказывания» [Ducrot, Todorov 1972, с. 418]. Одним из

параметров ситуации общения в ЛИ, наряду с темой беседы, характером речевого взаимодействия партнеров по интервью (социологический фактор), которое может быть совместным, индивидуально-совместным и «псевдосовместным» [Машбиц, Гергей 1973, с. 157], различным проявлением языковых функций в ходе обмена информацией по затронутым в ЛИ темам, большую роль играет такой экстралингвистический фактор как профессиональный авторитет интервьюируемого писателя, предопределяющий многие языковые и композиционные свойства ЛИ.

В исследованиях по социолингвистике подчеркивается, что эффективность воздействия интервью на читателя «зависит от степени авторитета, убедительности суждений интервьюируемых лиц» [Проблемы информации в печати 1971, с. 164]. Это позволяет предположить, что ЛИ с известным писателем будет иметь ряд языковых и композиционных особенностей по сравнению с ЛИ с дебютантом в литературе, интервью с которым публикуется для представления читателям первой книги автора.

Рассмотрим влияние фактора профессионального престижа интервьюируемого писателя на внутритекстовую структуру печатных ЛИ.

Конативная и экспрессивная функции языка, наслаиваясь на основную – информативную функцию, – выполняют в ЛИ прагматическую роль в задаче вовлечения читателей в процесс активного восприятия содержания интервью, сочетающего в себе объективную информацию и субъективную интерпретацию писателем приводимых в интервью фактов.

Для того чтобы наиболее эффективно воздействовать на читателей, в речевом секторе писателя имеет место как коммуникативное приспособление к реципиентам, так и коммуникативное самораскрытие [Яноушек 1970, с. 13–14] интервьюируемого автора. Как подчеркивал Р. Якобсон, «различия между сообщениями проявляются не в монопольном проявлении какой-либо одной функции, а в их различной иерархии. Словесная структура сообщения зависит прежде всего от преобладающей функции» [Якобсон 1975, с. 198].

Коммуникативное приспособление, или ориентация на читателя, возникает при включении в текст элементов диалога, стимулирующих мысленную ответную реакцию читателя на предлагаемое сообщение. Коммуникативное самораскрытие писателя позволяет реципиентам

составить себе мнение об отправителе информации и этим повысить их интерес к содержанию ЛИ. Эти параметры ситуации речевого взаимодействия коммуникантов в ЛИ свидетельствуют о том, «что существуют некоторые стереотипы ситуаций, которые сопровождают тот или иной тип коммуникации, определяют то или иное содержание акта коммуникации» [Колшанский 1973, с. 16].

Параметр профессионального авторитета отправителя сообщения может существенным образом изменить внутритекстовую структуру микротекстов журналиста и интервьюируемого писателя, внося в них некоторые особенности стилистического характера, в том числе элементы стилизации под устную форму речевого взаимодействия партнеров по интервью. Мы предполагаем, что разнообразие в выборе языковых средств построения ЛИ проявляется в наибольшей степени в интервью с писателем, имеющим высокий профессиональный авторитет.

Рассмотрим подробнее прагматическую роль профессионального авторитета интервьюируемого писателя в образовании «исходных рамок для языковых интенциональных действий» [Шмидт 1978, с. 100] коммуникантов в ЛИ, а именно: внутренней установки (функциональный фактор) отправителя речи на способ построения своего сообщения.

Языковыми средствами, особенности использования которых в ЛИ печатных СМИ предопределяются параметром профессионального престижа писателя, являются: повторы лексических единиц, глаголы 1-го, 2-го лица и с неопределенно-личным местоимением *on*, различные типы высказываний, в том числе потенциально автономные высказывания, рассматриваемые в данном исследовании как повторы расширенного типа, которые позволяют писателю подытожить высказанные им ранее идеи. Потенциально автономные высказывания, как подчеркивают Т. И. Голубева и Н. В. Кудряшова, «это те же выводы, к которым пришел автор в результате прожитой им жизни» [Голубева, Кудряшова 2019, с. 82]. Например, потенциально автономное высказывание известного французского писателя Д. Пеннака «*L'amour absolu est un acte de résistance*», вынесенное журналистом в заголовок ЛИ, несомненно привлечет внимание читателей к данной публикации и вызовет их мысленный диалог с автором, рассуждающим о любовных отношениях своих персонажей (*L'amour absolu est un acte de résistance. Le Figaro. 24.04.2015*).

Необходимо отметить, что данные языковые средства выполняют в ЛИ роль связующего звена грамматического, логического, композиционно-структурного, стилистического, семантического и в некоторых случаях ритмикообразующего порядка. Они обеспечивают присоединительную связность внутри микротекста – связь между непосредственными составляющими реплик микротекста – высказываниями, следующими одно за другим, и встречную связь [Щур, Мальченко 1976, с. 283] – связь между репликой журналиста и репликой интервьюируемого писателя, речевым стимулом и реакцией на него. Д. Брчакова называет этот тип связности межрепликовой связностью, связностью на стыке реплик [Брчакова 1979, с. 258]. Рассматриваемые языковые единицы выполняют прагматическую функцию речевого воздействия на читателей, приглашая их к мысленному включению в диалог журналиста с писателем.

Так, лексико-семантические повторы, будучи опорными элементами текста [Венгеровская 1976, с. 210], облегчают восприятие читателем предлагаемой в ЛИ информации. Как каждый речевой факт, повторы обладают в тексте «логической или эмоциональной доминантой» [Балли 1961, с. 183], являясь средством логического усиления при доминировании конативной функции языка или эмоционального воздействия на основного реципиента информации – читателя – при преобладании экспрессивной функции языка. Следует отметить, что в некоторых случаях эти две функции повторов могут совпадать в одной речевой единице, повторяемой в тексте, и тогда повтор может рассматриваться как средство эмоционально-интеллектуального усиления речи. Так, повторы, встречающиеся в секторе писательницы ЛИ со Стефани Оше, отличаются разнообразием, что говорит о высокой степени профессионализма молодого автора (*L'interview avec Stéphanie Hochet. Les chroniques de Mandor; Juin 2014*). В отличие от осознанных логических повторов (*Essai, livre, ouvrage*), автор спонтанно употребляет эмоционально-оценочные повторы слова *essai: aventure littéraire, un exercice de plaisir littéraire, une jubilation littéraire pour les lecteurs* (*L'interview avec Stéphanie Hochet. Les chroniques de Mandor; Juin 2014*).

В интервью с малоизвестным широкому читателю автором сектор журналиста отличается краткостью и в некоторых случаях незаконченностью мысли интервьюера. Сравните первую реплику журналиста

с Антуаном Ренаном, автором романа «L'empathie», которая может рассматриваться как приглашение к разговору:

- Pour un premier roman, vous n'avez pas choisi un sujet facile à traiter...
(*L'interview avec Antoine Renand. 1 livre en 5 questions : L'empathie.*
Par Yvan, le 23 janvier 2019).

Реплики журналиста могут иметь форму вопроса или сопровождаться кратким комментарием интервьюера. Например, в ходе интервью с Оше, опубликовавшей свое первое эссе, реплика журналиста имеет одновременно вид вопроса и небольшого комментария:

- L'éloge du chat est ton premier essai. Pourquoi t'es-tu lancée dans cette aventure littéraire ?

Реплики малоизвестных писателей отличаются ярко выраженным эгоцентризмом, так как все высказывания строятся от первого лица. Употребление простых однотипных фраз от первого лица или с неопределенным местоимением *on* в значении обобщенного лица в ходе ознакомления читателей с темой эссе и отношением автора к персонажу, о котором идет речь, также характерно для сектора писателя, малоизвестного читательской аудитории. Сравните, например:

- *Je suis une exploratrice.*
- *J'aime découvrir des domaines variés en littérature et «prendre des risques»...*
- *On essaie d'être à la hauteur.*
- *J'ai lu et relu une somme considérable d'ouvrages... (L'interview avec Stéphanie Hochet. Les chroniques de Mandor, Juin 2014)*

Отличительными чертами ЛИ с дебиюантами в литературе являются отсутствие монологизации в секторе журналиста, индивидуально-совместный тип речевого взаимодействия журналиста с писателем и высокая степень монологизации сектора писателя, в котором преобладают информативная и экспрессивная функции языка. Интервьюируемый писатель говорит преимущественно о литературном произведении, персонажах и о себе. Например, характеристика с ярко выраженным оценочным компонентом главного персонажа эссе – кота, приводимая в секторе писательницы С. Оше, разнообразна со стилистической точки зрения, что привлекает внимание читателя своей экспрессивностью и оригинальным построением ответа

на вопрос. Сравните, какую характеристику автор произведения дает герою своего эссе – коту:

- la divinité de cet animal indépendant et séducteur...
- sauvage et affectueux, paradoxal, jaloux de sa liberté,
- il est une métaphore de l'artiste, mystérieux, énigmatique,
- l'image du chat a beaucoup hanté la littérature,
- le chat a traversé la littérature comme aucun autre animal,
- le chat est Dieu (*L'interview avec Stéphanie Hochet. Les chroniques de Mandor, Juin 2014*).

Также часть интервью посвящена характеристике, которую писательница дает себе:

- J'ai toujours vécu avec les chats.
- J'ai de l'admiration pour les chats.
- Je ne suis pas gâteuse du chat, je le respecte vraiment (*L'interview avec Stéphanie Hochet. Les chroniques de Mandor, Juin 2014*).

Высокая степень эгоцентричности реплик писательницы и однотипность их построения могут быть объяснены ее неопытностью ведения бесед с журналистом.

Экспрессивность текста проявляется в наибольшей степени на синтаксическом уровне при употреблении автором потенциально автономных высказываний, повторяющих основное содержание реплики:

- Prendre des risques littéraires, c'est envisager différentes formes de romans, mais également partir vers des genres qui ne sont plus le roman.
- Il faut beaucoup travailler quand on commence un essai littéraire (*L'interview avec Stéphanie Hochet. Les chroniques de Mandor, Juin 2014*).

На наш взгляд, в анализируемом интервью ориентация на читателя и самораскрытие интервьюируемого писателя одинаково представлены и характеризуют главным образом сектор интервьюируемого автора. Прагматический эффект данного ЛИ бесспорен, так как журналисту и автору художественного произведения удалось не только предвосхитить вопросы читателей, но и дать на них развернутые ответы, позволяющие адресату составить мнение о писательнице, ее первом опыте в жанре эссе и о персонаже литературного произведения, о котором идет речь. Однако следует обратить внимание на узость тематики реплик С. Оше, ограничивающихся представлением

читателю персонажа литературного произведения, а также методикой и интересами писательницы в ходе написания эссе.

Рассмотрим особенности интервью с писателем, получившим главную литературную премию в 2017 году Жераром Глаттом, который в последнее время выпускает новую книгу каждые полтора года. Говоря о работе над книгой, Ж. Глатт замечает:

- J’ai travaillé comme un fou.
- Certains critiques me promettaient un bel avenir. L’Académie française était à ma portée.
- ...Je n’ai jamais dans l’idée qu’une chose : écrire. Car toute ma vie, je n’ai pensé qu’à écrire. C’était obsessionnel.
- Le besoin d’écrire, c’est ce qui coule dans mes veines. J’ai écrit toute ma vie. Tous les jours, je ne pense qu’à ça.
- Sûrement, il y a là quelque chose de viscérale (*L’interview avec Gérard Glatt. Salon du livre, les Propos, les interviews des écrivains récompensés par des prix littéraires. Janvier 2017*).

Автор подробно описывает процесс работы над своими произведениями, не забывая при этом подчеркнуть, что свое предназначение к успеху он чувствовал в начале своего творческого пути.

В интервью-диалоге журналиста с Ж. Глаттом параллельно с ориентацией на читателя имеет место тесное речевое взаимодействие коммуникантов, о чем свидетельствуют прямые повторы, обеспечивающие межрепликовую связность. Сравните, например, повтор реплики журналиста *happé* Ж. Глаттом:

- Je vous suppose *happé* par « la vie professionnelle »...
- *Happé*, n’est peut être pas le mot juste... (*L’interview avec Gérard Glatt. Salon du livre, les Propos, les interviews des écrivains récompensés par des prix littéraires. Janvier 2017*).

Прямой повтор слова журналиста *happé* говорит о ориентации писателя не только на читателя, но и на своего собеседника – журналиста, то есть о совместном типе речевого общения коммуникантов.

Ориентация на читателя свойственна не только реплике писателя, но и сектору журналиста и происходит по нескольким направлениям:

- 1) журналист задает вопросы, интересующие читателя:
  - Cette « vie professionnelle », finalement, vous la décrivez « peu satisfaisante » ... Pouvez-vous nous en narrer quelques grandeurs et misères ?

(L'interview avec Gérard Glatt. Salon du livre, les Propos, les interviews des écrivains récompensés par des prix littéraires. Janvier 2017).

Употребление журналистом в вопросе личных местоимений *vous* и *nous* говорит о том, что в данном случае журналист задает вопрос писателю от имени читателей, с которыми он солидаризируется в желании узнать из первых рук ключевые моменты в профессиональной карьере писателя;

2) писатель рассказывает о трудностях, которые ему пришлось преодолеть, чтобы достичь успеха не только у читателей, но и у коллег по творчеству, которые ему предрекали блестящее будущее. Так, будущему известному писателю пришлось поменять профессию:

- A 33 ans, j'avais une femme, une fille, je n'avais pas le droit, me semblait-il, de tenter le diable. La littérature ne nous aurait pas nourri.
- J'ai quitté l'administration des douanes pour devenir conseil en commerce extérieur.
- J'ai continué, continué... Puis rangé dans les tiroirs (*L'interview avec Gérard Glatt. Salon du livre, les Propos, les interviews des écrivains récompensés par des prix littéraires. Janvier 2017*).

Использование фраз от первого лица подчеркивает документальный характер беседы, а разнообразие тем, которые затрагивает писатель в своих репликах, представляет большой интерес для читателей. Речь идет, например, о проблемах, с которыми он столкнулся в ходе литературного творчества. Так, книги разных жанров, которые он писал в этот период времени, не принимало ни одно издательство. Только после смерти матери уже в зрелом возрасте был написан роман «Кукла в кресле», принесший писателю известность и признание коллег.

Рассмотрим языковые средства самораскрытия Жерара Глатта, не свойственные молодым авторам. Это:

- 1) ссылки на известных писателей во французской литературе заинтересовавшихся его творчеством:
  - Le manuscrit avait été soumis à des gens comme *Frédéric Vitoux, Alain Bosquet* (*L'interview avec Gérard Glatt. Salon du livre, les Propos, les interviews des écrivains récompensés par des prix littéraires. Janvier 2017*);

- 2) синтаксический параллелизм, в основе которого лежит повторение глаголов 1-го лица:

- Je n'ai jamais su faire qu'une chose, je n'ai jamais eu dans l'idée qu'une chose : écrire (*L'interview avec Gérard Glatt. Salon du livre, les Propos, les interviews des écrivains récompensés par des prix littéraires. Janvier 2017*);
- 3) перечисления, свидетельствующие о широте интересов писателя и представляющие собой гиперонимические повторы:
- Dès que j'avais cinq minutes, j'écrivais. **Des poèmes, des nouvelles, un roman** (*L'interview avec Gérard Glatt. Salon du livre, les Propos, les interviews des écrivains récompensés par des prix littéraires. Janvier 2017*);
- 4) образные характеристики писателям, встречавшимся на его пути:
- J'y ai rencontré un très bel écrivain, il avait une plume extraordinaire, d'une finesse incroyable : Pierre Sylvain (*L'interview avec Gérard Glatt. Salon du livre, les Propos, les interviews des écrivains récompensés par des prix littéraires. Janvier 2017*).

Эти стилистические особенности придают особую эмоциональную тональность тексту, в основе которой лежит параметр высокого профессионального авторитета интервьюируемого писателя, реплики которого в ЛИ должны соответствовать его высокому статусу.

Характеристика, которую автор дает своему писательскому труду, сравнивая его с глубинной зависимостью, склонностью к наркотикам, понятна читателям, так как они знают, что такое наркозависимость:

Tous les jours , je ne pense qu'à ça. Sûrement, il y a là *quelque chose de viscéral*. Ne me parlez pas d'addiction (*L'interview avec Gérard Glatt. Salon du livre, les Propos, les interviews des écrivains récompensés par des prix littéraires. Janvier 2017*).

Реплика *Ne me parlez pas d'addiction* представляет собой прямое обращение не только к собеседнику-журналисту, но в первую очередь к читателям ЛИ.

Как известно, «убедительности и как следствие действенности коммуникант достигает, когда в его информации представлены две формы отражения действительности – рациональная и эмоциональная; когда логические аргументы дополняются образными, а содержание

и направленность информации совпадает с действительным жизненным опытом реципиентов» [Шерковин 1973, с. 182]. Эти качества в ЛИ с известным писателем достигаются умелым построением его реплик, отражающих разнообразие во взаимодействии информативной, экспрессивной и конативной функций языка.

Если в интервью с молодым писателем на фоне информативной и экспрессивной функций языка преобладает ориентация на адресата в плане сообщения ему конкретных фактов, связанных с творчеством и личностными качествами интервьюируемого автора, то в ЛИ с известным писателем на фоне информативной и конативной функций языка наблюдается преобладание экспрессивной языковой функции. Это делает правомерным условное подразделение ЛИ печатных СМИ на две категории. К первой категории относятся ЛИ, в которых речь писателя сосредоточена на получателе информации. В ЛИ второй категории речь писателя сосредоточена на отправителе сообщения, т. е. на себе самом [Todorov 1970]. При этом журналист более активен в беседе с известным писателем, и его реплики, как и реплики писателя, более развернуты, чем в случае беседы с малоизвестным читателю автором.

Поскольку в создании ЛИ наиболее активно участвует писатель – главный информант ЛИ, – то в его сообщениях могут быть выявлены следующие темы: биография писателя, проблемы, с которыми он сталкивается в окружающей жизни, его творчество, личностные характеристики и др. Наиболее широко эти темы представлены в ЛИ с писателем, имеющим высокий профессиональный авторитет.

Чтобы произвести наибольшее прагматическое воздействие на читателя, оба коммуниканта (журналист и писатель) придают своим репликам циклический характер. По этой причине журналист и особенно писатель могут повторять главные моменты своей реплики, как, например, в интервью с Nico Tackian, автором триллера «Avalanche Hôtel»:

- La mémoire, voilà un sujet tout particulièrement stimulant pour un thriller...
- Oui un sujet fascinant !... c'est un thème empreint de mystère... thriller – mystère à énigme... Et vertigineux... une construction mentale que tu as toi-même élaborée... une biographie intime construite autour de souvenirs imprécis (*L'interview avec Nico Tackian. Interview – 1 livre en 5 questions : Avalanche Hôtel – Niko Tackian. Par Yvan, le 2 janvier 2019*).

Заключение

Проведенный анализ показал, что одной из типологических черт ЛИ как особого жанра медиадискурса является тесная взаимосвязь факторов лингвистического и экстралингвистического плана ситуации их создания, различное взаимодействие которых определяет особенности его языковой структуры. Одним из экстралингвистических факторов является в ЛИ профессиональный авторитет отправителя сообщения. ЛИ с известным писателем отличаются большим разнообразием языковых средств прагматического воздействия на читателя, характеризующих оба сектора медиадискурса данного жанра.

ЛИ как особый жанр медиадискурса документального характера, оказывающие большое коммуникативное воздействие на читательскую аудиторию, широко используются в современных французских печатных СМИ, так как ознакомление с их содержанием дает читателям «богатую пищу для размышлений» [Филиппов 1975, с. 45].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Балли Ш. Французская стилистика. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. [Balli, Sh. (1961). *Francuzskaja stilistika*. (French Stylistics). Moscow: Izd-vo inostrannoj literatury. (In Russ.)].
- Брчакова Д. О связности в устных коммуникатах // Синтаксис текста. М.: Наука, 1979. С. 248–261. [Brchakova, D. (1979). O svjaznosti v ustnyh kommunikatah. (On connectivity in oral communications). In *Sintaksis teksta* (pp. 248–261). Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Венгеровская М. А. Композиционные повторы в сказке и их перевод // Вопросы языковой структуры. Киев: Вища школа, 1976. С. 210–214. [Vengerovskaja, M. A. (1976). Kompozicionnye povtory v skazke i ih perevod. (Compositional repetitions in a fairy tale and their translation). In *Voprosy jazykovej struktury* (pp. 210–214). Kiev: Vishha shkola. (In Russ.)].
- Голубева Т. И., Кудряшова Н. В. Виды информации и их соотношение в различных типах автобиографических произведений // Современное педагогическое образование. 2019. № 4. С. 82–88. [Golubeva, T. I., Kudrjashova, N. V. (2019). Vidy informacii i ih sootnoshenie v razlichnyh tipah avtobiograficheskikh proizvedenij. (Types of information and their correlation in various types of autobiographical works). *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*, 4, 82–88. (In Russ.)].
- Зыкова Е. П. «Опыты М. Монтеня» и проблема зарождения жанра эссе // Филологические науки. 1980. № 4. С. 14–22. [Zykova, E. P. (1980). «Opyty M. Montenja» i problema zarozhdenija zhanra jesse. («M. Montaigne's

- experiments» and the problem of the origin of the essay genre). *Filologičeskije nauki*, 4, 14–22. (In Russ.).
- Колшанский Г. В. Функции паралингвистических средств в языковой коммуникации // Вопросы языкознания. 1973. № 1. С. 16–25. [Kolshanskij, G. V. (1973). *Funkcii paralingvističeskikh sredstv v jazykovoј kommunikacii*. (Functions of paralinguistic means in language communication). *Voprosy jazykoznanija*, 1, 16–25. (In Russ.).]
- Краснопёрова Ю. В. Интервью как особый интерактивный речевой жанр в сфере массовой коммуникации // Гуманитарное знание: проблемность и междисциплинарность: материалы 13-й Научно-практической конференции с международным участием (Бийск, 28 апреля 2011 года); в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. Л. Н. Уланская. Алтайская гос. академия образования им. В. М. Шукшина. Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2011. С. 31–35. [Krasnoporova, Ju. V. (2011). *Interv'ju kak osobyj interaktivnyj rechevoj zhanr v sfere massovoj kommunikacii*. (Interview as a special interactive speech genre in the field of mass communication). In Ulanskaja, L. N. (ed.), *Gumanitarnoe znanie: problemnost' i mezhdisciplinarnost'* (pp. 31–35): materialy 13-j Nauchno-praktičeskoј konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (Bijsk, 28 aprilja 2011 goda); in 2 parts. Part 1. *Altajskaja gos. akademija obrazovanija im. V. M. Shukshina*. Bijsk: FGBOU VPO «AGAO». (In Russ.).]
- Машибиц Е. И., Гергей Т. Роль диалога в совместной деятельности // Мышление и общение: материалы Всесоюзного симпозиума. 22–25 мая 1973 г. Алма-Ата, 1973. С. 156–157. [Mashbic, E. I., Gergej, T. (1973). *Rol' dialoga v sovместnoj dejatel'nosti*. (The role of dialogue in joint activities). In *Myshlenie i obshhenie*. Materialy Vsesozjuznogo simpoziuma. 22–25 may, 1973. Alma-Ata. (In Russ.).]
- Проблемы информации в печати. Очерки теории и практики. М.: Мысль, 1971. [Problemy informacii v pečati. Očerki teorii i praktiki. (Problems of information in printing. Essays on theory and practice). Moscow: Mysl'. (In Russ.).]
- Солганик Г. Я. Стиль репортажа. М.: Изд-во МГУ, 1970. [Solganik, G. Ja. (1970). *Stil' reportazha*. (The style of reportage). Moscow: MSU Izdatel'stvo. (In Russ.).]
- Филиппов В. В. К определению понятия «документализм» в художественной литературе // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1975. № 5. С. 11–21. [Filippov, V. V. (1975). *K opredeleniju ponjatija «dokumentalizm» v hudozhestvennoj literature*. (On the definition of the concept «documentalism» in fiction). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija*, 5, 11–21. (In Russ.).]
- Шерковин Ю. А. Психологические проблемы массовых информационных процессов. М.: Мысль, 1973. [Sherkovin, Ju. A. (1973). *Psihologičeskije*

- problemy massovyh informacionnyh processov.* (Psychological problems of mass information processes). Moscow: Mysl'. (In Russ.).
- Шмидт Й. «Текст» и «история» как базовые категории // Новое в зарубежной лингвистике. 1978. Вып. 8. С. 89–108. [Shmidt, J. (1978). «Tekst» i «istorija» kak bazovye kategorii. («Text» and «history» as basic categories). *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*, 8, 89–108 (In Russ.).]
- Шумилина Т. В. А люди ждут хорошей беседы (Интервью на страницах краевых и областных газет) // Вестник Московского университета. Сер.10. Журналистика. 1981. № 3. С. 16–25. [Shumilina, T. V. (1981). A ljudi zhduť horoshej besedy (Interv'ju na stranicah kraevykh i oblastnykh gazet). And people are waiting for a good conversation (Interviews on the pages of regional newspapers). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.10. Zhurnalistika*, 3, 16–25. (In Russ.).]
- Шур Г. С., Мальченко А. А. О связях и отношениях в языкознании и об одном средстве связи в современном английском языке // Лингвистика текста. 1976. Вып. 103. С. 273–289. [Shhur, G. S., Mal'chenko, A. A. (1976). O svjazjah i otnoshenijah v jazykoznanii i ob odnom sredstve svjazi v sovremenom anglijskom jazyke. (About relations in linguistics and about one means of communication in Modern English). *Lingvistika teksta*, 103, 273–289. (In Russ.).]
- Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230. [Jakobson, R. (1975). *Lingvistika i pojetika.* (Linguistics and poetics). In *Strukturalizm «za» i «protiv»* (pp. 193–230). Moscow: Progress. (In Russ.).]
- Яноушек Я. Методические проблемы анализа коммуникативного общения // Тезисы II Международного коллоквиума по социальной психологии. Тбилиси, 1970. С. 13–14. [Janoushek, Ja. (1970). Metodicheskie problemy analiza kommunikativnogo obshhenija. (Methodological problems of the communication analysis). In *Tezisy II Mezhdunarodnogo kollokviuma po social'noj psihologii* (pp. 13–14). Tbilisi. (In Russ.).]
- Ducrot O., Todorov T. Dictionnaire encyclopédique des sciences du langage. P.: Ed. du Seuil, 1972.
- Todorov T. L'énonciation // *Langages*. 1970. # 17. Pp. 3–11.

УДК 81.42

О. А. Быкова

кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: bykoolya@yandex.ru

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ КАК ОСНОВА ИГРЫ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

В статье исследуются феномены интертекстуальности и прецедентности. Интертекстуальность определяется как широкое понятие, включающее различные виды межтекстовых связей. Прецедентность же трактуется как воспроизведение в речи культурно значимых элементов, основанное на интертекстуальных отношениях. Также на материале франкоязычного интернет-дискурса демонстрируется, каким образом интертекстуальность и прецедентность участвуют в создании языковой игры. Реализуя лингвокреативный потенциал виртуальной языковой личности, прецедентные высказывания функционируют в интернет-дискурсе как аллюзии и реминисценции.

Ключевые слова: интертекстуальность; прецедентность; языковая игра; интернет-дискурс; цитата; аллюзия; реминисценция.

О. А. Выкова

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of French Lexicology and Stylistics, Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: bykoolya@yandex.ru

INTERTEXTUALITY AND PRECEDENCY AS THE BASIS OF GAME IN THE INTERNET DISCOURSE

The article is dedicated to the phenomena of intertextuality and precedence. Intertextuality is defined as a broad term including different forms of intertextual connections, while precedence is a reproduction of significant cultural elements in speech, based on the intertextual connections. Also, using francophone internet discourse as a basis, the role of intertextuality and precedence in creating of language game is demonstrated. Utilizing linguistic creative potential of virtual language personality, precedential discourse participate in the internet discourse in the form of reminiscence, i. e. as intentionally or unintentionally deformed citations.

Key words: intertextuality; precedence; language game; internet discourse; citation; allusion; reminiscence.

Введение

Текст как объект лингвистического исследования может рассматриваться с различных точек зрения, и к нему могут применяться разнообразные методы анализа. До определенного момента текст

воспринимался как «вещь в себе», то есть как завершенное, логически и сюжетно структурированное целое, которое представляет собой продукт речетворческой деятельности его создателя. Однако сложно игнорировать то обстоятельство, что любой текст, несмотря на его цельность и оформленность, не существует изолированно, а связан с другими текстами.

Феномены интертекстуальности и прецедентности

Многообразие терминов, обозначающих связь одного текста с другими, свидетельствует как о значительном интересе отечественных и зарубежных ученых к данной проблематике, так и о комплексном и многоаспектном ее характере. В разных исследованиях встречаем термины «полифония», «диалогизм», «диалогичность», «транстекстуальность», «интертекстуальность», «многоголосье» и др. По замечанию В. Е. Чернявской, несмотря на то что вышеуказанные термины не могут трактоваться как взаимозамещающие, именно термин «интертекстуальность» получил наибольшее распространение в лингвистической литературе. Его «популярность» объясняет и многообразие смыслов, в которых он используется. Исследователь отмечает: «Интертекстуальность сегодня – это то волшебное слово, которым исследователи хотят открывать все двери, ведущие в «текстовый универсум» <...> любые, всякие межтекстовые отношения называются интертекстуальными. При этом все чаще высказываются сомнения о целесообразности такого очень широкого и всеобъемлющего понимания интертекстуальности» [Чернявская 2009].

Действительно, с одной стороны, универсализм термина представляется удобным для обозначения межтекстовых связей совершенно разнообразного качества. С другой стороны, каждый тип межтекстовых отношений уникален, и использование единого термина для их обозначения без каких-либо уточнений не представляется правомерным.

Широкий литературоведческий подход и более узкий лингвистический включают большое разнообразие концепций интертекстуальности и классификаций ее типов. Так, Ю. Кристева, которая ввела в употребление этот термин, рассматривает интертекстуальность как транспозицию одной или нескольких знаковых систем в иную знаковую систему, как пермутацию текстов, некую текстовую мозаику, которая складывается таким образом, что узнать интертекст

в конечном продукте не представляется возможным [Kristeva 1969]. Р. Барт предлагает несколько иную концепцию интертекстуальности. Он также характеризует текст как мозаику, но пишет об узнаваемости «вплетенных» в текст фрагментов другого текста: «Любой текст – это интертекст: на различных уровнях, в более или менее опознаваемой форме в нем присутствуют другие тексты – тексты предшествующей культуры и тексты культуры окружающей; любой текст – это ткань, сотканная из побывавших в употреблении цитат. <...> Интертекст – это размытое поле анонимных формул, происхождение которых нечасто удается установить, бессознательных или автоматических цитат без кавычек» (цит. по: [Пьеге-Гро 2008, с. 53]).

Опираясь на определение, предложенное Р. Бартом, можно рассматривать интертекстуальность как явление той же природы, что и феномен, обозначаемый в современной лингвистике термином «прецедентность». Данный термин, введенный Ю. Карауловым [Караулов 2010], также подчеркивает культурную обусловленность межтекстовых связей. Подобные связи, по мнению исследователя, носят «сверхличностный характер» и имеют познавательную и эмоциональную значимость для личности и ее широкого окружения. Из этого следует, что прецедентные феномены составляют определенный «стереотипный образно-ассоциативный комплекс», значимый для конкретного социума и регулярно актуализирующийся в речи представителей этого социума [Телия 1988, с. 30]. При этом исследователи акцентируют свое внимание и на глубокой когнитивной природе прецедентных единиц, которые функционируют как *языковые факты – модели для порождения или воспроизведения сходных фактов*.

Таким образом, интертекстуальность служит основой для прецедентности. Однако ее функциональный потенциал на этом не исчерпывается.

Интертекстуальность в интернет-дискурсе

Объектом настоящего исследования служит интернет-дискурс социальных сетей, предмет исследования – интертекстуальность в данном типе дискурса.

Выбор предмета и объекта исследования неслучаен. Обладая определенной коммуникативной и дискурсивной спецификой, интернет-пространство представляет собой удобную платформу для развития

различных видов интертекстуальности. Исследователь компьютерно-опосредованного дискурса Т. Н. Колокольцева перечисляет ряд наиболее эксплицитных форм интертекстуальности в Интернете:

- 1) формирование глобального текстуального (и интертекстуального) континуума виртуального характера;
- 2) резкое увеличение степени открытости текстов и возможность быстрого автоматического обнаружения эксплицитных межтекстовых связей;
- 3) наличие электронной гипертекстуальности как имманентного свойства интернет-среды;
- 4) усиление значимости в интернет-коммуникации категории диалогичности;
- 5) изменение роли фигур интертекста (в частности, возрастание удельного веса и увеличение числа функций цитации и цитат);
- 6) расширение коммуникативного пространства прецедентности и резкий рост количества ссылок на прецедентные феномены [Колокольцева 2013].

Руководствуясь двумя ключевыми мотивами, стремлением к экспрессивности, с одной стороны, и к экономии речевых усилий – с другой, коммуниканты охотно используют предшествующий коммуникативный опыт, что зачастую оказывается успешной тактикой, способствующей достижению поставленной цели.

Формы интертекстуальности в интернет-дискурсе

Логично, что одной из наиболее распространенных форм интертекстуальности в интернет-дискурсе является прямая цитата. «Традиционно цитата определяется как дословное воспроизведение фрагмента предтекста, обособленное от остальных высказываний формальной маркировкой <...> с обязательной отсылкой к соответствующей странице источника» [Чернявская 2009, с. 205]. Однако в интернет-коммуникации подобная формальная маркировка часто отсутствует, в особенности, если речь идет о прецедентных, т. е. узнаваемых выражениях. Поэтому в подобных случаях уместнее говорить об *аллюзии* (отсылке к историческому событию, бытовому и литературному факту, который, возможно, знаком читателю) или о *реминисценции* (намеренно или невольно искаженном, не дословном

воспроизведении структур других речевых произведений) [Фоменко URL]. Однако наиболее общим остается термин «цитата».

В интернет-дискурсе, как и в реальной коммуникации, интертекстуальность и прецедентность очень часто служат основой для игры. Причем не только языковой: легко узнаваемые прецедентные феномены откликаются в душе адресата и, помещенные в необычный контекст, создают юмористический эффект. Тем не менее не стоит преуменьшать роль потребности коммуникантов в реализации лингвокреативности, основанной на языковой рефлексии. Она приводит к появлению самых разнообразных форм языковой игры, в том числе основанной на переосмыслении и трансформации прецедентных фигур речи. А. П. Сквородников определяет языковую игру как творческое, нестандартное, отклоняющееся от языковой нормы, ее нейтрального варианта или от нормы коммуникативной (с учетом языкового оформления) использование любых языковых / речевых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний или высказываний, обладающих в совокупности признаками неожиданности, оригинальности, эксцентричности, а иногда эпатажности (цит. по: [Шарифуллин 2016]). По нашему мнению, приведенное определение очень точно отражает суть языковой игры в интернет-среде.

Примеры интертекстуальных отношений в интернет-дискурсе

Рассмотрим особенности функционирования интертекстуальности на примере прецедентной фразы – текста широко известной во Франции и за ее пределами песни Лары Фабиан «Je t'aime».

Нами были отобраны и классифицированы примеры использования данного фрагмента пользователями сети «Twitter».

1. Цитата / аллюзия. Как было отмечено выше, в интернет-дискурсе ссылки на авторство часто отсутствуют, в особенности если автор сообщения использует очень узнаваемый прецедентный текст, как и в случае с выбранным нами примером. Тем не менее иногда в контексте сообщения можно встретить имя автора и исполнительницы песни, как в примере на рисунке 1.

В примере на рисунке 2 автор использует цитату из песни Лары Фабиан как аллюзию (т. е. не ссылаясь при этом на источник), чтобы «признаться в любви» другому пользователю, отмеченному

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

в сообщении. Из дальнейшего развития интеракции становится ясно, что его «признание» носит шуточный характер, и что адресат и другие пользователи не только верно интерпретируют людическое намерение автора реплики, но и распознают цитату (об этом свидетельствует комментарий одного из пользователей, сопровождаемый gif с изображением певицы).

Людическую функцию выполняет фрагмент песни и в примере, приведенном на рисунке 3, также приведенном в форме аллюзии, без каких-либо маркеров «чужой речи». Здесь аллюзия подчеркивает преданность пользователя футбольному клубу PSG, который разочаровал его не очень хорошей игрой. В данном случае контраст между воодушевленным, страстным посылом строчки из песни и разговорной лексемой с негативной коннотацией *bidon* в сочетании с имитацией диалога (*Ne t'y trompe pas*) создает юмористический эффект.

Пример, приведенный на рисунке 4, интересен тем, что он воспроизводит ситуацию исполнения песни (однако деиксис (*vous / vos*))

Рис. 4

Рис. 5

указывает на то, что исполняет ее не Лара Фабиан). Автор сообщения в юмористическом ключе пытается передать реакцию человека, которому надоело слышать известную песню в исполнении других людей. Его интенция реализуется в основном на графическом уровне (буквенный повтор, заглавный шрифт, повтор знаков препинания, использование эмоджона, изображающего гнев).

И наконец, в этой части анализа приведем пример «полифонической аллюзии», где два участника общения совместными усилиями воссоздадут строчку из песни (см. рис. 5)

2. Реминисценция. Как уже отмечалось ранее, прецедентные тексты предоставляют коммуникантам широкие возможности для создания языковой игры. В случае реминисценции главной функцией является видоизменение воспроизводимого фрагмента речевого произведения и создание определенного смысла авторского текста за счет создания ассоциативных связей с текстом-источником. Но преследует ли ту же цель реминисценция в интернет-дискурсе? Ведь объем

цитирующих текстов настолько мал, что говорить о его обогащении или формировании глубоких ассоциативных связей представляется затруднительным. Нам кажется уместным рассматривать использование реминисценций как приема языковой игры (в некоторых случаях затрагивающей только формальную сторону сообщения). Однако в наиболее удачных примерах языковой игры цитата действительно «вплетается» в контекст высказывания, придавая новое звучание и интертексту, и тексту-приемнику.

На **фонетическом** уровне реминисценции создаются за счет замены части цитаты созвучными словами и словосочетаниями с сохранением синтаксической структуры. Подобный прием создает эффект неожиданности и реализует людическую интенцию, как в примерах на рисунках 6 и 7. Автор сообщения на рисунке 6 заменяет сочетание *je t'aime* сходным по звучанию неологизмом *j'oedème* (лексема *oedème* (*отек*) принадлежит к классу существительных, но не глаголов). Читатель с трудом прослеживает ассоциации, которые легли в основу реминисценции, в этом ему помогает только хэштэг *Infirmière dans un titre*, указывающий, возможно, на профессиональную деформацию автора сообщения.

В основе игры слов, представленной на рисунке 7, лежит сходство в звучании имени теннисиста Доминика Тьема и семантически ассоциированного с ним слово *jeu* (*игра*) и первых строчек припева песни.

Юмористический эффект достигается на **лексическом** уровне благодаря уместной и остроумной замене компонентов прецедентного текста. Так, в примере на рисунке 8 автор сообщения заменяет

Рис. 6

Рис. 7

Je braille, je braille
Comme un fou, comme un soldat 🎵🎵🎵
#LaraFabian

Рис. 8

Revue de Presse JV (en route vers la Saison 4 !) @Re... · 12 avr. 2019

Cette avalanche sur mon fil Twitter de "zero hype" ou de "ils ont fait de la merde vazy j'sors ma vidéo" me fait déjà aimer ce prochain #StarWars IX The Rise of Skywalker **comme un fou, comme un soldat**, comme une star de Dagobah.

Рис. 9

глагол *aimer* на глагол *brailler* (*кричать, вопить*), возможно, стремясь высмеять манеру исполнения певицы, фото которой он прикрепляет к сообщению.

В более развернутых сообщениях характерным приемом является замена компонентов прецедентного текста на лексемы, тематически соотнесенные с содержанием сообщения. Например, автор сообщения, представленного на рисунке 9, пишет о выходе нового эпизода фильма «Звездные войны» и заменяет слово *cinéma* (компонент словосочетания *star du cinéma*) на созвучное *Dagobah* (название системы планет из фильма), чтобы приблизить цитату к вселенной «Звездных войн».

Как правило, языковые игры по созданию реминисценций ограничиваются фонетическим и лексическим уровнями и не затрагивают

синтаксический. Это можно объяснить тем, что модификация синтаксической структуры может сделать прецедентный текст неузнаваемым, что сделает бессмысленным сам факт цитирования.

Заключение

Всё вышеизложенное позволяет нам сделать некоторые выводы.

1. Интертекстуальность – одна из важнейших категорий текста. Этот широкий термин охватывает все виды межтекстовых связей, проявляющихся на разных уровнях.
2. Отдельные подходы к анализу интертекстуальности сближают данный термин с термином «прецедентность», который можно определить как воспроизведение в речи культурно значимых элементов, основанное на интертекстуальных отношениях.
3. Интернет-пространство с его спецификой представляет собой уникальную платформу для развития категории интертекстуальности. «Популярность» интертекстуальности и прецедентности в компьютерно-опосредованной коммуникации обусловлены тем, что они предоставляют возможность сделать содержание более экспрессивным, реализуя при этом принцип экономии речевых усилий, а также позволяют интернет-пользователям проявить лингвокреативность, преобразуя прецедентные тексты и создавая таким образом новые смыслы.
4. Цитаты в Интернете существуют в разных формах. Цитата в классическом ее понимании (как точное воспроизведение фрагмента текста, сопровождающееся маркерами цитирования) в интернет-среде встречается редко. Возможно, потому что чаще всего цитата настолько узнаваема, что не нуждается в указании на авторство. Поэтому более распространенными видами цитирования являются аллюзии и реминисценции. Если аллюзии «вплетаются» в текст в неизменном виде, то реминисценции представляют собой измененный, часто намеренно, интертекст. При этом оба вида цитаты участвуют в создании языковой игры. Аллюзия порождает языковую игру посредством контраста между самой цитатой и ее контекстуальным окружением, а реминисценция – посредством замены компонентов прецедентного текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. [Karaulov, Y. N. (2010). *Russkij Jazyk i Jazykovaja Lichnost'*. (Russian Language and Language Personality). Moscow: LKI. (In Russ.)].
- Колокольцева Т. Н.* Новая эра интертекстуальности: глобализация интертекстуальных связей в интернет-эпоху // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. Филологические науки. 2013. № 6 (81). С. 61–66. [Kolokol'ceva, T. N. (2013). *Novaja jera intertekstual'nosti: globalizacija intertekstual'nyh svjazej v internet-epohu* (A New Era of Intertextuality: Globalization of Intertextual Connections I the Epoch of the Internet). *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. Ser. Filologičeskie nauki* (pp. 61–66). Volgograd: Gosudarstvenniiy Pedagogičeskij Universitet. (In Russ.)].
- Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности. М.: Издательство ЛКИ, 2008. [P'ege-Gro, N. (2008) *Vvedenie v teoriju intertekstual'nosti*. (Introduction to Theory of Intertextuality). Moscow: LKI. (In Russ.)].
- Телия В. Н.* Метафоризация и ее роль в языковой картине мира // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1988. [Telija, V. N. (1988). *Metaforizacija i ejo rol' v jazykovej kartine mira* (Metaphorization and its Part of World's Image in Language). *Chelovečeskij faktor v jazyke: Jazykovye mehanizmy jekspressivnosti*. Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Фоменко И. В.* Цитата // Введение в литературоведение. URL: http://taviak.ru/distance/wp-content/uploads/2014/obshcheobrazovatelnye_distipliny/Literatura/Chernec.pdf (дата обращения: 01.09.2020) [Fomenko, I. V. (2014). *Citata*. (Citation). In *Vvedenie v literaturovedenie*. URL: http://taviak.ru/distance/wp-content/uploads/2014/obshcheobrazovatelnye_distipliny/Literatura/Chernec.pdf (date of access: 01.09.2020). (In Russ.)].
- Шарифуллин Б. Я.* Языковая игра в интернет-коммуникации // Интернет-коммуникация как новая речевая формация [под ред. Т. Н. Колокольцевой и О. В. Лутовиновой]. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. С. 203–219. [Sharifullin, B. Ya. (2016). *Jazykovaja igra v internet-kommunikacii*. (Language Game in the Internet Communication). *Internet-kommunikacija kak novaja rečevaja formacija*. [ed. by T. N. Kolokol'ceva and O. V. Lutovinova] (pp. 203–219). Moscow: FLINTA: Nauka. (In Russ.)].
- Чернявская В. Е.* Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. [Chernjavskaja, V. E. (2009). *Lingvistika teksta: polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'*. (Text Linguistics: Policode, Intertextuality, Interdiscursivity). Moscow: LIBROKOM. (In Russ.)].
- Kristeva J.* *Sèméiotikè. Recherches pour une sémanalyse*. P.: Seuil, 1969.

УДК 81.23

А. В. Вих

аспирант кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета; преподаватель кафедры иностранных языков и речевой коммуникации Московского международного университета;
e-mail: vih.al@yandex.ru

**ЭЛЛИПСИС АРТИКЛЯ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ
ПРИНЦИПА ЯЗЫКОВОЙ ЭКОНОМИИ
(на материале французского медиадискурса)**

В статье исследуется феномен безартиклевое употребление французских существительных в контексте реализации принципа языковой экономии. Автор предпринимает попытку разграничить случаи выпадения артикля по внутриязыковым причинам и под воздействием экстралингвистических факторов. Отдельное внимание отводится современным тенденциям опущения артикля как следствие реализации принципа языковой экономии.

Ключевые слова: артикль; выпадение артикля; эллипсис артикля; принцип языковой экономии.

A. V. Vikh

Postgraduate student, Department of French Lexicology and Stylistics, Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University; Teacher at the Department of Foreign Languages and Communication, Moscow International University; e-mail: vih.al@yandex.ru

**ELLIPSIS OF THE ARTICLE AS A MEANS OF IMPLEMENTING
THE PRINCIPLE OF LANGUAGE ECONOMY
(on the material of French mediadiscourse)**

The article is devoted to the study of the phenomenon of articleless use of nouns in French in the context of the implementation of the principle of linguistic economy. The author makes an attempt to distinguish between cases of loss of an article for intralingual reasons and under the influence of extralinguistic factors. Special attention is paid to the modern tendencies of omitting the article, as a consequence of the implementation of the principle of linguistic economy.

Key words: article; article omission; article ellipse; the principle of language economy.

Введение

Проблема артикля по праву занимает особое место в современных языковых исследованиях, что обусловлено комплексным характером

данного феномена как с точки зрения его существования в системе языка, так и с точки зрения узуса. Сложность изучения артикля состоит в многообразии его форм, неоднозначности их употребления в контексте, а также широкой вариативности семантических оттенков, выражаемых артиклем, его выпадением и опущением.

В статье изучается выпадение артикля, которое рассматривается как одно из средств реализации принципа языковой экономии.

Вопросы языковой экономии представляются актуальными в связи с развитием новых информационных технологий, ростом потока информации, ускорением темпа жизни – изменений, происходящих в обществе, к которым язык как живая и развивающаяся система не может ни адаптироваться.

Следует подчеркнуть, что, употребляя термин «языковая экономия», мы разделяем точку зрения Л. О. Зиминой, определяющую экономию в речи как «рациональное использование языкового материала с учетом коммуникативной задачи и ситуации общения для передачи максимума содержания минимумом языковых средств» [Зиминая 2007, с. 32–33].

Проблема отсутствия артикля в грамматике французского языка

Ш. Балли, создатель теории актуализации, считает, что существительное, употребленное в контексте без своего актуализатора, утрачивает собственное грамматическое значение и принимает на себя функции другой категории [Балли 1955]. К актуализаторам Ш. Балли относит не только артикли, но и притяжательные, указательные, неопределенные прилагательные, числительные и др. Лингвист выделяет следующие случаи самостоятельного употребления существительного:

- 1) выступая в контексте в роли предикатива или эпитета, существительное принимает на себя функции «виртуального прилагательного» [Балли 1955, с. 21], как в следующих конструкциях: *une table de bois*; *Marie est journaliste*;
- 2) существительное меняет свою категорию, когда оно функционирует как элемент устойчивого лексикализованного словосочетания: *taille-crayon*; *porte-monnaie*;
- 3) существительное утрачивает свою категорию и значение, если оно употреблено без актуализатора и ему предшествует предлог. В таких условиях существительное принимает на

себя функции наречного выражения: *vivre en paix; mourir de fatigue*;

- 4) без артикля существительное образует безличные глагольные обороты, сводимые к простым глаголам: *Il y a erreur* (= *On se trompe*); *Ordre a été donné* (= *On a ordonné*);
- 5) существительное обозначает слово само по себе, будучи употребленным в металингвистической функции, не указывая на референт. *Porte a cinq lettres. Lion est masculin.*

Ш. Балли отмечает присутствие во французском языке существительных, всегда употребляемых без артикля, то есть автономных и актуальных по своей природе. Таковыми являются имена собственные: *Napoléon, Louis XIV*. Если нарицательное существительное в контексте автономно, то есть употреблено без актуализаторов, это означает, что оно более не выполняет функции существительного и принимает на себя роль другой грамматической категории. Случаи такой смены категории, отмеченные Ш. Балли, можно проиллюстрировать примерами, приведенными выше. В условиях, когда употребляемое без актуализатора нарицательное существительное сохраняет свою категорию, согласно Ш. Балли, имеет место имплицитная актуализация, осуществляемая:

- 1) посредством ассоциаций, как в заголовках и вывесках (*Entrée, Boucherie* – адресант понимает без помощи дополнительных средств, что здесь вход, это мясная лавка);
- 2) с помощью специальных слов-актуализаторов, выполняющих в контексте данную функцию. Они могут быть представлены прилагательными *semblable faute, pareille stupidité, certains gens*, количественными определителями *quantité d'animaux, nombre d'enfants*, отрицательным наречием *jamais*, заменяющим в контексте *aucun / aucune: Jamais homme ne fut plus heureux*) [Балли 1955].

Грамматист М. Гревис в своем фундаментальном исследовании «*Le bon usage*» [Grevisse 2008] уделяет большое внимание проблеме выпадения артикля и выделяет следующие типовые случаи безартиклевого употребления существительных:

- 1) опущение артикля по причинам, обусловленным исторически. Здесь, М. Гревис приводит следующие конкретные случаи: отсутствие артикля перед абстрактными существительными, обобщающими существительными множественного числа,

словами *autre, même, tel, demi*, после оборота *c'est*. Лингвист отмечает, что такое употребление не является широко распространенным и характерно скорее для литературного языка;

- 2) опущение артикля по причинам, обусловленным региональными различиями. Так, в провансальском варианте французского языка артикль отсутствует перед существительным с приставкой *demi*: *En demi-heure j'ai avancé de trois pas*;
- 3) выпадение артикля в устойчивых выражениях: *payer demi-place, à bon entendeur demi-mot suffit*.

В отдельную группу М. Гревис выделяет синтаксически обусловленные случаи выпадения артикля. К ним относятся:

- 1) существительные в роли приложения, находящиеся в постпозиции: *Paris, capitale de la France, est une ville très belle*;
- 2) существительное, как часть составного именного сказуемого: *Sa fille est étudiante*. Тем не менее М. Гревис отмечает, что в определенных случаях употребление артикля допустимо или даже обязательно;
- 3) существительное, выступающее в роли обращения: *Citoyens et citoyennes, venez voter en grand nombre!*
- 4) существительное с предлогом, выступающее в роли характеризующего дополнения другого существительного: *boîte aux lettres, assiette à soupe*.

Следующую группу составляют примеры безартиклевого употребления существительных, обусловленного семантически. К ней М. Гревис относит:

- 1) названия месяцев: *Ces derniers jours de décembre*;
- 2) названия дней недели: *La rencontre de samedi dernier*;
- 3) слова *midi* и *minuit*: *Venez après midi*;
- 4) название праздника Пасха (Pâques) и факультативно названия других праздников: *À Pâques on mange des œufs*;
- 5) употребление существительного без указания на референт: *Amour est masculin*;
- 6) при перечислении: *Boulets, mitraille, obus, mêlés aux flocons blancs*.

Детально М. Гревисом рассматриваются случаи выпадения артикля в устойчивых выражениях, где лингвистом выделяются четыре основные категории:

- 1) пословицы и поговорки: *Noblesse oblige. Donner carte blanche*;
- 2) устойчивые глагольные конструкции: *Avoir faim. Avoir peur*;
- 3) выражения с оборотом *il y a*: *Il y a foule. Il y a péril*. Здесь стоит отметить, что подобное опущение артикля не является правилом, но обладает высокой частотностью;
- 4) предложно-именные устойчивые сочетания: *Avec soin. Par hasard. À cheval*.

В отдельную группу выделяются случаи опущения артикля в вывесках и табличках: *Maison à louer* [Grevisse 2008].

Эллипсис артикля под воздействием принципа экономии языковых усилий

Анализируя проблему безартиклевого употребления существительных в контексте реализации принципа экономии языковых усилий, следует отметить, что не все описанные случаи опущения артикля подчиняются данному принципу.

Так, например, случаи опущения артикля вследствие смены существительным категории и перехода в другую часть речи сложно причислить к средствам реализации принципа языковой экономии, так как существительное теряет артикль, выполняя несвойственные ему синтаксические функции (обстоятельства, определения) и переходя в другую часть речи (наречие, прилагательное), которая изначально не нуждается в артикле.

На основе анализа корпуса примеров, взятых из современных французских телешоу «*Toute une histoire*», «*Fort Boyard*», «*C'est du propre*», «*Ça commence aujourd'hui*», нами был отмечен ряд типовых случаев опущения артикля.

Эллиптические именные конструкции

Предложениям такого типа характерен эллипсис не только артикля, но часто подлежащего и глагола-сказуемого, что делает речь говорящего экспрессивной и динамичной. В качестве примера могут быть рассмотрены следующие реплики участников телепрограмм:

- Ah, bien ... première clé! (*Fort Boyard, 09/09/2017*).
- Vrai esprit d'équipe, vrai esprit d'équipe (*Fort Boyard, 09/09/2017*).

- Mais ... en même temps, très accessible, très gentil, garçon très bien (*Toute une histoire: Boire pendant la grossesse/femmes au foyer, 23/07/2019*).
- Danielle et Béatrice condamnent l'accès à l'appartement qu'elles vont nettoyer en profondeur en compagnie de la clean-team. Zone sécurisée, ok! (*C'est du propre, 24/06/2020*).

Перечисление однородных членов предложения

При перечислении артикль выпадает не полностью. Одна из пространственных моделей – сохранение артикля у первого члена однородной цепи и его опущение у последующих, что помогает избежать повторов и делает речь более лаконичной.

- On voit des histoires, faits divers... (*Toute une histoire: Voleur en série, 28/06/2019*).
- Il a fait un beau tableau ... avec les noms des victimes, circonstances de l'enlèvement (*Toute une histoire: Voleur en série, 28/06/2019*).
- Elle a développé cette phobie scolaire, maux de ventre (*Ça commence aujourd'hui: Harcèlement: dans l'enfer des réseaux sociaux, 29/06/2020*).

Другая модель выпадения артикля при перечислении реализуется, если члены однородной цепи объединены общим родовым понятием. В таких условиях, родовое понятие принимает на себя функцию слова-определителя и, как следствие, члены однородной цепи более не нуждаются в дополнительных грамматических маркерах, что способствует экономии речевых усилий говорящего.

- Elle a ouvert une boutique d'accessoires canins: aliments bio, vêtements tous genres, bijoux ou cosmétiques (*Toute une histoire: Mon chien fait la loi, 27/09/2019*).
- Le problème c'est que les ados ne sont pas toujours sûrs des dérives de ces réseaux sociaux: des insultes, partage de photos, vidéos compromettantes (*Ça commence aujourd'hui: Harcèlement: dans l'enfer des réseaux sociaux, 29/06/2020*).

Выпадение неопределенного артикля

При употреблении существительного в общем значении, сопровождаемого обычно неопределенным артиклем, последний нередко опускается, так как не несет практической значимости, а его отсутствие

не вредит достижению коммуникативной задачи, но способствует реализации принципа экономии языковых усилий.

- Bon, allez, je vais chercher bouquin (*Toute une histoire: Voleur en série, 28/06/2019*).
- Je peux pas, j'ai pas les moyens, donc, j'ai dit suicide, quoi, tentative de suicide (*Toute une histoire: Voleur en série, 28/06/2019*).
- Bon, ok, café et après je le mets dehors (*Toute une histoire: Voleur en série, 28/06/2019*).

Отдельно стоит подчеркнуть выпадение неопределенного артикля после оборота *c'est*. М. Гревис упоминал о распространенном характере данного феномена, относя его к случаям выпадения артикля, обусловленным исторически и свойственным скорее литературному языку [Grevisse 2008]. Тем не менее проведенный анализ показал, что такое безартиклевое употребление нередко встречается и в разговорной речи. Подобный эллипсис артикля не препятствует процессу понимания и интерпретации речи говорящего слушающим и способствует передаче максимума содержания минимумом языковых средств.

- Et à moment donné où j'arrive plus, donc, c'est punition (*Toute une histoire: Boire pendant la grossesse/femmes au foyer, 23/07/2019*).
- Bon, c'était surprise, quoi ... (*Toute une histoire: Boire pendant la grossesse/femmes au foyer, 23/07/2019*).
- C'est bien première résolution! (*C'est du propre, 24/06/2020*).

Предлог de

После предлога *de* существительное часто лишается своего определенного артикля в том случае, если он указывает на обобщенный смысл понятия, предмета или явления. В подобных обстоятельствах эллипсис артикля не влияет на достижение коммуникативной задачи, но способствует экономии речевых усилий говорящего.

- Elle pourrait avoir des problèmes quand même importants de concentration, même de comportement (*Toute une histoire: Boire pendant la grossesse/femmes au foyer, 23/07/2019*).
- Ce sont des enfants qui vont avoir des troubles d'acquisition de langage (*Toute une histoire: Boire pendant la grossesse/femmes au foyer, 23/07/2019*).

- Si Sandrine se plaît dans ce rôle de femme au foyer c'est aussi parce qu'elle a su garder une vie sociale (*Toute une histoire: Boire pendant la grossesse/femmes au foyer*, 23/07/2019).
- Le lavabo avait la fonction originale de bac à vaisselle (*C'est du propre*, 24/06/2020).

В данном случае существительное начинает выполнять функции прилагательного, но для закрепления такого варианта употребления играла роль именно экономия.

Заключение

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что не все случаи выпадения артикля подчиняются принципу экономии языковых усилий. При смене существительным категории и переходе в другую часть речи, которая изначально не сопровождается артиклем (наречие, прилагательное), его выпадение происходит под воздействием внутренней структуры и грамматического устройства языка. При реализации принципа экономии языковых усилий, эллипсис артикля обусловлен экстралингвистическими факторами, т. е. внешним воздействием, стремлением говорящего, рационально используя языковой материал, передать максимум информации минимумом языковых средств.

Результаты исследования показывают, что в современном французском языке под воздействием принципа языковой экономии проявляются следующие тенденции выпадения артикля:

- 1) отсутствие артикля в эллиптических именных конструкциях;
- 2) выпадение артикля при перечислениях;
- 3) эллипсис неопределенного артикля;
- 4) выпадение артикля после предлога *de*.

Опущение артикля представляет собой одно из синтаксических средств реализации принципа языковой экономии. Универсальность этого принципа, его влияние на узус свидетельствуют о необходимости проводить дальнейшие исследования в данной области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / пер. с фр. Е. В. и Т. В. Вентцель. 3-е изд. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. [Balli, Sh. (1955). *Obshhaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka*.

-
- (General linguistics and French language issues). 3rd ed. Moscow: Izd-vo inostrannoĵ literatury. (In Russ.).
- Зимина Л. О. Принцип экономии в современной рекламе : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2007. [Zimina, L. O. (2007). *Princip jekonomii v sovremennoj reklame*. (The principle of economy in modern advertising): thesis of PhD in Philology. Novosibirsk. (In Russ.)].
- Grevisse M. Goosse A. Le bon usage : Grammaire française. Bruxelles: Éditions De Boeck Université, 2008.
- Toute une histoire. Mon chien fait la loi. URL: www.youtube.com/watch?v=-Nqx-WWQq_gA (дата обращения: 02.09.2020).
- Toute une histoire. Boire pendant la grossesse / Les femmes au foyer. URL: www.youtube.com/watch?v=NAfxnM6yZoI (дата обращения: 02.09.2020).
- Toute une histoire. Voleur en série: les victims parlent. URL: www.youtube.com/watch?v=NAfxnM6yZoI (дата обращения: 02.09.2020).
- C'est du propre. À 33 ans Deborah a complètement abandonné le ménage. URL: www.youtube.com/watch?v=SZuT4RfuMBQ (дата обращения: 02.09.2020).
- Ça commence aujourd'hui. Harcèlement: dans l'enfer des reseaux sociaux. URL: www.youtube.com/watch?v=WD7iMqb4mAs&t=3279s (дата обращения: 02.09.2020).
- Fort Boyard. Équipe Audrey Pulvar. URL: www.youtube.com/watch?v=230HY6MfTKE (дата обращения: 02.09.2020).

УДК 81'244

О. В. Евтушенко

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка
и теории словесности переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: ovae@list.ru

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК МЕЖДУНАРОДНЫЙ: К ТЕОРЕТИЧЕСКОМУ ОСМЫСЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

В статье системно описываются особенности русского языка в функции международного и определяются границы между понятиями «международный язык» и «государственный язык». Для решения поставленных задач был применен метод сопоставления аутентичных текстов выступлений в ООН с результатами их преобразования по принципу «оригинал – перевод – оригинал». Такой подход позволил выявить существенные различия в лексическом и грамматическом составе аутентичных и переводных текстов. Сделан вывод, что язык перевода в международных организациях является особой функциональной разновидностью государственного языка.

Ключевые слова: международный язык; государственный язык; русский язык переводных текстов; лексика; грамматика; нарушения нормы.

O. V. Evtushenko

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor,
Professor at the Russian Language Department,
Moscow State Linguistic University;
e-mail: ovae@list.ru

RUSSIAN AS AN INTERNATIONAL LANGUAGE: TO THEORETICAL IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT

The article is devoted to the systematic description of the peculiarities of the Russian language performing the function of the international language and the definition of the boundaries between the concepts *international language* and *state language*. To solve the set tasks, the method of comparing the authentic texts of speeches at the UN with the results of their transformation according to the principle "original – translation – original" was applied. This approach made it possible to reveal significant differences in the lexical and grammatical composition of authentic and translated texts. It is concluded that the language of translation in international organizations is a special functional variety of the state language.

Key words: international language; official language; Russian language of translated texts; vocabulary; grammar; violations of the norm.

Введение

Термин «международный язык», или «мировой язык», определяется по функционально-правовым критериям – это средство международной коммуникации с юридически закрепленным статусом «официального» или «рабочего» языка международных организаций или конференций [Кузнецов 2012, т. 19, с. 551–552]. Используя эту номинацию, мы представляем в качестве ее денотата некое функционально-стилевое единство, полностью совпадающее с понятием «государственный язык» в соответствии со статьей 26 Закона РФ «О языках народов Российской Федерации» [Закон ... 2020]. Однако вопрос о наполнении понятия «международный русский язык» не так тривиален, как может показаться. Нельзя не учитывать, что это инструмент, используемый в двух принципиально разных режимах: для коммуникации на нем как на родном и для осуществления перевода. До сих пор не ставился вопрос, насколько различается состав языковых средств, используемых в этих режимах. Немногочисленные статьи, в которых рассматриваются тексты ООН на русском языке, посвящены главным образом принципам коммуникативного воздействия [Брайнина 2017; Максименко, Беляков 2020; Трабелси 2013]. Однако этим ожидания, предъявляемые к русистам, не ограничиваются: от ответа на вопрос, что представляет собой международный язык, зависят рекомендации переводчикам добиваться стирания различий между переводными и аутентичными текстами или, напротив, считать непреодолимой ограниченность возможностей двуязычной институциональной коммуникации и неизбежными отступления от литературной нормы.

Цель проведенного исследования – описать особенности русского языка в функции международного. В качестве частных задач были намечены оценка степени его гомогенности, выделение в случае необходимости его функциональных разновидностей, выработка рекомендаций, направленных на стирание / игнорирование различий между этими разновидностями.

В качестве метода исследования был использован сопоставительный анализ аутентичных текстов на русском языке, обеспечивающих коммуникацию в ООН, с результатом их двойного перевода сначала на один из языков ООН, а затем снова на русский язык. Такой подход позволяет оценить характер ограничений в переводящем языке и ответить на вопрос, обедняют ли они или развивают международный

язык (результативность данного метода при изучении индивидуально-авторского стиля была продемонстрирована в диссертационной работе А. П. Рудометкина [Рудометкин 2011]).

Выбор метода наложил ограничения на объем материала: мы были вынуждены сосредоточиться на жанре выступлений государств – членов ООН, поскольку только относящиеся к нему тексты представлены на сайте ООН на языке оригинала и, как минимум, в переводе на английский язык (для оценки влияния переводящего языка на результаты использования выбранной методики мы применили ее также к переводу выступления В. В. Путина на 70-й сессии ГА ООН на французский язык). Таким образом, прохождение первой ступени в модели «оригинал – перевод – оригинал» было обеспечено официальными материалами ООН. Для обезличивания результатов прохождения второй ступени мы воспользовались электронным сервисом translate.google.ru. Переведенные с его помощью на русский язык англоязычные и франкоязычные версии выступлений мы предъявили студентам-переводчикам для получения от них согласия с выбором эквивалента или возражения в пользу другого варианта перевода. Затем аутентичные русскоязычные тексты были сопоставлены с переводом на русский язык их англоязычной / франкоязычной версии. Так мы попытались ответить на вопрос, что бы потерял / приобрел текст, если бы при его порождении в распоряжении субъекта речи были только те языковые средства, которыми располагает переводчик как набором эквивалентов, а также часть средств литературного языка, обеспечивающая варьирование.

В ходе исследования были сделаны наблюдения, позволяющие охарактеризовать язык перевода в ООН как отдельную функциональную разновидность государственного языка, которая, с одной стороны, по набору средств ограничена больше, чем государственный язык в целом, а с другой – выходит за его пределы как языка кодифицированного (об отступлениях см. [Киянова, Панова 2016]), но при этом нарушения нормы сводятся главным образом к последствиям интерференции языков.

Лексический состав аутентичных и переводных текстов

Проведем сравнительный анализ лексического состава аутентичных и переводных текстов, обеспечивающих деятельность ООН.

Можно заметить, что лидеры государств и их высокие представители, выступающие на русском языке, свободнее переводчиков в обращении со словами, которые отнесены международным сообществом к ложно ориентирующим или нарушающим чьи-либо права и потому признаны нежелательными для употребления. Так, слово *проблема*, вместо которого в ООН последовательно используется *вызов*, в речи В. В. Путина [Путин 2015] встретилось восемь раз, С. В. Лаврова [Лавров 2018] – пять раз, С. Жээнбекова [Жээнбеков 2018] – восемь раз (ср. в переводе на английский язык *challenge* [Putin 2015, с. 9], *topical issues* [Jeenbekov 2018, с. 2]). Слова с корнем *брат* или *муж*, изгнанные из лексикона ООН за внутреннюю форму, которая исключает те же страдания или достоинства женщин, употреблялись Президентом России как неотъемлемые единицы русского литературного языка, например *мужественно* [Путин 2015, с. 7]. Кстати отметим, что сквозь контроль гендерной нейтральности прошло незамеченным слово *братоубийство* – в переводе *fratricide* [Poutine 2015, с. 7; Putin 2015, с. 6].

На основании сравнения исходных текстов на русском языке с результатами их двойного перевода можно заключить, что эквиваленты, которыми пользуются переводчики, представляют собой доминанты синонимических рядов, тогда как носитель языка выбирает более выразительные или более детально характеризующие реалию синонимы: в аутентичном тексте *возник* – в переводе перевода *появился*, в исходном тексте *сберечь* – в тексте после перевода *сохранить*; далее пары составлены так: *затормозить* – *замедлить*, *являть собой* – *являться*, *те или иные* – *некоторые*, *приступить* – *начать*, *нужды* – *потребности*. В некоторых случаях в языке перевода оказывается не синонимичное слово, а лишь аналог, но тоже доминанта какого-либо ряда, например при переводе выражения *страны, разгромившие нацизм* [Путин 2015, с. 2] и с английского, и с французского языков переводчику понадобился бы эквивалент *победившие*; *победить* – тоже доминанта, хоть и другого синонимического ряда [Словарь синонимов ... 2003, т. 2, с. 151]. Опрос студентов показал, что на поиск маркированного синонима переводчик, особенно синхронист, не может решиться из страха нарушить требование точной передачи смысла высказывания, ведь сочетаемость каждого синонима индивидуальна и трудно предугадать, куда может завести выбор маркированного слова.

Сделанное наблюдение распространяется и на служебные слова: в аутентичных текстах используются стилистически маркированные предлоги *ради (этого)*, *вопреки (воле народов)*, тогда как после двойного перевода на их месте оказываются *для (этого)*, *против*; то же касается и межфразовых скреп: вместо *при этом* обнаруживаем *кроме того* [Лавров 2018; Lavrov 2018]. Ограничения на использование служебных слов в части случаев объясняются большей краткостью немаркированных единиц, что важно для устного перевода.

Поскольку набор эквивалентов составлен в первую очередь из исконно русских слов, перевод зачастую оказывается свободнее от заимствований, чем государственный язык, даже несмотря на то что закон накладывает ограничения на употребление в нем иноязычной лексики при наличии русских аналогов [Федеральный закон ... 2005]. Приведем лишь некоторые примеры заимствований в аутентичных текстах, которые при двойном переводе подверглись замене на исконные: *трансформация* [Макей 2018] – *преобразование*, *коллизия* [Лавров 2018] – *столкновение*, *юбилей* [Путин 2015] – *годовщина*, *(будем) объективны* [там же] – *честны*.

Особенно это касается грецизмов и тюркизмов: при переводе с языков, в которых отразились другие исторические контакты, для соответствующих реалий как правило находят эквивалент славянского (доминантой синонимического ряда обычно является исконное слово) или латинского происхождения, например для обозначения большого размера скорее будет востребовано слово *огромный*, чем *колоссальный* [Лавров 2019].

Язык переводов беднее языка аутентичных текстов по составу стилистически окрашенной лексики и фразеологии. Невостребованными остаются значительные ресурсы высокой лексики церковнославянского и литературно-поэтического происхождения и сниженная экспрессивная лексика или профессионализмы: *громогласный* [Лавров 2018] – *громкий*, *наскок (разг.)* [там же] – *атака*. В аутентичных текстах резче выражается оценка: *голословный* [там же] при переводе превращается в *безосновательный (baseless [Lavrov 2018, с. 2])*, *фальшивый предлог* [Лавров 2018] – в *надуманный предлог*. Фразеологизмы со сниженной эмоционально-экспрессивной окраской обычно заменяются на нейтральные или менее экспрессивные, например пренебрежительно окрашенное *путается под ногами* [Путин 2015,

с. 3] превращается в *стоит на пути* [Putin 2015] или *вставляет палки в колеса* [Routine 2015]. Место выражений из профессионального жаргона занимают термины: *взаимодействие «на земле»* [Лавров 2019] – *наземные операции*.

Круг используемых фразеологических единиц сужается: некоторые из них заменяются свободными словосочетаниями. Так, вместо идиомы *в ход идет всё* [Лавров 2018] появляется перефразирующее описание *державы без колебаний прибегают к любым методам* [Лавров 2018], фразеологическому сочетанию *назревшая проблема* [Жээнбеков 2018] переводчик предпочитает *актуальный вопрос* [Жээнбеков 2018].

Само собой разумеется, что индивидуально-авторские лексические и фразеологические инновации, иногда появляющиеся в аутентичных текстах, в языке перевода отсутствуют: не зафиксированное Национальным корпусом русского языка [ruscorpora.ru] сочетание *расширять авторитет* [Путин 2015] при переводе заменяется узуальным *подорвать авторитет* [Routine 2015; Putin 2015].

Набор грамматических средств в аутентичных и переводных текстах

Грамматические особенности русского языка как международного проявляются в более заметной склонности к аналитизму, чем у разновидности государственного языка, воплощенной в аутентичных текстах. Это, в частности, проявляется в предпочтении, отдаваемом синтаксическому способу выражения сложных смыслов (с помощью словосочетания) перед морфологическим (словообразованием): *безгражданство* [Лавров 2019] в переводе становится *отсутствием гражданства, мироустройство* [Лавров 2018; Путин 2015] – *мировым порядком, была выстрадана* [Путин 2015] превращается в *родилась вследствие безмерных страданий* [Routine 2015], *международно-правовая система* [Лавров 2018] заменяется на *система международного права*.

Наблюдается некоторое обеднение состава грамматических форм из-за игнорирования тех из них, которые отсутствуют в других языках ООН. Так, элатив, т. е. синтетический способ выражения высокой степени признака, *острейшие (вызовы)* [Лавров 2019] после двойного перевода утрачивается – *острые (проблемы)*, следствием чего становится снижение оценочности, о котором говорилось

выше. Вместо синтетического способа выражения глагольного действия используется аналитический: *заговорили* [там же] – *начали говорить*. Результативность передается глаголом совершенного вида без учета существования экспериенциального значения у несовершенного вида: *ключевые решения <...> о создании ООН принимались в нашей стране* [Путин 2015] – *были приняты* (перевод [Routine 2015; Putin 2015]).

Место деепричастных оборотов занимают их синтаксические синонимы – причастные обороты и придаточные предложения: *Находясь в центре Европы, Беларусь входит <...> в состав Евразийского экономического союза* [Макей 2018, с. 1]. – *Расположенная в центре Европы, Беларусь <...> является членом Евразийского экономического союза* (перевод [Makei 2018]).

Количество односоставных предложений в переводных текстах незначительно. Безличные отрицательные предложения в процессе перевода становятся двусоставными: *Организации Объединенных Наций нет равных по легитимности, представительности и универсальности* [Путин 2015]. – *Организация Объединенных Наций уникальна по своей легитимности, представительности и универсальности* [Putin 2015] или *Организация Объединенных Наций не имеет себе равных, когда дело касается обеспечения легитимности, представительности и универсальности* [Routine 2015]. Не используется потенциал высказываний с обратной перспективой, т. е. двусоставные предложения с подлежащим на конце: *На смену дипломатии, культуре переговоров и компромиссов приходит диктат* [Лавров 2018]. В процессе перевода подлежащее всегда оказывается в начале предложения (синхронные переводчики получают на этот счет особые инструкции при обучении): *Дипломатия, культура переговоров и компромиссов всё чаще заменяются диктатом* (перевод [Lavrov 2018]).

Слабо используется стилистический потенциал неполных предложений, например контекстуальная неполнота, создающая эффект парцелляции (*...она помогла человечеству пройти через бурные, порой драматичные события последних семи десятилетий*). *Уберегла мир от масштабных потрясений* [Путин 2015, с. 2] при переводе утрачивает: *Это спасло мир от масштабных потрясений* [Putin 2015] или *...Мир оказался укрытым от основных потрясений последних семи десятилетий* [Routine 2015].

В переводных текстах редко используются экспрессивные возможности непрямого порядка слов. Без внимания остается и имитация спонтанной речи путем приближения ремы к началу высказывания (*Россия на основе широкого консенсуса готова к этой работе со всеми партнерами* [Путин 2015, с. 3] – в переводе с двух языков *Россия готова работать вместе со всеми партнерами на основе широкого консенсуса*), и нарративный стиль с препозицией ремы (*Пробуксовывают коллективные механизмы реагирования на общие для всех вызовы безопасности* [Лавров 2018] – *Коллективные механизмы реагирования на общие вызовы безопасности застопорились* [Lavrov 2018]), и возможность расстановки логических акцентов с помощью актуального членения (*...Ситуация меняется быстро* [Жээнбеков 2018] – *...Ситуация быстро меняется* [Statement by Jeenbekov 2018]), и существование фигур речи, таких как хиазм: *Не может быть индивидуального прогресса без прогресса коллективного* [Макей 2018] / *Индивидуальный прогресс невозможен без коллективного прогресса* [Makei 2018].

Некоторые грамматические особенности проявляются в текстах переводов в заметно большей или меньшей степени, чем в аутентичных текстах. Так, после двойного перевода в текстах наблюдается бóльшая плотность местоимений, выполняющих артиклевую функцию, чем в оригинальных выступлениях: *объединили усилия* [Путин 2015] (в переводах с двух языков *объединили свои усилия*). В переводных текстах отмечается уменьшение количества частиц: *Сами же эти правила изобретаются в зависимости от политической целесообразности* [Лавров 2018, с. 2] – *Сами эти правила изобретаются в зависимости от политической целесообразности* (*These rules themselves are invented depending on political expediency* [Lavrov 2018, с. 2]). В аутентичных текстах больше количество беспредложных словосочетаний. При переводе в них вставляются предлоги, что также объясняется влиянием аналитизма части мировых языков: *стало глобальной задачей всей планеты* [Жээнбеков 2018] – *стало глобальной задачей для всей планеты; поддержку ООН* [там же] – *поддержку со стороны ООН*. Интересно, что эта черта резче проступает при анализе выступлений лидеров стран СНГ. Это свидетельствует о разной скорости движения русского языка к аналитизму в его региональных разновидностях.

Особые виды отклонений от литературной нормы в переводных текстах

Особенностью переводных текстов является узуальное закрепление в них некоторых значимых отступлений от литературной нормы, которые впоследствии переносятся в аутентичные тексты, и это несмотря на стремление переводчиков соблюдать все правила. Самые серьезные последствия для русского языка несет нарушение его системных принципов, например заполнение лакун при создании грамматических форм. Так, часто встречающееся в текстах ООН английское *preventable* склонны переводить страдательным причастием настоящего времени (**предотвратимый*: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>), при этом забывают о том, что у глаголов совершенного вида, включая причастие, нет настоящего времени. Газетный корпус НКРЯ дает три примера употребления формы *предотвратимой* в контексте болезни и смерти, относящиеся к периоду 2016–2019 годов, и две краткие формы *предотвратим* (2009 и 2017 гг.) (*ruscorpora.ru*). Эти случаи можно было бы рассмотреть как новейшие проявления развития грамматической системы русского языка, но их оценка профессиональным сообществом пока негативна, что не позволяет ставить вопрос о возможности их кодификации в ближайшем будущем. Об отношении к этой новации свидетельствует непрекращающийся поиск литературных вариантов для нее со стороны переводчиков: *способствовать *предотвратимой детской смертности – способствовать профилактике / предупреждению детской смертности, рост *предотвратимой детской смертности – рост поддающейся предотвращению / предупреждению детской смертности* (<https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>). Кроме того, потребность в данной форме возникает в тематически ограниченном количестве случаев, ради которых кардинальное изменение системы языка выглядит неоправданным.

Менее проблематичным представляется активное семантическое калькирование, вследствие которого привычные слова погружаются в непривычный контекст, например *обеспечение средств к существованию *на устойчивой основе* (там же). Неудовлетворенность носителей языка этими новациями ведет к накоплению вариантов выражения того же смысла: *обеспечение надежных средств существования /*

обеспечение средств для достойного существования / обеспечение достаточных средств к существованию (там же). За короткий срок усложнилась семантическая структура слов *адекватный, доступ, ответственность, поощрять* и других, ср.: *нехватка *адекватного жилья – достойного / качественного жилья, право на *доступ к здоровью и благополучию – право на сохранение здоровья и на благополучие* (там же). Подобные проблемы обычно со временем преодолеваются языком: либо носители привыкают к расширению сочетаемости, либо одно из узуальных клише, предлагаемых в качестве варианта, побеждает и вытесняет кальку.

В переводах встречаются и другие нехарактерные для аутентичных текстов отступления от литературной нормы, однако рамки статьи не позволяют остановиться на них подробнее.

Заключение

Приведенных фактов достаточно для того, чтобы подкрепить высказанное вначале утверждение: русский переводящий язык, будучи уже государственным языком по объему узуальных единиц, в то же время выходит за его пределы за счет некодифицированных вариантов языковых единиц разных уровней, причем таких, которые не появляются в результате нарушения нормы при речепорождении на родном языке.

Предпринятое исследование позволяет заключить, что международный русский язык – это особая функциональная разновидность русского литературного языка, включающая в себя государственный язык и его особую форму – язык перевода в международных организациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Брайнина Т. Д. Публичный дипломатический дискурс на международных встречах на высшем уровне (на материале выступлений представителей стран – членов ООН на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 8 (780). С 19–30. [Braynina, T. D. (2017). Public diplomatic discourse at international summits (based on the speeches of UN member-states representatives at the 70th session of the UN General Assembly). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 8 (780), 19–30. (In Russ.).]

- Жээнбеков С. Выступление на Общих дебатах 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 25 сентября 2018 г. URL: https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/73/kg_ru.pdf (дата обращения 11.08.2020). [Zheebekov, S. *Statement at the General Debate of the 73rd session of the UN General Assembly*. United Nations. 2018, September 25. (In Russ.)].
- Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1 (ред. от 31.07.2020) «О языках народов Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/0e98a319d7c3c19c50a467ba7837f388618055d8/ (дата обращения 13.08.2020). [Russian Law 25.10.1991 № 1807-1 (ed. 31.07.2020) «On the Languages of the Russian Federation». (In Russ.)].
- Киянова О. Н., Панова М. Н. Использование государственного языка РФ в сфере государственного управления: проблема статуса «корпоративных» языковых норм // Язык и право. Актуальные проблемы взаимодействия: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону). Вып. 6. Р. н/Д: Донское книжное издательство, 2016. С. 159–164. [Kiyanova, O. N., Panova, M. N. (2016). The use of the state language of the Russian Federation in the field of public administration: the problem of the status of «corporate» language norms. *Language and law. Actual problems of interaction: materials of the VI All-Russian scientific-practical conference*. Issue 6 (pp. 159–164). Rostov-on-Don: Donskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russ.)].
- Кузнецов С. Н. Международные языки // Большая российская энциклопедия / под ред. Ю. С. Осипова: в 30 т. М.: Большая российская энциклопедия, 2011. Т. 19. С. 551–552. [Kuznetsov, S. N. (2011). *Mezhdunarodnye yazyki (International Languages)*. In Osipov, Yu. S. (ed.), *Bol'shaya rossijskaya enciklopediya* (pp. 551–552): in 30 vols. Vol. 19. Moscow: Bol'shaya rossijskaya enciklopediya. (In Russ.)].
- Лавров С. В. Выступление на 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 2018 г. URL: https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/73/ru_ru.pdf (дата обращения 13.08.2020). [Lavrov, S. V. *Statement at the General Debate of the 73rd session of the UN General Assembly*. United Nations. 2018, September 28. (In Russ.)].
- Лавров С. В. Выступление на 74-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 2019 г. URL: https://www.mid.ru/diverse/-asset_publisher/zw12FuDbhJx9/content/vystuplenie-ministra-inostrannyh-del-rossii-s-v-lavrova-na-obsepoliticeskoj-diskussii-74-j-sessii-generalnoj-assamblei-oon-n-u-jork-27-sentabra-2019- (дата обращения 13.08.2020). [Lavrov, S. V. *Statement at the General Debate of the 74th session of the UN General Assembly*. United Nations. 2019, September 28. (In Russ.)].
- Макей В. В. Выступление на 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 1 октября 2018 г. URL: <https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/73/>

- by_ru.pdf (дата обращения 13.08.2020). [Makey, V. V. *Statement at the 73rd session of the UN General Assembly*. United Nations. 2018, October 1. (In Russ.)].
- Максименко О. И., Беляков М. В. Эмотивные характеристики речи дипломата (на примере выступлений Постоянного представителя РФ в СБ ООН В. И. Чуркина) // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2020. № 1 (29). С. 7–19. [Maksimenko, O. I., Belyakov, M. V. (2020). Emotive characteristics of the diplomat speech (by the example of the Permanent Representative of the RF to the UN SC V. I. Tchurkin speeches). *Uchenye zapiski Nacional'nogo obshchestva prikladnoj lingvistiki* (pp. 7–19). No 1 (29). (In Russ.)].
- Путин В. В. Выступление на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 2015 г. URL: https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/70/70_RU_RU.pdf (дата обращения 11.08.2020). [Putin, V. V. *Statement at the 70th session of the UN General Assembly*. United Nations. 2015, September 28. (In Russ.)].
- Рудометкин А. П. Категория стиля в сопоставительной модели «оригинал – перевод – оригинал» (на материале романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»): дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. [Rudometkin, A. P. (2011). *Kategoriya stilya v sopostavitel'noj modeli «original – perevod – original» (na materiale romana F.M. Dostoevskogo «Brat'ya Karamazovy»)*. (Style category in the comparative model «original – translation – original» (based on the novel by F. M. Dostoevsky «The Brothers Karamazov»): thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Астрель: АСТ, 2003. Т. 2. [Evgen'eva, A. P. (ed.). (2003). *Slovar' sinonimov russkogo yazyka*. (Dictionary of Russian synonyms). Vol. 2. Moscow: Astrel': AST. (In Russ.)].
- Трабелси Х. Лингвокоммуникативный анализ дипломатического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. [Trabelsi, H. (2013). *Linguistic and communicative analysis of diplomatic discourse*: thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 № 53-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/ (дата обращения 16.08.2020). [Federal Law 01.06.2005 № 53-FZ «On the State Language of the Russian Federation». (In Russ.)]
- Jeenbekov, S. Statement at the General Debate of the 73rd session of the UN General Assembly // United Nations. 2018, September 25. URL: https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/73/kg_en.pdf (дата обращения 13.08.2020).

Lavrov, S. V. Statement at the 73rd session of the UN General Assembly // United Nations. 2018, September 28. URL: https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/73/ru_en.pdf (дата обращения 13.08.2020).

Makei, V. Statement at the 73rd session of the UN General Assembly // United Nations. 2018, October 1. URL: https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/73/by_en.pdf (дата обращения 13.08.2020).

Poutine, V. V. Allocution à la 70ème session de l'Assemblée générale de l'ONU // Nations Unies. 2015, 28 septembre. URL: https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/70/70_RU_FR.pdf (дата обращения 13.08.2020).

Putin, V. V. Statement at the 70th session of the UN General Assembly // United Nations. 2015, September 28. URL: https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/70/70_RU_EN.pdf (дата обращения 13.08.2020).

УДК 811.11

Е. А. Коваленская

соискатель кафедры лексикологии английского языка
факультета английского языка Московского государственного
лингвистического университета; e-mail: suhovalova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КАТЕГОРИИ АНГЛИЙСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ ПИТАНИЯ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ПОЛВЕКА

В статье рассматривается актуальная проблема появления новых слов в английском языке, в частности, в лексической категории «Питание». Автор останавливается на интенсивности пополнения новыми лексемами различных подгрупп категории, а также на роли различных номинативных механизмов, участвующих в данном процессе.

Ключевые слова: номинация; сложное слово; заимствование; лексическая деривация; аббревиация; аффиксация.

Е. А. Kovalenskaya

External PhD Student, Department of English Lexicology,
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: suhovalova@mail.ru

PECULIARITIES OF THE DEVELOPMENT OF THE CATEGORY OF ENGLISH FOOD NAMES IN THE LAST HALF CENTURY

The article looks into the acute problem of new word creation in English, in particular in the lexical category "Nutrition". The author is especially interested in the activity of the enrichment of particular groups and the role of different nominative mechanisms that take part in the given process.

Key words: nomination; compound; borrowing; lexical derivation; abbreviation; affixation.

Введение

В последние десятилетия проблемы номинативной деятельности, в частности вопросы активной лексической номинации, продолжают оставаться в поле пристального внимания отечественных и зарубежных лингвистов. Одна из причин такого внимания к номинативным процессам, протекающим на современном этапе развития языков, заключается в том, что возникновение новых слов (узуального

и окказионального характера) идет в настоящее время быстрыми темпами, и всестороннее изучение номинативных процессов, в частности, их роли в расширении отдельных лексических категорий, имеет исключительно важное теоретическое и практическое значение.

Английский язык в этом смысле не является исключением, в нем также наблюдается своеобразный лексический «неологический бум», интенсивно пополняется и такая прагматически релевантная лексическая категория, как «Питание». Целью данного исследования было определить, как идет пополнение отдельных подгрупп категории «Питание» и какие номинативные механизмы наиболее активно участвуют в данном процессе.

Материал исследования

Материалом исследования послужили более 500 лексических единиц (существительных, прилагательных, глаголов), отобранных методом сплошной выборки из словарей «Longman Dictionary of Contemporary English» [Longman Dictionary of Contemporary English 2001], «Русско-английского визуального словаря» [Коробей, Аршамбо 2010] и других источников [Macmillan Online Dictionary URL; Macmillan Buzzwords; Newcrawler].

Активность пополнения новыми лексемами подгрупп категории «Питание»

В категории «Питание» были выделены следующие тематические подгруппы:

- 1) названия блюд
- 2) процесс приготовления – технология
- 3) продукты питания
- 4) напитки
- 5) бакалея
- 6) описательные прилагательные
- 7) другое (в том числе посуда для приготовления)

Указанные подгруппы можно далее разделить на группы (см. рис. 1).

Анализ пополнения указанных подгрупп новыми единицами показал, что в основном новые слова обозначают названия блюд – 150 слов (28% от общего количества отобранных единиц).

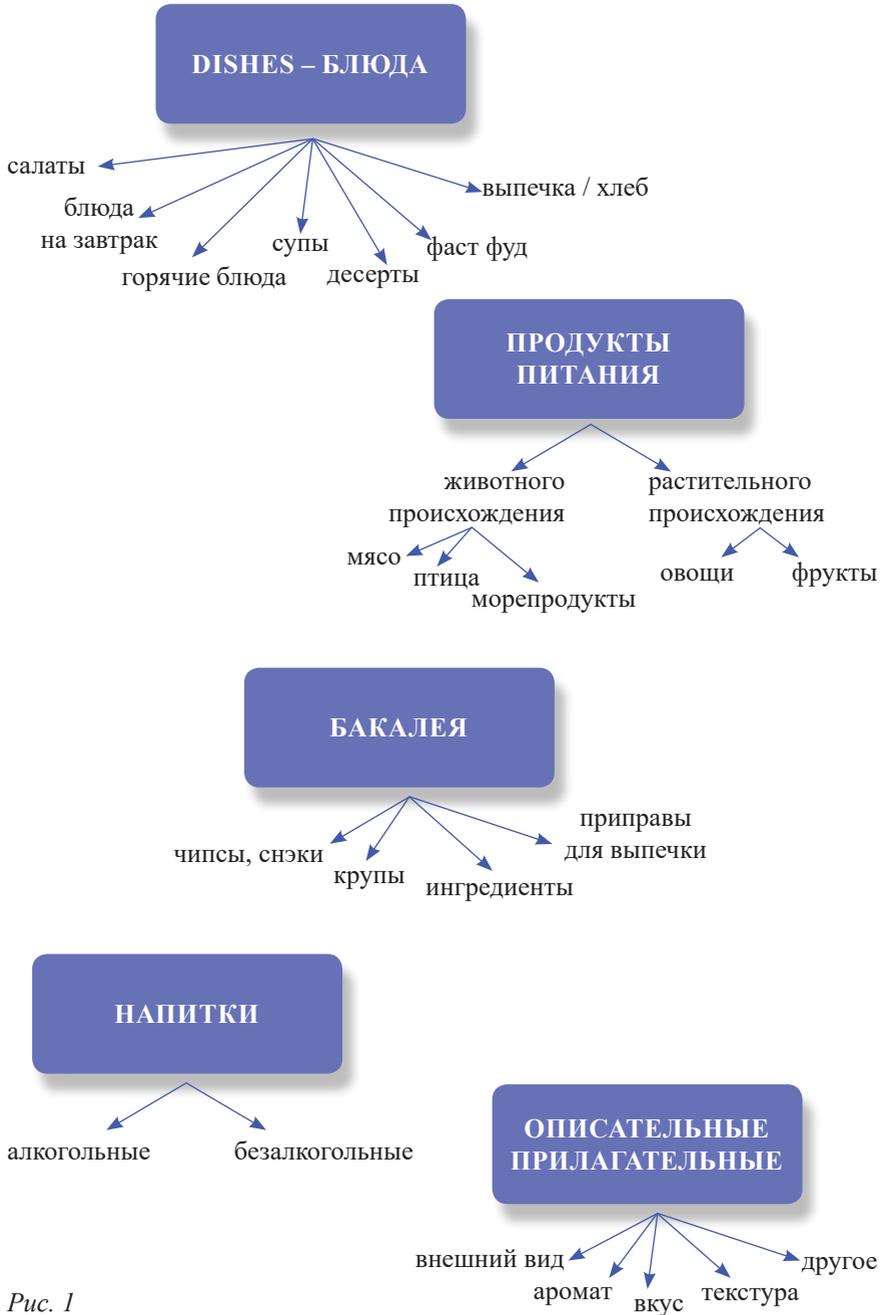

Рис. 1

Например: *cottage pie* – национальное блюдо в Великобритании, «пастуший пирог», «пастушья запеканка», картофельная запеканка с мясом; *Escalope* – эскалоп (ровный нежирный кусок мясной вырезки, слегка отбитый и обжаренный на сковороде без панировки); *meat dumplings* – изделие из теста с начинкой (пельмени, вареники и т. п.); *cabinet pudding* – пудинг «кабинет» (бисквитный пудинг с вишней и изюмом, приготовленный на пару); *poached egg* – яйцо-пашот (яйцо, сваренное в кипятке без скорлупы) и др.

При этом названия горячих (основных) блюд составляют 42 единицы: *chicken breast* – куриная грудка; *steak* – стейк; *Yorkshire pudding* – йоркширский пудинг (национальное блюдо в Великобритании – традиционный английский пудинг; представляет собой запеченное в духовке жидкое тесто из муки, яиц и молока; обычно подается с ростбифом и подливой) и др., в том числе девять наименований супов. Например, *Bouillon* – бульон, *cabbage soup* – щи, *broth* – суп-похлебка, *stock* – костный бульон, *soup* – суп, *ramen* – рамен (традиционное японское блюдо из крепкого бульона с лапшой и различными наполнителями), *okroshka* – окрошка (национальное блюдо в России, холодный суп с квасом и овощами), *cream soup* – суп-пюре.

Активно пополняется подгруппа существительных, обозначающих десерты – 59 новых наименований. Среди них: *apple strudel* – яблочный штрудель, *cheesecake* – творожный пудинг, сладкая ватрушка, *custard* – сладкий заварной крем из яиц и молока, *doughnut* – пончик, сладкий пирожок с начинкой, *lemon curd* – лимонная паста, лимонный крем (традиционный английский десерт на основе яиц, сахара и масла с добавлением лимонного сока и цедры; намазывается на хлеб или используется в качестве крема для домашних тортов), *cupcake* – капкейк (маленький кекс, испеченный в индивидуальной форме и украшенный кремом или глазурью) и т. д.

Второй по числу новых слов, вошедших в нее за последние полвека, является группа описательных прилагательных – 134 слова (25%), которые можно разделить на четыре подгруппы, самая большая из них (35 единиц) – прилагательные, описывающие внешний вид блюда. Например: *flaky* (слоеный), *bite-size* (крохотный, крошечный, на один зуб), *soggy* (непропеченный, сырой (о хлебе)), *fluffy* (взбитый), *lumpy* (комковатый, с комочками), *browned* (поджаренный, подрумяненный) и пр.

Две другие группы прилагательных, описывающие вкус и текстуру изделия (33 и 32 слова соответственно) также весьма многочисленны: *bitter* (горький), *burnt* (горелый), *stale* (черствый), *fruity* (фруктовый), *zesty* (острый, пикантный), *tart* (кислый, терпкий), *tainted* (испортившийся), *greasy* (сальный), *runny* (жидкий, текучий), *powdery* (порошковый), *watery* (водянистый), *stodgy* (густой), *crunchy* (хрустящий), *fizzy* (газированный, шипучий) и др.

Новые лексемы-глаголы, описывающие процесс приготовления пищи, составили 90 единиц (16,7%). Например: *to defrost* (разморозить), *to knead* (замешивать, месить), *to peel* (чистить овощи и т. п.), *to layer* (укладывать слоями), *to grate* (тереть), *to stew* (тушить), *to sprinkle* (сбрызгивать), *to stir* (мешать), *to flip* (переворачивать, например блины) и пр.

Роль номинативных механизмов в пополнении категории «Питание»

Как показали результаты проведенного анализа, в новейший период истории английского языка пополнение рассматриваемой категории происходит за счет **заимствования** и такого способа словообразования, как **словосложение**. Так, из 112 субстантивных лексических единиц, образованных в данной категории в новейший период, 80 (около 90%) являются либо заимствованиями, либо сложными словами (50% и 50%).

В качестве примера заимствований новейшего периода можно привести несколько названий из современного французского языка: существительные *crème pâtissière* (1970) – сорт крема для десерта, *aioli / ailloli* – сорт майонеза, *café filter* (1970) – вид кофе, *appellation contrôlée* – название «вино высокого качества»; заимствованные из итальянского языка название итальянского ликера *amaretto* (1978), сорта кофе *cappuccino* (1948), пирога с сыром *calzone* (1976), итальянского блюда из телячьей голени *ossobuco / ossobuco* (1971), блюда из спагетти *fettucine Alfredo / fettucine all'Alfredo* (1966), сорта макарон *linguine*.

Из испанского языка пришло название алкогольного напитка *piña colada* (1967), из греческого – наименование куриного супа *avgolemono* (1966), рыбной закуски *taramasalata / taramosalata* (1965), из хинди – индийского блюда *dal* (1963–1967), из арабского – овощного салата *tabouleh* (1965), из японского – блюда из цыпленка *yakitori* и др.

Как показал анализ поверхностной структуры сложных слов, пополнивших категорию «Питание» в новейший период, подавляющее большинство этих слов создано по наиболее универсальной для английского словосложения модели $n + n \rightarrow N$: среди них встречаются названия вин (*Barley broth*, *Barley wine*, *bee wine*), алкогольного коктейля *Bloody Mary*, сорта чая *camomile-tea*, видов соуса *chaud-froid sauce* и *hoisin sauce*, вида пудинга *canary pudding*, яблочного пирога *apple crumble*, смеси небольших цветных конфет различной формы *dolly mixture*, стейка с устрицами *carpet-bag steak* и т. д.

Кроме того, продолжают появляться **стяжения**, например, название блюда из картофеля и других овощей *buble-and-squeak*, стяжение от фразового глагола, обозначающее жареное блюдо, *fy-up*; **сложные слова на усеченной основе**, например, небольшой брикет мороженого, покрытого шоколадной глазурью, называется *choc-bar* или *choc-ice*, вид сосиски в тесте – *chilidog* [chili + (hot)dog]. Интересно, что усекается может и иностранная производящая основа, входящая в сложное слово, как в случае с названием заменителя сахара *isoglucose*, где *iso-* означает «одинаковый» (от греческого *isos*).

Категорию пополняют также сложные слова, имеющие в качестве одного из своих компонентов (обычно – первого) имя собственное. В качестве примера можно привести наименования мягкого сыра *Caerphilly cheese*, где *Caerphilly* – название города в Южном Уэльсе, и *Danish blue cheese*, производимого в Дании, а также блюда из говядины *beef Wellington*, названного в честь герцога Веллингтона.

В настоящее время в английском языке используется и номинативный механизм **сокращения** для создания членов категории наименований питания. Часто протекает **субстантивация**, в результате которой появились названия сухого вина (или коктейля) *dry* (от *dry wine* / *cocktail*), соуса *chaud-froid* (от *chaud-froid sauce*), мармелада *Dundee*, производимого в шотландском городе Dundee (от *Dundee marmalade*), сорта мягкого сыра с голубыми прожилками *Danish Blue*, производимого в Дании для имитации сыра Рокфора (от *Danish blue cheese*).

Кроме того, появилась **апокона** *candy* от названия сладостей *candy-floss*, **слияние / бленд** *beefish* [beef + fish], обозначающее начинку для гамбургеров из рубленой телятины или рыбы, буквенные сокращения *FPC* для названия рыбного протеинового концентрата *Fish*

protein concentrate и CSM – торговая марка для пищевой добавки, изготавливаемой из зерен пшеницы, сои и молока (*corn, soya, milk*).

При образовании членов рассматриваемой категории в новейший период протекал и такой номинативный процесс как **семантическая деривация**. Согласно данным проведенного исследования, образование новых значений у членов категории английских наименований питания в настоящее время происходит и на основе **метонимии**, и на основе **метафоры**.

В качестве примера **метонимического переноса** можно привести новое значение слова *arabica*, обозначающее сорт кофе, получаемый из плодов кофейного дерева *arabica* (сокращение от полного названия этого дерева *Coffee Arabica*), существительного *dip* (погружение), называющее острую приправу (в которую пищу макают), новое значение существительного *crumble* (крошка) для названия хлеба или смеси муки с жиром в форме крошек, от которого затем также в результате метонимического переноса появилось название блюда из подобного продукта, особенно с фруктами.

В результате **метафорического переноса** были образованы названия *brick* (брикет мороженого), сорт коктейля *Russian bear* и некоторые другие. Примечательно, что в результате **суффиксации** от слова *brick* при помощи уменьшительного суффикса *-et / -ette* была названа небольшая порция мороженого *brickette / bricket*.

Что касается такого номинативного способа, как **апеллятивация**, то в новейший период истории английского языка номинация членов категории названий питания проходила исключительно по **месту изготовления** продукта или напитка. Например, сорт мягкого сыра *Saerphilly* был назван так в честь города в Южном Уэльсе, крепкий китайский алкогольный напиток *mao-tai* – в честь города Маотай в Китае и т. д. В результате искусственного создания слов появились торговая марка слабоалкогольного напитка *Gatorade* и готового завтрака *Granola*.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать общий вывод о том, что расширение границ лексической категории английских наименований питания в последние пятьдесят лет проходило в результате протекания самых разных номинативных процессов – заимствования,

словосложения, сокращения, семантической деривации, апелляции, искусственного создания новых слов и суффиксации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Корбей Ж. К., Аршамбо А. Русско-английский визуальный словарь. М.: РИПОЛ классик, 2010. [Korbey, Zh. K., Arshambo, A. (2010). *Russko-angliyskiy vizual'nyy slovar'*. (Russian-English Visual Dictionary). Moscow: RIPOЛ klassik. (In Russ.)].

Longman Dictionary of Contemporary English. Third edition with new words supplement. Pearson Education Limited, 2001.

Macmillan Online Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com>.

Macmillan Buzzwords. URL: <http://www.macmillandictionary.com/buzzword/>.

Neocrawler. URL: <http://www.neocrawler.anglistik.uni-muenchen.de/crawler/html/>.

УДК 81.2

В. Г. Кузнецов

доктор филологических наук, профессор кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: vgk.avamo@mail.ru

ЗВУКОВОЙ СИМВОЛИЗМ В ЯЗЫКАХ РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП

Звуковой символизм представляет собой мотивирование языкового знака, основанное на звуковой имитации наиболее характерного признака денотата. Это явление рассматривается в двух аспектах – диахроническом и синхроническом. Диахронический аспект имеет отношение к проблеме происхождения языка и основан на предположении о существовании первичной естественной связи между звучанием слова и его значением. Разработано понятие фонологической матрицы, которое исследуется на материале шести языков (русском, французском, испанском, итальянском, английском и немецком). Изучение мотивирования означаемым имеет теоретическое и практическое значение.

Ключевые слова: звуковой символизм; мотивированность; языковой знак; фонологическая матрица; звуковой этимон; фоносемантика.

V. G. Kuznetsov

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor,
Department of French Lexicology and Stylistics,
Faculty of the French Language, Moscow State Linguistics University;
e-mail: vgk.avamo@mail.ru

SOUND SYMBOLISM IN DIFFERENT GROUPS OF LANGUAGES

Sound symbolism represents the motivation of language sign based on sound imitation of the most distinctive phonetic property of denotatum. This phenomenon is viewed in the paper from two aspects – diachronic and synchronic. Diachronic aspect accounts for the problem of origin of human language and suggests the existence of primary natural link between vocal sound of a word and its meaning. The notion of phonological matrix is worked out and examined on the material of six languages (Russian, French, Spanish, Italian, English and German). The study of motivation via signifier has theoretical and practical implications.

Key words: sound symbolism; motivation; language sign; signifier; sound etymon; phonological matrix; phonosemantics.

Introduction

Le symbolisme phonique consiste en un rapport motivé entre la forme sonore d'un mot et sa signification. Il s'agit de la correspondance directe

entre le sens des mots et la nature des sons qui les composent. L'hypothèse du symbolisme phonique attribue aux sons une valeur sémantique dénotative ou connotative motivée. Les partisans de la théorie du symbolisme phonique étaient les linguistes en vue tels que Otto Jespersen, Maurice Grammon, Roman Jakobson, Gustave Guillaume, Ivan Fonagy, Charles Bally. Le problème du symbolisme phonique a deux aspects: diachronique et synchronique. Le linguiste de renommée mondiale Roman Jakobson attirait l'attention sur l'importance de l'étude du symbolisme phonique. "Le problème du symbolisme phonique ... bien que les erreurs fussent commises dans le passé demeure un problème important et actuel des recherches linguistiques" [Якобсон 1985, p. 396–397].

Aspect diachronique

L'aspect diachronique concerne l'origine de la langue humaine. La théorie onomatopéique suggère que le langage humain est né à la suite de l'imitation des sons émis par des objets de nomination. Autrement dit, il existe une corrélation primaire entre un son et la signification d'un mot, c'est à dire cette corrélation est naturelle.

Les hypothèses de la glotto – génèse remontent aux temps antiques. Ce problème commence avec Platon dans son ouvrage *Cratyle*. Des hypothèses relatives au symbolisme phonique ont été émises dans l'Antiquité, notamment par Epicure, au Moyen âge, à l'âge moderne par Leibnitz, Newton, Voltaire et par le linguiste de renommée mondiale Wilhelm von Humboldt.

La première théorie onomatopéique de l'origine du langage a été élaborée au XVII siècle par G. W. Leibniz. Un autre penseur allemand I. Herder attachaient une grande attention à l'origine onomatopéique du langage humain. Pourtant leurs points de vue sur ce problème se distinguent. Tandis que pour Leibniz le langage est à son origine représente une pure imitation, de caractère onomatopéique, pour Herder l'homme possède son propre langage en combinant à la fois non seulement l'imitation pure mais aussi sa spiritualité. Il s'ensuit que l'articulation mentale du son et du sens précède l'articulation de la voix.

Au XVIII siècle on a vu aussi naître une autre théorie mise au point par J.-J. Rousseau qui estimait que la plupart des mots du vocabulaire de base sont imitatifs. Le premier dictionnaire raisonné des onomatopées françaises, publié en 1808, a été composé par l'écrivain, poète et philologue français

Charles Nodier [Nodier 1808]. Bien que la théorie onomatopéique de Nodier soit dépassée aujourd’hui ses imaginations visionnaires visant à rechercher des mots évocateurs de sons gardent tout leur intérêt pour les adeptes de la théorie onomatopéique de l’origine du langage.

On peut se mettre d’accord avec la linguiste lituanienne Danguale Melnikiene que “même si les théories onomatopéiques de la glotto-génèse ne peuvent pas être exploitées aujourd’hui dans le cadre des recherches linguistiques contemporaines, elles restent précieuses comme un témoignage historique de la pensée humaine sur les origines du langage et sur son essence elle-même” [Melnikiene 2016, p. 16].

A l’époque moderne on peut constater le renouveau de l’intérêt envers la théorie onomatopéique de l’origine du langage humain. A ce propos, il faut mettre en relief les mérites du linguiste de Saint-Petersbourg S. V. Voronine qui a créé dans les années 70–80 du siècle passé la nouvelle discipline – phonosémantique et a fondé une école scientifique qui porte le même nom. La phonosémantique a pour objet l’étude de la corrélation entre le son et la signification d’un mot [Воронин 1982; Воронин 1990]. La valeur sémantique de cette discipline consiste dans sa contribution à l’élargissement de la notion du signe motivé opposée à celle du signe arbitraire élaborée par F. de Saussure. A ce propos, il faut mentionner le linguiste français en vue Pierre Guiraud qui attachait une grande importance au rôle du signe motivé dans la langue. “tous les mots sont motivés au départ et beaucoup le reste plus au moins longtemps. La motivation constitue donc un des caractères principaux du signe linguistique” [Guiraud 1964, p. 24–25].

Comme l’a indiqué E. Sapir dans son ouvrage “Le langage”, le symbolisme phonique primaire peut s’obscurcir. “Il est vrai que beaucoup de mots qui n’ont plus maintenant figure d’onomatopée, ont eu autrefois, c’est prouvé, une forme phonétique qui rappelait nettement leur origine imitative; tel le mot anglais ‘*laugh*’ (le rire ou rire)” [Sapir 1967, p. 11]. Le traducteur de l’ouvrage de Sapir A. M. Soukhotine a mis au clair l’étymon de ce verbe: “ce mot remonte au mot anglo-saxon *hlehhan* dont l’origine onomatopéique est assez probable (cnf. le mot allemand *lachen* qui a la même signification” [Сепир 1934, p. 182].

Aspect synchronique

Cette section vise à proposer la notion de matrice phonologique et à démontrer son rôle symbolique sonore dans les six langues – russe, français,

espagnol, italien, anglais et allemand. Après le linguiste français Pierre Guiraud [Guiraud 1967], la matrice phonologique est définie comme une combinaison de sons qui permet d'identifier la signification d'un mot. Autrement dit, a lieu une correspondance directe entre le sens des mots et la nature de sons qui les composent. Du point de vue diachronique la matrice phonique représente un étymon phonique.

L'approche de Guiraud vise à proposer un modèle explicatif des corrélations phonologiques et sémantiques existantes entre les mots. Il a tenté de dégager un système formel capable d'élucider des corrélations existantes entre les mots non seulement sur le plan morpho-sémantique, mais aussi sur le plan phono-sémantique. Ce sont des mots qu'on peut intégrer dans un champ plus vaste de formes phono-expressives et qui montrent la cohérence sémantique entre eux. Il a tenté, notamment, de reconstituer la notion de 'donner un coup' au niveau morphophonique. «La grande majorité, en effet, des verbes désignant l'action de 'donner un coup' sont formés sur des racines onomatopéiques» [Guiraud 1969, p. 68]. La valeur onomatopéique se retrouve dans les racines T. P., CH. P.: *taper / toper, chiper / choper*. Aux exemples cités par Guiraud on peut ajouter encore deux : *chapeler* (la racine CH. P.) et *tabasser* (la racine de nature onomatopéique TB.). Les formes phono-expressives T. P., CH. P., T. B. comportent les traits phonologiques apico-dental, bilabiale, dorso-vélaire évoque l'idée de «coup» ou de «frappe».

Le symbolisme phonique concerne les sons en tant que symboles. Les matrices phonologiques sont mises en évidences dans les différentes sources de symbolisme phonique: bruits naturels, sons émis par des objets inanimés et animés.

Selon Ch. Bally, certains sons et groupes de sons suscitent des représentations sonores et laissent deviner la signification d'un mot. Par ex. l'occlusive *K* produit l'impression d'une cassure: *casser* «дробить», *craquer* «хрустеть», *croquer* «грызть», *crever* «трескаться». L'occlusive sourde *P* accentue l'impression d'une explosion: *péter* «взрываться», *pétiller* «трещать». L'articulation des verbes *happer* «цапать» et *lapper* «лакать» reproduit les actions qu'ils désignent [Bally 1944, p. 130].

Il arrive que l'articulation d'un son ou d'un groupe de sons laissent voir un rapport symbolique avec l'idée exprimée. Ainsi, les labiales *p*, *b*, *f* emmagasinent l'air dans la cavité buccale, d'où gonflement des joues et coïncidence avec l'idée de plénitude: *bourrer* «пичкать»,

boursoufler «надувать», *empiffrer* «пичкать», *gonfler* «раздувать», *enfler* «надувать».

Les voyelles arrondies (*ou, u*) projettent les lèvres en avant exprimant la mauvaise humeur, la dérision, le mépris: *bouder* «дуться», *faire la moue* «надувать губы».

Les mots en *-ouille* sont dépréciatifs ou burlesques: *vadrouille* «кутеж», *fripouille* «сброд», *bredouille* «несолоно хлебавши». Ces voyelles expriment les mêmes sentiments dans leurs acceptions figurées: *andouille* «болван», *citrouille* «башка», *nouille* «размазня», *grenouille* разг. «копилка в форме лягушки». La même chose pour les adjectifs en *-u*: *bourru* «сердитый», *grinchu* «ворчливый», *malotru* «грубый», *têtu* «упрямый», *lippu* «толстогубый».

L'idée de petitesse, comme l'a remarqué Otto Jespersen [Jespersen 1922], est exprimée dans beaucoup de langues par des mots contenant la voyelle *I*, la plus fermée de toutes avec *u*: *petit, minime, miniature, menu, ténu, pointu, minuscule*; italien *piccolo*, anglais *little*. La magistrale étude de ce phénomène a été effectuée par Maurice Grammont dans son ouvrage «Traité de phonétique» [Grammont 1933].

Bally faisait la différence entre les injonctions et le symbolisme sonore. Nombre d'injonctions ont à leur origine une réaction spontanée due à un mal, aux sentiments. Tandis que la nature du symbolisme phonique est autre. Sa nomination est basée sur l'imitation des bruits, des cris d'oiseaux, d'animaux, d'insectes. Il est à signaler que les interjections ne coïncident pas dans les différentes langues. Serge Karcevsky, représentant en vue de l'École genevoise de linguistique générale, a mis en tête de son article «Introduction à l'étude de l'interjection» l'épigraphe «Aha! – s'écria – t – il en portugais» [Karcevsky 1941, p. 57].

Les verbes qui désignent les cris d'oiseaux, d'animaux, les sons émis par des insectes font preuve d'une grande motivation.

La composition de quelques matrices phonologiques coïncide entièrement dans les six langues. Par ex. consonne occlusive sonore + voyelle haute + sonante nasale. Retentissement d'un coup *бум*, fr. *boum*, la même forme sonore en espagnol, italien, anglais et allemand (la suite des exemples espagnol, italien, anglais, allemand): *bum, boom, boom, bums*.

La matrice liquide *l* + voyelle haute fermée accentuée *I* laisse deviner le bruit produisant par le liquide qui coule: *луть*, fr. *liquide*, esp. *liquido*, it. *liquido*. ang. *liquid*, all. *Flüssigkeit*.

Dans les mêmes langues la nomination des bruits d'origine naturelle se ressemble: *греметь* (о громе), *gronder*, *tronar*, *rombare*, *thunder*, *donnern*. Dans les six langues la matrice phonologique comprend les sonantes *m*, *n* et la sonante vibrante *r*.

Булькать: *glouglouter*; *hacer gluglú* / *gorgotear*, *gorgogliare*, *gurgle*, *gluckern*. La motivation dans toutes les langues est réalisée au moyen de la combinaison de la consonne – bruit occlusive voisée avec la liquide – consonne sonore latérale.

Le verbe *хрустеть* se rapporte principalement à l'homme. Dans les verbes de six langues Il y a la sonante vibrante *r* qui traduit le son distinctif produit par cette action: *craquer*, *crujir*, *scricchiolare*, *crunch*, *krachen*. Et dans toutes les cinq langues étrangères la matrice phonologique comprend la combinaison de consonnes: consonne – bruit obstruante occlusive *k* avec la consonne sonante vibrante *r*.

Хранеть: *ronfler*, *roncar*, *russare*, *snore* (*r* se prononçait dans l'ancien anglais), *schnarchen*. Dans toutes les langues le symbolisme sonore est réalisé au moyen de la sonante vibrante *r*. Dans les verbes russe et allemand le symbolisme est intensifié par la consonne – bruit sourde, dans le verbe anglais – par la consonne sifflante.

Les verbes désignant les cries d'animaux, d'oiseaux, d'insectes se distinguent par une motivation au plus haut degré. La composition des matrices phonologiques coïncident entièrement ou partiellement en russe, en français, espagnol, italien, en anglais et allemand.

Ржать (en parlant du cheval): *hennir*; *relinchar*; *nitrire*; *neigh* (dans l'ancien anglais plus motivé *hnáeggan*); all. *wiehern*. Le son motivant principal est la sonante vibrante *r*.

Мычать: *mugir*; *mugir*; *muggier*; *moo*; *muhen*. Les signifiants des verbes dans toutes les six langues sont très motivés et les matrices phoniques coïncident.

Хрюкать: *grogner*; *gruñir*; *grugnire*; *grunt*; *grunzen*. Dans toutes les langues, sauf le russe, la matrice phonologique représente la combinaison de la consonne occlusive sonore avec la sonante vibrante.

Блеть (об овце) fr. *béler*, esp. *balar*, it. *belare*, ang. *bleat*, all. *blöken*. La matrice phonologique dans toutes les six langues est représentée par la combinaison de la consonne – bruit voisée avec la consonne sonore latérale.

Мяукать: *miauler*, *maullar*, *miagolare*, *mew* / *miaul*, *miauen*. Les verbes qui imitent le cri du chat et de certains félins sont motivés au plus haut degré dans toutes les six langues.

Il est à noter qu'aucune de cinq langues n' a d'équivalent du verbe russe motivé *гавкать*. Dans ce cas a lieu une lacune dont la traduction est difficile: *Собака не лаяла, а гавкала*.

Квакать: *coasser, croar, cracidare, croak, quaken*. Ce sont les verbes russe et allemand qui imitent mieux le cri de la grenouille ou du crapaud.

Dans toutes les six langues les verbes désignant les cries d'oiseaux sont très motivés.

Каркать: *croasser; graznar; cracciare; croak; krächzen*. La matrice phonologique, sauf l'espagnol, représente la combinaison de la consonne – bruit occlusive sourde, avec la sonante vibrante et la voyelle basse.

Крякать: *cacarder; cacarear; fare qua qua / starnazzare; quack; quarren*. La matrice phonologique représente la combinaison de l'occlusive sourde avec la sonante vibrante et la voyelle haute *a*. Les sons motivants communs pour toutes les langues sont les consonnes *k* et *r*.

Гоготать: *cacarder / jargonner; graznar; cracidare, gaggle, gackern*. Le symbolisme sonore est réalisé au moyen des consonnes – bruits occlusives sonores.

Кукарекать: *coqueriquer; cacarear, fare chicchirichi, crow, krähen*. La matrice phonologique dans toutes les langues est réalisée au moyen de la combinaison de la consonne occlusive sourde *k* avec la sonante vibrante *r*. Dans le russe, l'espagnol et l'italien la motivation est intensifiée par le redoublement de la consonne *k*.

Кудахтать: *caquter, cloquear, chiocciare, cluck, gackern*. Dans toutes les six langues, à l'exception de l'allemand, la motivation est réalisée au moyen du redoublement de la consonne – bruit occlusive sourde *k* (dans le verbe russe le son [x]).

Куковать: *coucouer / coucouler, hacer cucu, cuculo, cuchoo, kuckuck*. Les verbes désignant le cri que pousse le coucou est motivé au plus haut degré dans toutes les six langues.

Свистеть: *siffler, sillar, fischiare, whistle, pfeifen*. Dans toutes les langues, à l'exception de l'allemand, la motivation est réalisée au moyen de la combinaison de la consonne sifflante *s* avec la voyelle haute fermée *i*.

Les sons émis par les insectes.

Жужжать: *bourdonner; zumbar; ronzare; buzz; surren*. C'est le verbe russe qui est le plus motivé. Sa matrice phonologique: la consonne – bruit double voisée + la voyelle haute fermée et la voyelle basse. Le verbe anglais est motivé grâce à la consonne – bruit sonore dentale et la voyelle

haute la plus sonore. La matrice phonologique du français: l'occlusive – bruit sonore + la voyelle haute fermée. La motivation des *verbes* espagnols et italiens est due à la consonne – bruit sourde dentale + la voyelle haute labiale et la voyelle basse non-labiale. Le verbe allemand est peu motivé.

Стрекотать (en parlant de la cigale, de la sauterelle): *striduler*; *charlar*; *chiacchierare*; *stridulate*; *zirpen*. La composition des matrices phonologiques est presque pareille en russe, français et anglais: consonne – bruit sourde sifflante dentale + sonante vibrante + voyelle moyenne / haute fermée. Les matrices de quatre autres langues représentent les consonnes – bruits sourdes dentales et palatales dentales + les voyelles basses et hautes + la sonante. Toutes les matrices comprennent les consonnes – bruits sourdes dentales, les sonantes et les voyelles fermées.

Les mots onomatopéiques sont difficiles à traduire faute d'équivalents appropriés. Le français manque d'équivalent onomatopéique du verbe russe *хохотать* lequel se traduit par la combinaison de mots *rire aux éclats*. La même chose concerne le substantif *охание*. Le dictionnaire russe – français donne les équivalents non motivés: *gémissements* et *soupirs*.

L'allitération représente souvent des difficultés insurmontables pour la traduction. Ex. *косил косою косою косою*.

Conclusion

En conclusion, il faut souligner que l'étude de la motivation par signifiant a une valeur pratique et théorique. En témoigne l'affirmation du nouveau courant de recherche – la phonosémantique qui étudie les mots dont la sonorité évoque le sens. C'est la publicité qui s'est appropriée le symbolisme phonétique. La symbolique du son est utilisée en communication commerciale. Ainsi, l'emploi d'un *I* évoque la petitesse, le *O* – la lourdeur. Donc, l'emploi de certaines voyelles influe sur la perception des objets.

En cas du symbolisme sonore la motivation du signe linguistique est basée sur l'imitation phonique de l'indice le plus distinctif du denotatum. Souvent les matrices phonologiques se coïncident dans le russe, le français, l'espagnol, l'italien, l'anglais et l'allemand. Autrement dit, le symbolisme sonore a un caractère universel. Mais pour faire des conclusions plus élargies il faut effectuer les recherches sur le nombre plus grand des langues de différentes familles.

LISTE DES RÉFÉERENCES

- Воронин С. В.* Основы фоносемантики. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. [Voronin, S. V. (1982). *Osnovy fonosemantiki*. (Principes de phonosémantique). L.: Izd.-vo Leningr. un-ta. (En russe)].
- Воронин С. В.* Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании (Очерки и извлечения). Учебное пособие. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. [Voronin, S. V. (1990). *Fonosemanticheskie idei v zarubezhnom jazykoznanii*. (Les idées de phonosémantique dans la linguistique étrangère). (Ocherki I izvlechenija). Uchebnoje posobie. L.: Izd.-vo Leningr. un-ta. (En russe)].
- Сепир Э.* Язык. Введение в изучение речи. М.: Соцэкгиз, 1934. [Sepir, E. (1934). *Jazyk. Vvedenie v izuchenie rechi*. (Le langage. Introduction à l'étude de la parole. M.: Socekgiz. (En russe)].
- Якобсон Р.* Выступление на I-м Международном симпозиуме «Знак и система языка» // В. А. Звегинцев. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1965. С. 395–402. [Jakobson, R. (1965). *Ustuplenie na I-m Mezhdunarodnom simpoziume "Jazyk i sistema jazyka"*. (Communication présentée devant le I-er Colloque international "La langue et le système de la langue". In Zvegincev, V. A. *Istorija jazykoznanija XIX–XX vekov v ocherkah i izvlecheniah*. M.: Izd-vo "Prosveshhenie. (En russe)].
- Bally Ch.* Linguistique générale et linguistique française. Berne: Franke, 1944.
- Grammont M.* Traité de phonétique. P.: Delagrave, 1933.
- Guiraud P.* La sémantique. P.: Presses universitaires de France, 1964.
- Guiraud P.* Structures étymologiques du lexique français. P.: Larousse, 1967.
- Guiraud P.* Distribution et transformation de la notion de 'coup' // *Langue française*. 1969. N 4. P. 67–74.
- Jespersen O.* Language, its Nature, Development and Origin. London: George Allen, 1922.
- Karcevsky S.* Introduction à l'étude de l'interjection // *Cahiers Ferdinand de Saussure*. 1941. N 1. P. 57–75.
- Melnikiene D.* Les onomatopées et les théories de la glotto-génèse // *Kalby studios*. N 29. 2016. P. 5–18.
- Nodier Ch.* Dictionnaire raisonné des onomatopées françaises. P.: Demonville, Imprimeur, Libraire, 1808.
- Sapir E.* Le langage. Introduction à l'étude de la parole. P. : Petite bibliothèque Payot, 1967.

А. В. Леонтьева, О. В. Агафонова, А. А. Петров

Леонтьева А. В., старший преподаватель кафедры фонетики английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета; e-mail: entevanja27@gmail.com

Агафонова О. В., младший научный сотрудник Центра СКОдис, преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета; e-mail: olga.agafonova92@gmail.com

Петров А. А., зам. начальника ОНМиН, научный сотрудник Центра СКОдис Московского государственного лингвистического университета; e-mail: petrov@linguanet.ru

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЖЕСТОВ
ПРИ ИЗМЕНЕНИИ ТЕМПА РЕЧИ В СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ¹**

Авторы статьи анализируют употребление жестов при смене темпа речи говорящего, осуществляющего синхронный перевод, который рассматривается как профессиональная деятельность с повышенной когнитивной нагрузкой. Исследование проведено на материале видеозаписей перевода научно-популярных лекций, взятых с ресурсов TedTalk и ПостНаука, который осуществлялся с английского языка на русский и с русского языка на английский. Устанавливаются закономерности использования спонтанных жестов в моменты таких нарушений беглости речи, как увеличение длительности звуков, общее замедление речи и длинные паузы.

Ключевые слова: синхронный перевод; когнитивная нагрузка; нарушение темпа речи; полимодальность; жесты.

A. V. Leonteva, O. V. Agafonova, A. A. Petrov

Leonteva A. V., Senior Lecturer, Department of English Phonetics, Faculty of English, Moscow State Linguistic University; e-mail: lentevanja27@gmail.com

Agafonova O. V., Junior Researcher, SCoDis, Lecturer, Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Media Technologies, Moscow State Linguistic University; e-mail: olga.agafonova92@gmail.com

Petrov A. A., Deputy Chief, ONMiN, Researcher, SCoDis, Moscow State Linguistic University; e-mail: petrov@linguanet.ru

---

¹Исследование выполнено в Московском государственном лингвистическом университете в рамках гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00357).

SOME CHARACTERISTICS OF GESTURES USED WITH CHANGES OF SPEECH TEMPO IN SIMULTANEOUS INTERPRETING

The authors analyze the use of gestures that accompany changes in speech tempo during simultaneous interpreting, which is regarded as a professional activity conducted under the increased cognitive load. The research is based on English – Russian and Russian – English simultaneous interpreting of TedTalk and PostNauka popular science video lectures. The gestures of spontaneous interpreters who interpreted audio recordings of these lectures were analyzed with a view to those hand movements that co-occurred with disfluencies, such as sound dragging, slowing down of tempo and long pauses.

Key words: simultaneous interpreting; cognitive load; tempo disfluencies; multimodality; gestures.

Когнитивная нагрузка при синхронном переводе

Процесс синхронного перевода с одного языка на другой является довольно сложным многозадачным явлением, которое включает в себя несколько ступеней обработки информации. Перевод требует решения лингвистических задач, одновременной активизации разного рода ментальных процессов: внимания, слушания и осмысления поступающей информации; осуществления лингвистических манипуляций для преобразования сообщения с одного языка на другой; рабочей памяти для воспроизведения перевода при одновременном поступлении текста речи говорящего [Seeber 2017].

Исследованием когнитивной нагрузки при осуществлении синхронного перевода занимаются специалисты разных научных сфер от психолингвистики до нейрофизиологии. Данные нейрофизиологических исследований показывают, что во время синхронного перевода активизируются такие зоны головного мозга, как левая нижняя лобная кора и височная доля, которые играют ключевую роль в речевом процессе и понимании языка, правое полушарие мозжечка совместно с базальными ядрами, которые отвечают не только за контроль движений, но и за восприятие и порождение речи [Hervais-Adelman, Babcock 2019].

Мозг переводчика задействует механизмы для поиска и продуцирования соответствующих ситуации лексических, синтаксических и фонетических единиц, а также отказа от нерелевантных альтернатив [Hervais-Adelman, Babcock 2019]. В отличие от воспроизведения речи

на родном языке, продуцирование языка при синхронном переводе начинается с намерения выразить идею, сформулированную не самим переводчиком, а кем-то другим. Более того, иногда переводчики вынуждены воспроизводить предложение или суждение, переданное на исходном языке, в измененном или усеченном виде [Seeber 2011].

Перечисленные выше задачи являются ресурсоемкими, требующими существенной когнитивной нагрузки на оперативную и долговременную память, внимание, мышление. Однако энергия, которая направлена на реализацию подобных процессов, является ограниченной, поэтому нередко перевод требует больше сил, чем есть в запасе у переводчика. В случае когда запас энергии исчерпывается, продуктивность и качество перевода начинают падать [Gile 1995].

Для описания когнитивной нагрузки в ходе перевода были предложены разные модели. В частности, Д. Гайл предложил модель, в рамках которой синхронный перевод рассматривается как совокупность когнитивных операций, сводящихся к трем типам усилий. Первый тип объединяет операции, направленные на понимание речи в тексте для перевода. Такие усилия связаны со слушанием и анализом материала (Listening Effort или Listening and Analysis Effort). Второй тип операций связан с продуцированием исходной речи и включает в себя самоконтроль и внесение исправлений в собственную речь (Production Effort). Последний, третий тип операций отвечает за хранение и извлечение информации из кратковременной памяти (Memory Effort). Все три типа подчиняются усилиям по координации (Coordination Effort), которые помогают распределять внимание и задействовать три вышеуказанных типа. Все когнитивные операции, составляющие каждый из типов, не являются автоматическими и требуют затрат времени и энергии на обработку данных. При активации нескольких усилий одновременно требуется еще больше времени и энергии [Gile 2008; Gile 1999].

Отмечается, что особенно сложной является быстрая речь, речь с незнакомым акцентом или незнакомой логикой повествования / построения речи, а также речь, содержащая сложносоставные или незнакомые переводчику слова, числа, перечислительные конструкции и идиомы [Gile 1995; Gile 2008; Mazza 2000; Puková 2006; Cattaneo 2004].

В данном исследовании мы выделяем моменты затруднений не на основании характеристик текста-источника, а на основании

просодических характеристик. Другими словами, мы рассматриваем такие затруднения, которые сопровождаются изменением скорости воспроизведения речи. К таким изменениям мы отнесли следующие: увеличение длительности звуков при произнесении слова, общее замедление речи и долгие паузы.

Целью исследования является проведение полимодального (мультимодального) анализа подобных затруднений, который учитывал бы жестовые особенности поведения синхронных переводчиков. Мы предполагаем, что в данные моменты переводческой деятельности жесты будут играть существенную роль. Наше предположение основывается на исследованиях, в которых изучается многообразие функций жестов.

Роль жестов в речи:

коммуникативные гипотезы vs. гипотеза лексического доступа

Существуют разные теоретические и эмпирические подходы, объясняющие функции использования жестов при речевых затруднениях. Большинство из них базируются на идее о том, что речь и жесты представляют собой единую, интегрированную систему построения дискурса. Определяя функции этой интегрированной системы, некоторые исследователи полагают, что использование жестов в речи сводится преимущественно к компенсации, т. е. с помощью жестов говорящие справляются с трудностями, возникающими при переводе [Graziano, Gullberg 2018].

Данное исследование базируется на гипотезе лексического доступа (Lexical Retrieval Hypothesis), согласно которой «лексические», включая репрезентативные и метафорические, жесты способствуют поиску слов при построении речи за счет задействования пространственных и динамических характеристик искомого понятия [Holler, Turner, Varciana 2013].

Р. Краусс, Ю. Чен, Р. Готтесман полагают, что важнейшей функцией жестов является упрощение поиска слова. В ходе исследований было обнаружено, что в случае, когда испытуемые не имели возможности использовать жесты, доля ошибок и трудностей в их речи увеличивалась. По мнению авторов, жесты способствуют поиску слова в случае, когда сам жест несет характеристики искомого понятия [Krauss, Chen, Gottesman 2000].

Ж. Б. Бэйвелас, Н. Човил, Г. Кларк, А. Кендон считают, что жесты, сопровождающие речь, несут преимущественно коммуникативную функцию, т. е. жесты являются средством поддержания коммуникации с собеседником. Большинство жестов, используемых в речи, необязательно имеют коммуникативную направленность. Например, при разговоре по телефону собеседник не видит жестов говорящего, но это не исключает, что последний не использует их в речи. Если жестовое поведение человека носит исключительно коммуникативную направленность и несет информацию, необходимую для передачи некоего намерения, то говорящий должен быть уверен, что значения используемых им жестов будут корректно восприняты собеседником [Krauss, Chen, Gottesman 2000].

Представляется, что коммуникативная функция и функция стимулирования поиска слова не являются взаимоисключающими, так как обе функции могут реализовываться одновременно в одном жесте.

Материал и методы анализа: выбор категорий для аннотирования жестов

Материалом для анализа являются 12 видеозаписей со средней продолжительностью около 10 минут. Общая продолжительность видеокорпуса составляет 120 минут. Каждая видеозапись является синхронным переводом научно-популярных текстов единой тематики (эволюция животного мира) с русского на английский (<https://postnauka.ru/video/49851>) или с английского на русский язык (https://www.ted.com/talks/michael_benton_mass_extinctions_and_the_future_of_life_on_earth).

Материал был проанализирован с помощью специальной программы для аннотирования жестов ELAN (<https://archive.mpi.nl/tla/elan>). В программе были заданы следующие параметры речевого поведения участников: затруднения, их типы, а также функциональные типы жестов, коррелирующие с выделенными затруднениями (рис. 1).

В ходе исследования были отмечены следующие типы трудностей, связанные с изменением темпа речи говорящих: увеличение длительности звука (гласных и согласных), общее замедление темпа речи и длинные паузы. Под увеличением длительности звука понимается продолжительное произнесение определенного звука, например нуууу, инннн. Общее замедление темпа речи – это его снижение

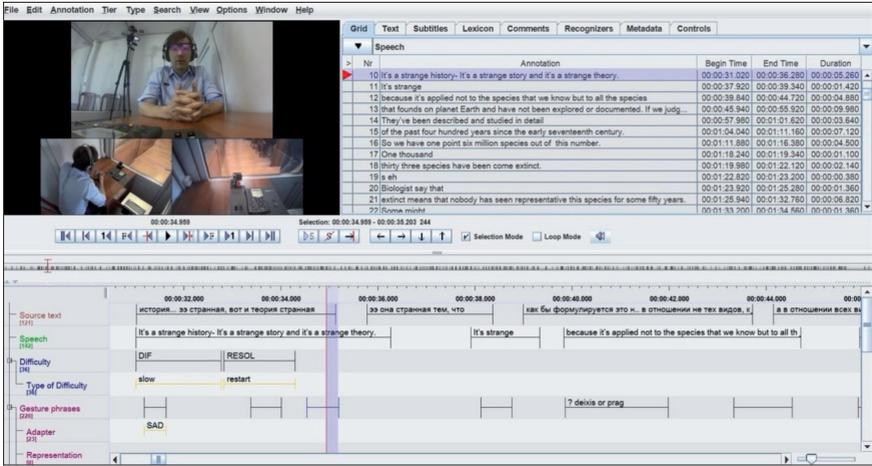

Рис. 1. Аннотирование жестов в программе ELAN

относительно нормальной скорости говорения конкретного испытуемого. Под длинными паузами понимается приостановка перевода, после которой происходит резкое увеличение темпа речи и / или опущение информации из источника перевода.

Анализ жестового поведения говорящих также показал, что участники эксперимента используют следующие типы жестов: адапторы, репрезентирующие, прагматические, ритмические (beats) и дейктические жесты [Eckman 2004; Kita 2000; Mittelberg 2014; Beattie and Coughlan 1998; Clark 1996; Bressemer, Müller 2014; McNeil, Levy 1993].

К жеста-адапторам относятся движения, которые могут быть направлены на себя (касания рук, приглаживание волос, почесывание и т. п.) или на внешние предметы (говорящий может касаться стола, перекачивать ручку, трогать панель управления и т. д.). По мнению исследователей, наличие жестов-адапторов свидетельствует о повышении уровня стресса и частично потери контроля над ситуацией со стороны говорящего [Eckman 2004]. Их использование связывают с попытками снизить общее напряжение и вернуть контроль над ситуацией [Eckman 1972; Planar 1999].

Репрезентирующие жесты определяются соответствием между формой самого жеста и объектом репрезентации: человеком, вещью, действием или событием. Они могут основываться на различных

ментальных образах или воспоминаниях и способствуют усилению мыслительной и речевой деятельности [Kita 2000; Mittelberg 2014]. Продуцирование репрезентативных жестов способствует поиску нового слова в состоянии, когда говорящий затрудняется вспомнить такое слово, которое «вертится у него на языке» (tip-of-the-tongue state) [Beattie and Coughlan 1998].

Дейктические особенности жестов связаны со способностью частей тела человека (палец, рука, локоть, подбородок и т. д.) создавать векторные направления в пространстве [Clark 1996]. Дейктические жесты используются для конкретизации объекта речи (*этот предмет, та книга*) и его пространственно-временного расположения. Такие жесты указывают на пространство для описания некоей идеи, однако исключают репрезентацию самого объекта в своей форме или характере движения. Основная функция таких жестов – референтная. В работе мы выделяем два типа дейктических жестов: указательные жесты и касания.

Последний тип жестов – прагматические жесты, включают в себя движения рук, которые не обладают репрезентирующей или референтной функциями. Такие жесты не являются уникальными и семантически не связаны с определенным словом. Они проявляют способность повторяться в различных контекстах сохраняя сходную форму и характер движения. Например, к таким жестам относятся жесты-отрицания и циклические жесты, которые могут использоваться для поиска нужного слова [Bressem, Müller 2014]; жесты, которые передают отношение говорящего к предмету разговора или содержащие его оценку, передают точку зрения говорящего; всевозможные жесты, способствующие построению дискурса и установлению контакта с реципиентом.

В работе также выделяется такая подкатегория жестов, как ритмичные жесты, или биты (beats or batons) [McNeil, Levy 1993]. Ритмичностью могут обладать любые вышеперечисленные жесты в случае, если движения рук совпадают с ритмом речи. Например, говорящий опускает и поднимает руки или пальцы на каждом ударном слоге.

Особенности употребления жестов при изменении темпа речи

В результате анализа было выявлено 552 случая проявления трудностей, которые приводят к изменению темпа речи говорящих. Наиболее частотным типом затруднений является увеличение длительности

Таблица 1

Суммарное количество трудностей и жестов			
Трудности		Жесты	
Увеличение длительности звука	319	Адапторы	235
Общее замедление речи	211	Прагматические	105
Долгие паузы	22	Репрезентирующие	40
		Ритмичные	38
		Дейктические	3
ВСЕГО	552	ВСЕГО	421

звуков (319 случаев). Также довольно распространено общее замедление речи (211 случаев). Наиболее редко встречаются долгие паузы (22 случая) (см. табл. 1).

Полученные данные указывают на то, что переводчики – участники исследования, склонны увеличивать длительность гласных и согласных звуков (...*чтоооо* примерно одна сотня видов...; *We... we knnnow such...*), что позволяет не прерывать поток речи и аккумулировать силы при высокой когнитивной нагрузке.

Отметим, что синхронные переводчики реже прибегают к общему замедлению темпа речи, так как, по-видимому, это приводит к необходимости более интенсивного одновременного осуществления процессов восприятия, запоминания и продуцирования информации, в связи с чем существенно возрастает когнитивная нагрузка.

...мог / ли // ти / рекс...

самые простые модели / его /// черепа / поэтому если Вы / хотите / сформировать // полноразмерную модель // всего скелета / и // мышечной массы...

Условные обозначения: / – незначительное замедление темпа речи,

// – замедление темпа речи, /// – значительное замедление темпа речи.

В случае, когда переводчики делают длинные паузы, происходит нарушение вышеуказанных процессов, что ведет к опущениям и нарушению целостности перевода. Так, в приведенном ниже примере

переводчик перевел первую часть предложения исходного текста, однако дальше в переводе мы видим опущение: отсутствует последняя часть первого предложения исходного текста. Информация из второго предложения также передана не полностью: указано лишь количество вымерших видов (см. табл. 2).

Исходный текст   And that means that as they come and go, on average, we would expect the extinction of five million species every million years, // *which is five species per year. So that does contrast remarkably even at the lowest estimate of human impact: 500 species per year is 100 times ... the normal rate of 5 per year* //.

Текст перевода   Э, мы могли ожи... мы можем ожидать исчезновение около пяти миллионов видов за каждый миллион //.....// ээ видов ээ это ээ говорит о том, что ээ исчезает ежедневно пятьсот видов, ежегодно пятьсот видов, соответственно, это приводит к большому ээ уровню.

Анализ жестов, сопутствующих интересующим нас затруднениям, показал, что абсолютное большинство используемых жестов – адапторы (см. табл. 2). Как указывалось выше, адапторы используются в случаях повышенной когнитивной нагрузки для установления контроля над ситуацией. Таким образом, можно предположить, что процесс синхронного перевода действительно подразумевает высокую когнитивную нагрузку, которую переводчики стараются снизить за счет кинетического фактора, а именно неосознанных жестов касания и хватания (см. [Ирисханова, Петров, Макоеева, Леонтьева 2019]).

Вторыми по частотности являются прагматические жесты. Значительное количество таких жестов может указывать на попытку снижения когнитивной нагрузки за счет структурирования своей речи (дискурсивные функции таких жестов), а также переключения на точку зрения того говорящего, кого в данный момент переводят [Ирисханова, Петров, Макоеева, Леонтьева 2019].

Отметим, что при затруднениях, связанных с темпом речи (общим замедлением речи), репрезентирующие жесты используются довольно редко (40 случаев употребления). Это может быть связано с тем, что такие жесты в меньшей степени способны помочь говорящему

справиться с трудностями ввиду своей образности и значительной зависимости от контекста. Дейктические жесты практически не представлены (три случая употребления).

Таблица 2

Количество затруднений и используемых с ними жестов			
Жесты	Увеличение длительности звука	Общее замедление речи	Долгие паузы
Адапторы	139	80	16
Репрезентирующие	20	20	0
Прагматические	59	44	2
Ритмичные	15	22	1
Дейктические	2	1	0
Нет жеста	84	44	3

Выводы

Процесс синхронного перевода представляет собой вид деятельности, требующий существенных когнитивных усилий, поскольку для него характерна одновременная активизация различных ментальных процессов (внимания, слушания и осмысления поступающей информации), преобразование сообщения с одного языка на другой и задействование рабочей памяти для воспроизведения перевода при одновременном поступлении текста речи говорящего.

Вследствие высокой когнитивной нагрузки и иных специфических особенностей синхронного перевода у участников проведенного эмпирического исследования наблюдались речевые затруднения, связанные с изменением темпа речи. К ним были отнесены следующие затруднения: увеличение длительности звуков, общее замедление речи и длинные паузы.

Для снижения высокой когнитивной нагрузки говорящие использовали жесты. Наиболее употребляемыми жестами являются адапторы и прагматические жесты. Адапторы способствуют поддержанию контроля над ситуацией. Прагматические жесты служат для поддержания

структуры перевода, в том числе за счет принятия перспективы человека, чью речь необходимо перевести. Ритмичность жестов помогает избежать прерывания речи при возникновении трудностей в процессе перевода. Отсутствие жестов при затруднениях, по-видимому, связано с индивидуальными жестовыми моделями поведения участников эксперимента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ирисханова О. К., Петров А. А., Маковеева А. И., Леонтьева А. В.* Когнитивная нагрузка в условиях синхронного перевода: опыт полимодального анализа. Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVIII. С. 100–116. [Iriskhanova, O. K., Petrov, A. A., Makoveeva, A. I., Leonteva, A. V. (2019). Kognitivnaya nagruzka v usloviyah sinhronnogo perevoda: opyt polimodalnogo analiza (Cognitive Load in Simultaneous Interpretation: a multimodal analysis). Kognitivniye issledovaniya yazika (pp. 100–116). Вып. XXXVIII. (In Russ.)].
- Beattie G., Coughlan, J.* An experimental investigation of the role of iconic gestures in lexical access using the tip-of-the-tongue phenomenon. *British Journal of Psychology* 89, 1998. P. 35–56.
- Bressem J., Müller, C.* The family of away gestures: Negation, refusal, and negative assessment. *Body – Language – Communication: An international Handbook on Multimodality in Human Interaction. Handbooks of Linguistics and Communication Science 38.2.* / C. Muller, A. Cienki, E. Fricke, SH Ladewig, D. McNeill and J. Bressem [eds.]. Berlin–Boston: De Gruyter Mouton, 2014. Pp. 592–1604.
- Clark H.* *Using Language.* Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Clark H.* Pointing and placing. *Pointing: Where Language, Culture and Cognition Meet.* Edited by Sotaro Kita. Lawrence Erlbaum Associates, Publishers. Mahwah, New Jersey, London, 2003. Pp. 242–268.
- Cattaneo E.* Idiomatic expressions in conference interpreting. Graduation thesis, SSLMIT, Università degli Studi di Bologna, Sede di Forlì, 2004.
- Eckman P.* Universals and Cultural Differences in Facial Expressions of Emotion // *Nebraska Symposium on Motivation / J. Cole (Ed.).* Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 1972. Pp. 207–282.
- Eckman P.* *Emotions Revealed: Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotional Life.* Henry Holt and Company. 2004.
- Gile D.* *Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training.* Amsterdam / Philadelphia. John Benjamins, 1995.
- Gile D.* Testing the Effort Models' tightrope hypothesis in simultaneous interpreting – A contribution. *Hermes* 23, 1999. Pp. 153–172.

- Gile D.* Local Cognitive Load in Simultaneous Interpreting and its Implications for Empirical Research. ESIT – Université Paris 3 Sorbonne Nouvelle. 2008. Published in Forum 6:2. Pp. 59–77.
- Graziano M., Gullberg M.* When Speech Stops, Gesture Stops: Evidence From Developmental and Crosslinguistic Comparisons. *Front. Psychol*, 2018. Pp. 1–17.
- Hervais-Adelman A., Babcock L.* The neurology of simultaneous interpreting: Where extreme language control and cognitive control intersect. *Bilingualism: Language and Cognition*, 2019. Pp. 1–12.
- Holler J., Turner K. & Varcianna T.* It's on the tip of my fingers: Co-speech gestures during lexical retrieval in different social contexts, *Language and Cognitive Processes*, 2013. Pp. 1509–1518.
- Kita S.* How representational gestures help speaking. In D. McNeill (Ed.), *Language and gesture*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. Pp. 162–185.
- Krauss, R. M., Chen, Y., & Gottesman, R. F.* Lexical gestures and lexical access: A process model. In D. McNeill (Ed.), *Language and gesture*. New York: Cambridge University Press, 2000. Pp. 261–283.
- Mazza, C.* Numbers in Simultaneous Interpretation. Unpublished Graduation thesis, SSLMIT, Università degli Studi di Bologna, Sede di Forlì, 2000.
- McNeill D. & Levy Elena T.* Cohesion and gesture. *Discourse Processes*. 1993. Pp. 363–386.
- Mittelberg I., Vito E.* Iconic and representational gestures, 2014. Pp. 732–1746.
- Planap S.* *Communicating Emotion*. New York: Cambridge University Press, 1999.
- Puková Z.* Daniel Gile's Effort Model and its application to simultaneous interpreting of texts with a high concentration of numerical data and enumerations (in Czech). Master's thesis, Charles University, Prague, 2006.
- Seeber K. G.* Cognitive load in simultaneous interpreting: Existing theories – New models. *Interpretingio* 2011. Vol. 13 (2). Pp. 176–204.
- Seeber K. G.* Multimodal Processing in Simultaneous Interpreting. In *The Handbook of Translation and Cognition*. Hoboken, NJ, USA: John Wiley, 2017. P. 461–475.

УДК 81.362

А. О. Манухина

кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: amanuhina@mail.ru

**СРЕДСТВА ИЗОБРАЖЕНИЯ ЧУДЕСНОГО
В ЛАТИНСКИХ И СТАРОФРАНЦУЗСКИХ ДОКУМЕНТАХ
ЭПОХИ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ
(сопоставительный анализ «Peregrinatio» магистра Дитмара,
«Historia Iherosolymitana» Фульхерия Шартрского
и анонимного сочинения «Li Estoire de Jerusalem et d'Antioche»)**

В работе анализируется содержание «чудесного» и выявляются способы его реализации в латинских и старофранцузских сочинениях XII–XIII вв. Корпус исследования составили произведения различных жанров, созданные участниками и очевидцами Крестовых походов: латинская авторская и старофранцузская анонимная хроники, латинское сочинение «Peregrinatio». В статье изучаются способы реализации «чудесного» как на уровне формы (анализ оценочных конструкций), так и на уровне содержания (следование четким моральным установкам, акценты на определенных деталях).

Ключевые слова: средневековый дискурс; понятие «чудесного»; нравственные стереотипы Средневековья; оценочная картина мира; «кодекс чести» рыцаря.

A. O. Manuhina

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Phonetics and Grammar of the French language, Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University; e-mail: amanuhina@mail.ru

**MEANS OF THE DEPICTION OF MIRACULOUS
IN THE LATIN AND OLD FRENCH DOCUMENTS
OF THE EPOCH OF CRUSADES
(comparative analysis of the works "Peregrinatio" by master Thietmar,
"Historia Iherosolymitana" by Fulcher of Chartres
and the anonymous work "Li estoire de Jerusalem et d'Antioche")**

The article is devoted to analyzing 'miraculous' and the means of its realization in the Latin and the Old French compositions of the 12th-13th century. The material of the research is presented with the works of different genre: author's Latin and anonymous Old French chronicles, Latin work «Peregrinatio». The means of the realization of 'miraculous' are examined on the level of the form (the analysis of the

evaluative constructions) and on the level of the content (moral stereotypes, the emphasis on the certain details).

Key words: the medieval discourse; the notion 'miraculous'; moral stereotypes of the Middle Age; the evaluative picture of the world; the chivalric code.

Введение

Рассказы о чудесном, зафиксированные в письменных памятниках западноевропейского Средневековья, представляют собой одно из наиболее распространенных явлений и фигурируют во всех повествовательных жанрах: в религиозной, куртуазной, эпической и историографической литературе [Гуревич 2005; Смирнова 2006].

Чудесное как явление средневековой культуры отражает важную особенность мышления того времени: отсутствие четких границ между миром реальным и нереальным. Мир нереального, в котором тесно переплетены знания, полученные из Библии, и народные сюжеты (сказания, легенды и суеверия), находился в постоянном контакте с окружающей действительностью.

В статье изучаются языковые средства репрезентации чудесного в текстах, относящихся к рыцарской культуре эпохи Крестовых походов.

Материал исследования составили латинские и старофранцузские сочинения XII–XIII вв.: хроника «Historia Iherosolymitana» Фульхерия Шартрского, анонимное сочинение «Li Estoire de Jerusalem et d'Antioche» (оба документа – свидетельства Первого крестового похода) и «Peregrinatio» магистра Дитмара (книга, написанная накануне Пятого крестового похода).

Средневековое чудесное, объединенное под условным термином «mirabilia» (букв. 'достоинное удивления') [Ле Гофф 2012, с. 5], включало в себя реальные феномены (географические и природные) и описание людей (народов, неизвестных европейцу), которые воспринимались человеком того времени как диковины, а также фантастический мир чудовищ (зверей и антропоморфных существ с дохристианскими истоками). В эпоху Крестовых походов произошло «подлинное вторжение чудесного в средневековую литературу»¹ [Dictionnaire 1999, с. 78]: мир сверхъестественного стал более разнообразным,

¹Зд. и далее перевод наш. – А. М.

а столкновение с чудесным стало неотъемлемой частью странствий рыцаря. Так, Жак Ле Гофф выделяет два наиболее характерных для Средневековья типа чудесного: *чудесное бытовое* и *чудесное политическое* [Ле Гофф 2001, с. 45].

Способы реализации «чудесного» в письменных памятниках Крестовых походов

Рассмотрим, какими языковыми средствами реализованы представления о чудесном в исследуемых сочинениях.

Чудесное бытовое и средства его выражения

Согласно Ж. Ле Гоффу, чудесное бытовое фигурирует в средневековых произведениях, «слившись с окружающей природой и ничего в ней не потревожив» [Ле Гофф 2001, с. 50]; чудеса не нарушают привычного течения повседневной жизни. Такого рода *mirabilia* нами выявлены в «Peregrinatio» магистра Дитмара.

Магистр Дитмар изложил свое путешествие на Восток в 1217 году: паломничество, совершенное им в Сирию и Палестину, было частью обета крестоносца, данного накануне Пятого крестового похода:

Ego, Thietmarus, in remissionem
peccatorum meorum cruce Domini
signatus¹ [Magistrtri Thietmari Per-
egrinatio 2011, с. 127].

Я, Дитмар, во искупление грехов
моих принявший крест (букв. от-
меченный Крестом Господа)

Ценность изучаемого документа в том, что Дитмар изображает непосредственно им увиденное, и через манеру описания событий мы воспринимаем мир глазами крестоносца XIII века.

В сочинении Дитмара присутствуют следующие виды чудесного бытового:

- описание рукотворных строений. Дитмар видит чудесное в том, что современному человеку покажется обыденным: например, в развалинах древних строений:

---

¹ В исследованиях отмечается, что *cruce Domini signatus* означает «принявший крест», т. е. ставший крестоносцем [Горелов 2006, с. 50].

Salomen perveni, destructam quidem, sed adhuc multas turres ostendentem, que omnes sine cemento vel alio glutine, sed tantum simpliciter et mirabiliter sunt constructe et coadunate [Magistrtri Thietmari Peregrinatio 2011, с. 131].

Я пришел в город Саломен, разрушенный, но до сих пор показывающий многие башни, которые все были построены и сложены без цемента или другого клея, но так просто и удивительно.

Средством вербализации «чудесного» здесь является наречие *mirabiliter* (удивительно, изумительно, дивно, необычайно); интересно, что оно употреблено в одном контексте с *simpliciter*, а интенсификатором служит наречие *tantum* (так, настолько). Увиденное автор характеризует *так просто и удивительно*, что совпадает с устоявшимися представлениями эпохи: «чудом считалось всё непонятное, что выходит за пределы природного мироустройства» [Ле Гофф 2012, с. 20];

- описание растений Востока: при изображении Дитмаром растительного мира Святой земли реальное и фантастическое соединены воедино:

Botrus eciam crevit ibi, quam vix aliquis a terra posset manu tollere [Magistrtri Thietmari Peregrinatio 2011, с. 153].

И ведь там растет виноградная лоза, которую едва ли кто-либо может вытащить из земли рукой.

Субъект повествования и оценки здесь присутствует имплицитно, особенность авторского изложения заключается в том, что реальному объекту действительности *botrus* (виноградная лоза) приписываются фантастические свойства. Мир имагинарного и реального переплетается, что типично для средневекового текста: в сочинениях подобного рода «не проводится никакого различия между сведениями, проверенными и легендарными, не делается никакой попытки привести всё это в порядок» [Эко 2015, с. 39];

- описание животных Востока: животный мир в мировосприятии средневекового человека заслуживает отдельного детального исследования – это «основной объект для страха или удовольствия, проклятия или приветствия» [Ле Гофф 2012, с. 20]. В изображении Дитмаром животных Святой земли представлено одновременно и описание реальной фауны, и существ из «имагинарного универсума»:

Leones et leopardi, ursi, cervi, damme, apri silvestres et animal sevissimum, quod incole appellant lonzam, quod eiam formidabile est leoni, rapiones, quos appellant canes silvestres, lupi ad modum vulpium magni, et caprioli infiniti, nostris minores, habentes caudas longas, hic habundant [Magistrtri Thietmari Peregrinatio 2011, с. 144].

Там есть в изобилии львы и леопарды, медведи, олени, серны, лесные кабаны и свирепейший зверь, которого жители называют «лонзан», который ведь ужаснее льва, павианы, которых называют лесными собаками, большие волки наподобие лисиц и бесконечные козы, имеющие длинные хвосты.

Если в приведенном отрывке реальные звери (*leones, leopardi, ursi, cervi, damme, apri, caprioli*) только обозначены без какой-либо авторской оценки, то фантастический зверь *lonza* охарактеризован эпитетами *animal sevissimum* (свирепейший зверь) и *formidabile* (страшный, ужасный). Для усиления отрицательной оценки используется сравнительный оборот *formidabile est leoni*. Отдельно следует отметить, что некоторые животные материального мира приобретают фантастические детали: павианы названы *canes silvestres* (лесные собаки), волки сравниваются с лисицами, а козы имеют длинные хвосты (*habentes caudas longas*).

Рассказ о растениях и животных представлен как часть «жизненного опыта», в то же время субъект повествования и оценки в обоих случаях не выражен эксплицитно, а оценка представлена как «не имеющая субъекта истина в реальном мире» [Вольф 1985, с. 70]. Но на самом деле Дитмар делится не личным жизненным опытом, а пересказывает легенды, которые он узнал из сказаний, передаваемых в устной форме, например, описания народов Востока, в которых неизвестное обычному европейцу представлено в рамках традиционных суждений крестоносцев XIII века – всё, что выходило за грань повседневности, оценивалось как чудесное:

Incole quidem deformes, miseri et miserrime induti in magna parte habitant in cavernis petrarum [Magistrtri Thietmari Peregrinatio 2011, с. 156].

Жители ведь уродливые, жалкие, самым жалким образом одеты и большей частью живут в каменных пещерах.

Исходя из контекста невозможно понять, о каком именно народе идет речь, в тексте нет никаких указаний на то, реальные ли это люди

или фантастические существа, также ничего не говорится о том, видел ли их Дитмар лично или почерпнул сведения из распространенных в тех местах легенд. Единственное, что мы можем выявить из данного отрывка – авторскую эмоциональную оценку этому народу: оценивается их внешний вид посредством эпитетов *deformes* (уродливые), *miseri* (жалкие), *miserrime induti* (жалким образом одеты) и их образ жизни: *habitant in cavernis petrarum* (живут в каменных пещерах). При этом, исходя из данного контекста, можно понять, что оценка не имеет резкого или сугубо негативного характера – такими средствами экзотические жители Востока представлены Дитмаром как «чудо»: автор был открыт всему новому и жадно впитывал в себя всё, что видел [Горелов 2006, с. 51].

Чудесное бытовое через призму религиозного сознания

В средневековых письменных памятниках чудесное бытовое изображалось не как объекты или события, значимые сами по себе, а как часть религиозного универсума, в котором *mirabilia* занимало строго определенное место. С этой точки зрения интересен рассказ магистра Дитмара о Мертвом море:

Veni ad locum, ubi Dominus subvertit Sodomam et Gomorram. Dicitur etiam mare mortuum, quia nichil vivum recipit. In eo homo etiam mergi non potest, nec avis nec piscis ibi vivere nec mergi possunt. [Magistri Thietmari Peregrinatio 2011, с. 153].

Я пришел к месту, где Господь низверг Содом и Гоморру. Говорят, что это море мертвое, так как оно не принимает ничего живого. В нем ведь человек не может утонуть, и ни птица, ни рыба там ни жить, ни утонуть не могут.

Как можно видеть из фрагмента, для Дитмара это место в первую очередь живая история из Ветхого Завета – там, где были уничтожены Содом и Гоморра (с чего он и начинает свое повествование), и лишь затем природная достопримечательность: сам факт чуда заключается в отсутствии в нем жизни *nichil vivum recipit* (не принимает ничего живого) и необыкновенных свойствах воды: *homo mergi non potest* (человек не может утонуть), *nec avis nec piscis ibi vivere nec mergi possunt* (ни птица, ни рыба там ни жить, ни утонуть не могут). Дитмар свидетельствует об увиденном как очевидец: *Veni ad locum,*

ibi... – Я пришел к месту, где... Его оценка кажется живой непосредственной реакцией на чудо. Но при сравнении текста «Peregrinatio» с более ранними сочинениями можно выявить употребление ряда стереотипных формул-клише.

Рассмотрим для сравнения соответствующий отрывок с упоминанием Мертвого моря из «Historia Iherosolymitana». Хроника «Иерусалимская история» (1095–1127), которая является своего рода «дневником очевидца», монаха-крестоносца Фульхерия Шартрского, участника Первого крестового похода, написана на сто лет раньше «Peregrinatio» Дитмара.

Ibi quidem lacus nunc est magnus, quem mare Mortuum vocant. Demergi autem quis in profundum ejus nec de industria facile potest [Historia Iherosolymitana 1866, с. 380].

Там есть большое озеро, которое называют Мертвым морем. И никто не может легко погрузиться на глубину его даже с усилием.

Мертвое море отнесено Фульхерием к разряду «чудес» по тому же критерию (удивительная вода, в которой невозможность утонуть – *Demergi autem quis in profundum ejus nec de industria facile potest*); используются те же лексические средства вербализации чудесного: глагол *demergi* (*тонуть, погрузиться*) с отрицанием.

Похожее описание Мертвого моря выявлено нами и в анонимной старофранцузской хронике «Li Estoire de Jerusalem et d'Antioche», написанной в начале XIII века, т. е., вероятно, при жизни Дитмара:

La est ore une eve, Morte Mer a non por ce que riens n'i vit [Li Estoire 1875, с. 640].

Там есть источник, имеющий название Мертвое море, потому что ничто там не живет.

В этом отрывке чудесное Мертвого моря описано лаконично и без личной авторской оценки: *riens n'i vit* (*ничто там не живет*). Похожее выражения, но с большими подробностями, употребляет и Дитмар: *nec avis nec piscis ibi vivere possunt*.

Неизвестно, знал ли Дитмар о произведении Фульхерия Шартрского и какими источниками информации он руководствовался, отправляясь в паломничество. Скорее всего, здесь имеет место не прямое заимствование у более ранних авторов, а следование устоявшимся в ту

эпоху стереотипам – как мировоззренческим, на уровне содержания, так и языковым, что касается средств вербализации.

С позиций средневековой христианской культуры охарактеризован Дитмаром экзотический для европейца народ – абиссинцы, названный в тексте *Issini* (*иссины*):

Est eciam quedam terra ultra Egyptum, cuius incole vocantur Issini. Que tota christiana est. Et habent singuli homines provincie illius crucem in frontibus, quia, cum parvi sunt, cauteriantur in frontibus suis signum crucis [Magistrtri Thietmari Peregrinatio 2011, с. 170].

Есть некая земля за Египтом, жители которой называются иссины. Каковая земля вся христианская. И некоторые люди этой провинции имеют на лбу крест, так как они все немногочисленны, они выжигают на своем лбу знак креста.

Народ *Issini* получает от автора положительную оценку, хотя она не выражена эксплицитно – тот факт, что *земля вся христианская* (*tota christiana est*) изначально относит объект оценки к «зоне хорошего». Чудесным, то есть выходящим за рамки обыденного, представлен обычай народа: крест, выжигаемый на лбу как проявление верности христианству. Для большего воздействия на читателя автор прибегает к повторам: *habent crucem in frontibus* (*имеют на лбу крест*) / *cauteriantur in frontibus suis signum crucis* (*выжигают на своем лбу знак креста*).

«Чудесное политическое» и средства его выражения

По мнению Ж. Ле Гоффа, такое использование «чудесного» является одной из форм его присвоения: *mirabilia* становилось инструментом политики и власти [Ле Гофф 2001, с. 48]. В эпоху Крестовых походов духовенство и бароны-предводители использовали чудесное в политических целях: например, природные явления трактовались как знаки предстоящих исторических событий.

Так, появление *кровавой луны* изображено в хронике Фульхерия Шартрского как знак свыше и предзнаменование новой войны:

Aparuit nobis in coelum luna tota rubea. Quod ergo pro signo nos accerimus: in proelio fore fundendum sanguinem [Historia Iherosolymitana 1866, с. 435].

Появилась у нас на небе луна вся красная. Действительно, это мы восприняли как знак: должна пролиться кровь в сражении.

То же самое событие указано и в «Li Estoire de Jerusalem et d'Antioche»:

An setembre, nos apparat la lune sanglante, et ajorna à mie nuit; ce nos fu avis, grant signes nos avindrent. Cel an morut Paschalis papa [Li Estoire 1875, с. 646].

В сентябре появилась кровавая луна, и наполовину отсрочила наступление ночи. И таково было наше мнение, что это знаки великого (несчастья), которое к нам подходит. И в этот год умер папа римский Пасхалий.

Старофранцузская хроника была написана спустя столетие после Первого крестового похода, как «взгляд назад» на уже свершившиеся события, и, в отличие от Фульхерия Шартрского, анонимный автор имеет возможность доказать, насколько верными оказались пророчества. Личная авторская оценка при этом эксплицитно не выражена; описание чудесного выстроено по следующей модели: *чудесное событие (la lune sanglante)* → *оценка его окружающими (nos fu avis, grant signes nos avindrent)* → *подтверждение истинности знамения (morut Paschalis papa)*.

В обоих сочинениях явление природы трактуется как сверхъестественное, проникающее в мир человека, чтобы повлиять на него.

Чудесное политическое через призму религиозного сознания

Чудесное, влияющее на ход истории, на жизнь и поведение людей, в средневековом сознании переосмысливалось в контексте христианской системы ценностей. Все чудесное возводилось его к единственному творцу – Богу. Все исторические события и повороты в судьбе героев объяснялись с позиций провиденциализма, то есть «исходящей от воли Всевышнего детерминированности поведения человека и отсюда его спасения или осуждения в вечности» [Гуревич 1984, с. 120].

Магистр Дитмар в «Peregrinatio» сам свидетельствует о том, как Бог помог ему лично:

Cum ergo mihi captivo et sic angustiato non esset spes nec via spei, Deus, qui prope est omnibus invocantibus eum, visitavit desperantem, spem rediintegravit, et me miraculose conservavit [Magistrtri Thietmari Peregrinatio 2011, с. 148].

И когда у меня пленного и подавленного не было ни надежды, ни дороги к надежде, Бог, который рядом ко всем взывающим к Нему, посетил отчаивающегося, возродил надежду и меня чудесным образом сохранил.

Бог выступает участником повествования наравне с автором: посетил его (*visitavit*), возродил надежду (*spem rediintegravit*) и сохранил (*conservavit*). Стечение обстоятельств, благодаря которым Дитмар был вызволен из плена, с одной стороны, расценивается как чудесное (что вербализовано в тексте лексемой *miraculose*), с другой – как реализация воли Бога.

С позиций провиденциалистски-символизированного понимания истории оценивается Дитмаром восточный правитель – духовный лидер, названный в тексте *huius pape* («их папа»):

Vie huius pape longe sunt a viis nostri pape, et longe faciat Dominus, et rapatum eius brevem faciat super terram [Magistrtri Thietmari Peregrinatio 2011, с. 142].

Дороги их папы далеки от дорог нашего папы и Господь сделает их еще дальше (друг от друга) и папство его сделает на земле коротким.

Уже само существование персонажа *huius pape* представлено в книге как чудесное: в тексте нигде нет упоминания его имени, и невозможно установить, имелось ли в виду реальное историческое лицо; скорее всего, это собирательный образ антигероя-владыки сарацин. Дальнейшая судьба *huius pape* представлена и как предостережение, и как исполнение замысла Всевышнего, поскольку «чудотворное всегда остается за Богом и выражается в Божественном деянии» [Ле Гофф 2012, с. 7]. Автор характеризует персонажа в рамках средневековой христианско-католической картины мира: образ *huius pape* противопоставлен папе римскому, главному для католиков воплощению Бога на земле.

Заключение

Предметы, лица и события, относящиеся к чудесному, достаточно полно отображены во всех трех исследуемых произведениях. Но если в хрониках «*Historia Iherosolymitana*» Фульхерия Шартрского и анонимном «*Li Estoire de Jerusalem et d'Antioche*» изложение лаконично и эксплицитная авторская оценка практически отсутствует, то в «*Peregrinatio*» чудесам дана более подробная характеристика. Большое количество изображенных Дитмаром чудес обусловлено жанровыми особенностями произведения – паломничества как отдельный жанр к XIII веку получил широкое распространение в средневековой

литературе, что было характерно для изображения реальных исторических событий. Странствия рыцарей в Святую землю в поисках собственной и коллективной идентичности было важной частью принятого крестоносного обета. Сложившийся жанр имел свои характерные типологические черты, одной из которых было изображение чудесного, где переплетались конкретные впечатления от увиденного и мир воображаемого, запечатленный в сознании человека данной эпохи. С одной стороны, в сочинении Дитмара описание строений, растительного и животного мира, экзотических народов пребывает в рамках устоявшейся традиции, с другой – через жанровые каноны и сложившиеся мировоззренческие стереотипы того времени пропускает личность автора. Авторское «Я» проявляется в оценочном отношении к увиденному, и в этом можно увидеть непосредственную реакцию автора на окружающую действительность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. [Vol'f, E. M. (1985). *Funkcional'naya semantika ocenki*. (Functional semantics of evaluation). Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Горелов Н. С. Царствие небесное: легенды крестоносцев XII–XIV веков. СПб.: Азбука-классика, 2006. [Gorelov, N. S. (2006). *Carstvie nebesnoe: legendy krestonoscev XII–XIV vekov*. (the Kingdom of heaven: legends of the crusaders of the XII–XIV centuries). Saint Petersburg: Azbuka-klassika. (In Russ.)].
- Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. [Gurevich, A. Ya. (1984). *Kategorii srednevekovoj kul'tury*. (Categories of medieval culture). Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)].
- Гуревич А. Я. Индивид и социум в средневековом Западе. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. [Gurevich, A. Ya. (2005). *Individ i socium v srednevekovom Zapade*. (Individual and society in the medieval west). Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN). (In Russ.)].
- Ле Гофф Ж. Герои и чудеса Средних веков. М.: Текст, 2012. 220 с. [Le Goff, Zh. (2012). *Geroi i chudesa Srednih vekov*. (Heroes and wonders of the Middle ages). Moscow: Tekst. (In Russ.)].
- Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. Пер. с фр. Общ. ред. С. К. Цатуровой. М.: Прогресс, 2001. [Le Goff, Zh. (2001). *Srednevekovyy mir voobrazhaemogo*. (Medieval world of the imaginary). Moscow: Progress. (In Russ.)].

- Смирнова В. В. «Чудо» как жанрообразующий элемент средневековых религиозных жанров: житие, пример, видение: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. [Smirnova, V. V. (2006). *«CHudo» kak zhanroobrazuyushchij element srednevekovyh religioznyh zhanrov: zhitie, primer, videnie.* («Miracle» as a genre-forming element of medieval religious genres: life, example, apparition): abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Эко У. Искусство и красота в средневековой эстетике / пер. с итал. А. Шурбелева. М.: АСТ: Corpus, 2015. [Eco, U. (2015). *Iskusstvo i krasota v srednevekovoj estetike.* (Art and beauty in medieval aesthetics). Moscow: AST: Corpus. (In Russ.)].
- Dictionnaire des lettres françaises: Le Moyen Age / ed. G. Hasenohr, M. Zink. Torino: G.Canale&C.S.p.A., 1999.
- Historia Iherosolymitana gesta Francorum Iherusalem peregrinantium ab anno Domini MXCV usque ad annum MCXXVII auctore donmo Fulcherio Carnotensi // Recueil des historiens des croisades, publié par les soins de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres. Historiens occidentaux. Tome troisième. Paris: Imprimerie impériale, MDCCCLXVI.
- Koppitz U. Magistri Thietmari Peregrinatio: Pilgerreise nach Palästina und auf den Sina in den Jahren 1217/1218 // Concilium medii aevi. Bd. 14 (2011). S. 121–221.
- Li Estoire de Jerusalem et d'Antioche // Recueil des historiens des croisades, publié par les soins de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres. Historiens occidentaux. Tome cinquième. Paris: Imprimerie nationale, MDCCCXCV.

УДК 811.13

Л. Л. Мартынова, О. Е. Лаптева

Мартынова Л. Л., кандидат филологических наук,
доцент кафедры португальского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: lmartynova47@mail.ru

Лаптева О. Е., соискатель кафедры португальского языка переводческого
факультета Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: laptevaolga2009@rambler.ru

ФРЕЙМОВЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЛЕКСИКИ С ВОЗРАСТНОЙ СЕМАТИКОЙ В ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье освещается опыт применения методики фреймового анализа к изучению когнитивных основ семантики единиц-вербализаторов концепта «возраст» в португальском языке. Целью исследования стало выявление семантических и концептуальных особенностей рассматриваемого концепта на основе изучения семантики единиц, составляющих номинативное поле концепта. Исследование способствует изучению особенностей вербализации концепта «возраст», раскрывая механизмы, лежащие в основе концептуализации возрастных состояний.

Ключевые слова: концепт; фрейм; фреймовая семантика; когнитивная лингвистика; португальский язык.

L. L. Martynova, O. E. Lapteva

Martynova L. L., PhD (Philology), Associate Professor
at the Portuguese Language Department, Faculty of Translation and Interpreting,
Moscow State Linguistic University; e-mail: lmartynova47@mail.ru

Lapteva O. E., Post-Graduate Student, Portuguese Language Department,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University;
e-mail: laptevaolga2009@rambler.ru

FRAME APPROACH TO THE ANALYSIS OF AGE-RELATED VOCABULARY IN THE PORTUGUESE LANGUAGE

The article describes an attempt to apply the methods of frame semantics to the analysis of the cognitive basis of the concept “age” in the Portuguese language. The goal of the research is to reveal semantic and conceptual characteristics of the concept “Age” by studying the semantics of the lexical units forming its nominative field. The research may contribute to the analysis of the verbalization of the concept “Age” as it reveals the mechanisms underlying the conceptualization of age states in the Portuguese culture.

Key words: concept; frame; frame semantics; concept verbalization; cognitive linguistics; Portuguese.

Введение

Основной идеей когнитивной лингвистики, утвердившейся в качестве одной из основных лингвистических парадигм, считается предположение о существовании в сознании человека определенных когнитивных структур, участвующих в организации приобретаемых им знаний. Фреймовая семантика представляет собой один из методов когнитивного моделирования, предполагающий использование ассоциативных, иерархических и пропозициональных моделей представления знаний [Болдырев 2019].

В исследовании предпринята попытка применить фреймовый подход к изучению единиц португальского языка с возрастной семантикой с целью выявления когнитивных структур, лежащих в основе концептуализации понятия «возраст» в португальской лингвокультуре. Исследование предполагает сочетание метода фреймовой семантики с традиционными методами анализа семантики языковых единиц (метод компонентного анализа семантической структуры слова, концептуально-дефиниционный метод, метод семантического разрывания дефиниций и т. д.).

Фреймовая семантика как метод анализа когнитивных оснований концептуализации действительности

Понятие «фрейм» пришло в лингвистику из теории искусственного интеллекта, в которой его впервые применил М. Минский. Фрейм определялся М. Минским как «структура данных, предназначенная для представления стереотипной ситуации» [Минский 1978, с. 252]. В рамках этой теории предполагается, что фреймы представляют собой структуры, существующие в памяти человека и извлекаемые им в случае переживания нового опыта с целью его последующего усвоения. Таким образом, поступающая новая информация осваивается на фоне уже имеющихся знаний о той или иной ситуации, а фреймы выполняют функции когнитивных контекстов формирования и понимания смыслов [Болдырев 2019]. При этом отмечается, с одной стороны, стереотипная природа фрейма (представляющего собой типичный «свод знаний» о той или иной ситуации), с другой стороны, его гибкость в том смысле, что со временем фрейм может пополняться качественно новыми элементами, отражая изменения во внешней среде.

Среди наиболее важных свойств фреймов выделяют их взаимосвязь и взаимопроникновение. Так, подобно тому, как в мире наблюдается взаимосвязь различных ситуаций, «родственные», или смежные, фреймы также не являются изолированными друг от друга [Минский 1988]).

По отношению к семантике языковых единиц теорию фреймов впервые применил Ч. Филлмор, согласно которому языковые значения соотнесены с наличествующими в сознании человека конкретными сценами, а соотнесение значения слова с его интерпретацией в конкретном контексте возможно лишь с привлечением содержащейся в соответствующем фрейме внеязыковой информации [Филлмор 1983]. По Филлмору, фреймы представляют собой концептуальный базис для лексического материала, который обеспечивает знание природы явлений внешнего мира [Филлмор 1988]. Таким образом, фрейм служит отправной точкой для анализа конкретных ситуаций, в которых оказывается человек, для определения его поведения [Беляевская 1992].

Отдельно изучается вопрос о соотношении понятий «фрейм» и «концепт». Некоторыми учеными фрейм понимается как один из типов концепта наряду с гештальтами, сценариями, схемами, инсайтами [Попова 1999; Прохоров 2008].

Другие видят во фрейме «глубинный слой когнитивного устройства человека, когнитивную пропозициональную модель организации знаний о стереотипной ситуации. Передавая тот или иной концепт, лексическая единица активизирует соответствующий когнитивный контекст как модель обыденного знания об основных концептах» [Ефремов 2009, с. 104]. В данном случае фрейм, по сравнению с концептом, представляется единицей более высокого порядка, так как он «структурируется из нескольких концептов и отражает более широкий фрагмент языковой картины мира» [там же].

Согласно еще одной точке зрения, фрейм рассматривается как форма представления когнитивных основ концептуализации явлений действительности, структура организации знаний в сознании и памяти человека, лежащая в основе ментального образования (концепта) [Яроцкая 2012].

Представленные выше подходы к определению фрейма схожи в том, что фрейм представляется в них как структура организации знания

об определенной стереотипной ситуации. В свою очередь, в структуре фрейма выделяются иерархически организованные и взаимосвязанные элементы: субфреймы (уровни, объединяющие признаки со схожей тематикой), терминалы (смысловые объединения высокого уровня абстракции), слоты / узлы (выражают определенные когнитивные признаки) [Гусельникова 2010]. Элементы фрейма могут быть связаны различными отношениями (родо-видовые, сценарная связь и др.). В настоящем исследовании фрейм понимается как структура когнитивного уровня, форма ментального представления концепта, способ его организации и систематизации вербализующих его единиц.

Построение фреймовой структуры концепта «возраст» в португальском языке

Фреймовое моделирование структуры конкретного концепта возможно на основе анализа семантических особенностей составляющих его номинативного поля (НП) единиц. На начальном этапе исследования была рассмотрена семантика центральной лексемы НП, существительного *idade*, с последующим анализом семантики и синтагматических особенностей единиц – репрезентантов концепта.

Наиболее актуализируемым значением лексемы *idade* можно считать значение «tempo decorrido desde o nascimento ou desde o princípio» («время, прошедшее с рождения кого-либо или начала чего-либо») [Priberam; Lello; Infopédia]. Второе по частотности значение – «cada uma das fases da vida caracterizada por uma gradação particular do vigor» («каждый из этапов жизни, характеризующийся определенным уровнем сил») [Priberam; Lello] (ср. «cada um dos períodos em que se costuma dividir a vida do homem» [Infopédia]).

Помимо приведенных у лексемы *idade* выделяются значения «época da vida» / «период жизни» [Infopédia]; «duração de uma vida» / «продолжительность жизни» [Priberam; Lello]; «era, época, tempo» / «эра, эпоха, время» [Priberam; Lello]; «época histórica» / «историческая эпоха» [Infopédia]; «momento» / «момент» [Infopédia]; «período de tempo (vário, mas determinado)» / «определенный период времени» [Priberam; Lello]; «ocasião adequada» / «подходящее время» [Infopédia]; «velhice» / «старость» [Infopédia]; «tempo» / «время» [Infopédia; Lello]; «duração» / «продолжительность» [Infopédia]; «unidade de divisão de tempo geológico» / ярус (*геол.*) [Infopédia].

Дефиниционный анализ продемонстрировал наличие в семантике лексемы *idade* темпорального компонента (*época da vida; duração de uma vida*).

Проведенный далее анализ сочетаемостных особенностей существительного *idade* позволил установить многоаспектный характер рассматриваемой лексемы, в ее семантике присутствуют биологический (*idade núbil / возраст половой зрелости, idade anatômica / анатомический возраст, idade dental / дентальный возраст*), социальный (*idade pré-escolar / дошкольный возраст, idade militar / призывной возраст*), психологический (*idade amadurecida, idade madura / зрелость, idade psíquica / психический возраст*) аспекты.

Лексема *idade* является выражением многоаспектного знания, объединяющего несколько различных концептуальных областей, что обуславливает возможность переосмысления ее значения. Ввиду подобной многоаспектности представляемого знания значение лексемы может быть представлено в виде когнитивной матрицы (см. рис. 1), т. е. «системы взаимосвязанных когнитивных контекстов или областей концептуализации объекта, интегрированных вербально в единый комплекс» [Болдырев 2019, с. 90]. Когнитивная матрица – это единица многоаспектного знания, представленная в сознании человека одним словом, сложный тематический концепт, включающий знание и разных концептуальных областей, и разных омонимов или синонимов, и их отдельных значений [там же, с. 92].

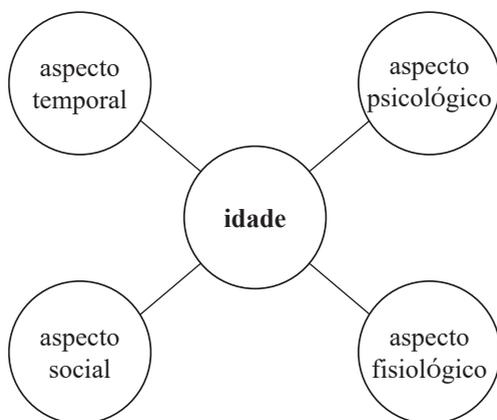

Рис. 1. Аспекты значения лексемы *idade*, представленные в виде когнитивной матрицы

Выделенные аспекты восприятия возраста отражают наиболее существенные признаки понятия. В рамках выделенных аспектов для каждой тематической группы выделяются конкретные характеристики, служащие основанием для объединения членов категории, причем упомянутые аспекты служат основой для формирования сигнификатов наименований каждой группы.

На следующем этапе исследования с применением методов дефиниционного, контекстуального, компонентного анализа, а также метода семантического развертывания дефиниций был проведен концептуальный анализ разноуровневых единиц, формирующих номинативное поле концепта. Языковые единицы номинативного поля рассматривались в составе тематических групп: «*infância*» / «детство», «*juventude*» / «молодость», «*idade adulta*» / «зрелый возраст» и «*velhice*» / «старость». Выявленные в ходе анализа концептуальные признаки впоследствии сформируют слоты фреймовой структуры, представляя собой смысловые элементы, формирующие в сознании человека представление о том или ином объекте или явлении. На основе проведенного анализа была создана фреймовая схема, визуализирующая когнитивные основания концептуализации понятия «возраст» (см. рис. 2).

Фреймовая схема включает четыре субфрейма: *infância*, *juventude*, *idade adulta* и *velhice*, на лексическом уровне представленные одноименными тематическими группами. Выделенные в ходе анализа семантики лексемы *idade* четыре аспекта ее значения (темпоральный, физиологический, психологический и социальный), которые, как показало исследование, в том или ином сочетании присутствуют в семантике всех единиц номинативного поля, образуют терминалы, отличающиеся высокой степенью абстрактности. Таким образом, терминалы можно считать основными параметрами концептуализации возраста и возрастных характеристик человека. Еще один тип элементов фреймовой схемы – слоты, служащие средством выражения концептуальных признаков, репрезентируемых семантикой единиц номинативного поля концепта.

Фреймовая схема концепта «возраст» имеет динамичную природу, которая проявляется в иерархических отношениях, существующих между субфреймами, а также в причинно-следственных связях между слотами. Помимо этого, схема визуализирует сценарную связь между субфреймами и слотами, которая на лексическом уровне означает

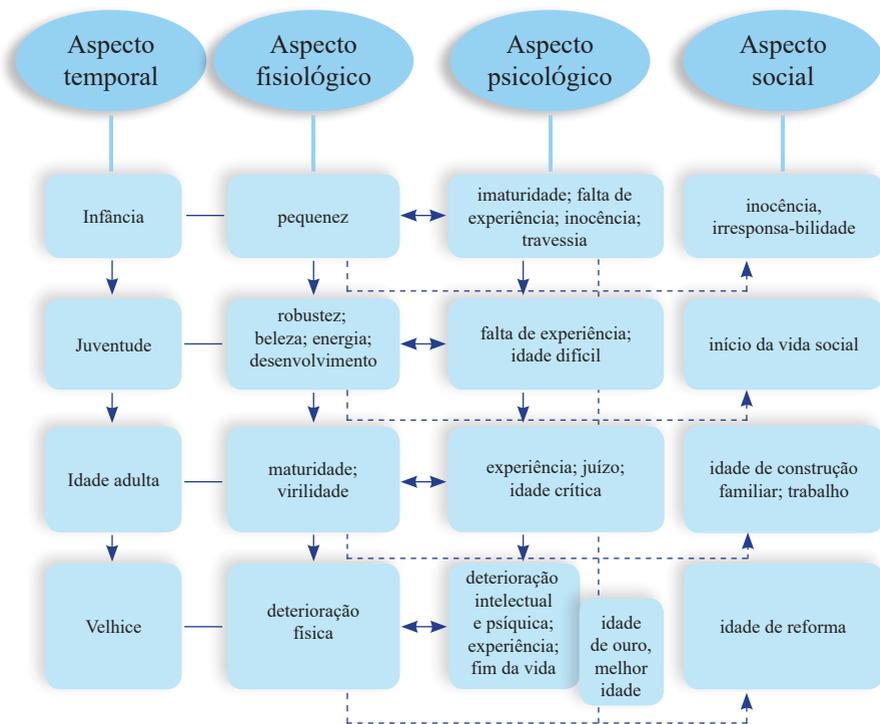

Рис. 2. Фреймовая схема концепта «возраст»

глаголами и глагольными конструкциями (*envelhecer, crescer, avelhar* и т. п.). Наличие сценарных отношений между элементами схемы свидетельствует о наличии стереотипов, сопровождающих восприятие возрастных характеристик и особенностей возрастного развития человека. Например, изучая возраст человека в аспекте физиологии, можно сказать, что только начинающееся в детстве физическое развитие человека продолжается с ростом физических сил в молодости, приводя к пику развития в зрелом возрасте и к увяданию в пожилом. В социальном преломлении возраст представляет собой категорию, для которой характерна высокая степень стереотипизированности. Схема делает очевидной регламентацию социальных ролей человека на каждом из этапов его жизни: от отсутствия социальных обязанностей в детстве до полной социализации в зрелости и отхода от социальной активности в пожилом возрасте. Наконец, в психологическом аспекте

жизнь человека подразумевает постепенное накопление опыта, процесс перехода к зрелому состоянию и свойственное старости постепенное ухудшение интеллектуально-психологических характеристик.

Как уже было отмечено выше, схема отражает существование прототипических представлений (образов) о возрастных этапах. К примеру, типичный для португальской лингвокультуры образ пожилого человека складывается из доминантных универсальных для лексики с возрастной семантикой аспектов значения, наполненных определенным концептуальным содержанием: темпоральный аспект – последний этап жизни (*última etapa da vida que sucede à idade madura*); физиологический – ухудшение физических характеристик (*deterioração física*); психологический – ухудшение психологических характеристик (*deterioração psíquica e intelectual*), жизненный опыт (*experiência*); социальный – выход на пенсию (*idade de reforma*), уважение (*respeito*). В последнее время в связи с происходящими в португальском обществе переменами прототипическое представление о старости несколько изменилось: на данный момент в португальской лингвокультуре существует оппозиция *velhice, velho / terceira idade, idoso*, свидетельствующая об образовании и постепенном закреплении в обществе нового образа старости и пожилого человека, которому присущи иные концептуальные признаки (так, *velhice* свойственны признаки «конец жизни», «снижение умственных способностей», в то время как *terceira idade* характеризуется прежде всего как «лучший возраст» и «время, которое можно уделить самому себе»).

Причинно-следственная связь между слотами представлена на схеме двусторонними пунктирными стрелками. Существование этой связи служит прямым следствием и наглядной демонстрацией взаимосвязи и взаимообусловленности всех аспектов жизни и деятельности человека (так, вследствие еще низкого уровня физического и интеллектуального развития дети не могут принимать деятельное участие в жизни социума, в то время как из-за отсутствия физических сил и ухудшения интеллектуально-психологических характеристик пожилым людям приходится постепенно отказываться от общественной деятельности). Учитывая вышеизложенное, можно сказать, что пунктирные стрелки также указывают на темпоральную, физиологическую и психологическую обусловленность социального аспекта возраста человека. Наличие подобной сценарной зависимости

подтверждает тезис Ч. Филлмора о том, что значения лексических единиц соотнесены с определенными сюжетами в сознании человека.

Таким образом, в основе концептуализации понятия «возраст» в португальском языке находится фреймовая структура, которая представляет собой различные по степени абстракции взаимосвязанные блоки информации.

Заключение

Фреймовая структура концепта «возраст» передает содержание понятия «возраст», отражая иерархические и динамические, сценарные связи между составляющими ее компонентами (субфреймами, терминалами и слотами). В своей совокупности элементы фреймовой структуры формируют стереотипные представления о возрастных состояниях личности, а по отдельности актуализируются в зависимости от контекста, выделяя, или профилируя, тот или иной аспект понятия «возраст».

Исследование показало, что при концептуализации возрастных состояний личности в португальской лингвокультуре релевантными представляются биологический, социальный, психологический и темпоральный аспекты. Принятие во внимание данных параметров при анализе когнитивных основ концептуализации возрастных состояний позволяет получить новое, системное описание семантики языковых единиц, репрезентирующих концепт «возраст» в португальском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Беляевская Е. Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1992. [Belyaevskaya, E. G. (1992). *Semanticheskaya struktura slova v nominativnom i kommunikativnom aspektah* (The Word Semantic Structure in Nominative and Communicative Aspects): thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский дом ЯСК, 2019. [Boldyrev, N. N. (2019). *Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka* (Language and the System of Knowledge. A Cognitive Theory of Language). Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)].
- Гусельникова О. В. Терминологический аппарат структуры фрейма // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Филология и искусствоведение. 2010. Вып. 9. С. 137–149. [Guselnikova, O. V.

- (2010). Frame structure terminology. *Vestnik of Chelyabinsk State Pedagogical University. Philology and Arts*, 9, 137–149. (In Russ.).
- Ефремов В. А. Теория концепта и концептуальное пространство // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Филология. 2009. Вып. 104. С. 96–106. [Efremov, V. A. (2009). The Theory of Concept and Conceptual Space. *Izvestiya of The Herzen State Pedagogical University of Russia. Philology*, 104, 96–106. (In Russ.).]
- Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М.: Прогресс, 1988. С. 281–309. [Minsky, M. (1988). Jokes and the Logic of the Cognitive Unconscious. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*, Vol. 23, 281–309. Moscow: Progress. (In Russ.)]
- Минский М. Структура для представления знания // Психология машинного зрения. М.: Мир, 1978. С. 249–338. [Minsky, M. (1978). A Framework for Representing Knowledge. *Psihologiya mashinnogo zreniya* (pp. 249–338). Moscow: Mir. (In Russ.).]
- Попова З. Д. [и др.] Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1999. [Popova, Z. D. et al. (1999). *Ponyatie «koncept» v lingvisticheskikh issledovaniyah*. (The notion of “concept” in linguistic studies). Voronezh: Voronezh State University. (In Russ.).]
- Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12. Прикладная лингвистика. М.: Радуга, 1983. С. 74–122. [Fillmore, Ch. (1983). Central problems of lexical semantics. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Applied linguistics*, 12, 74–122. Moscow: Raduga. (In Russ.)]
- Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52–93. [Fillmore, Ch. (1988). Frames and the Semantics of Understanding. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Cognitive aspects of language*, 23, 52–93. Moscow: Progress. (In Russ.)]
- Яроцкая А. В. Лексические средства номинации сферы здоровья в англоязычных журнальных текстах: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. [Yarotskaya, A. V. (2012). *Leksicheskie sredstva nominacii sfery zdorov'ya v angloyazychnyh zhurnal'nyh tekstah*. (Lexical Means of Nomination of the Sphere «Health» in the English Language Magazine Texts): thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.).]
- Dicionário Lello da Língua Portuguesa. Porto: Lello Editores, 2012.
- Dicionário Priberam da Língua Portuguesa. URL: <https://www.priberam.pt/dlpo> (дата обращения: 04.10.2020).
- Infopédia – Dicionário da Língua Portuguesa. URL: <https://www.infopedia.pt/dicionarios/lingua-portuguesa> (дата обращения: 04.10.2020).

УДК 81.42

Я. Е. Матросова

преподаватель кафедры переводоведения и практики перевода
английского языка Московского государственного лингвистического
университета; e-mail: ya.matrosova@linguanet.ru

МЕТОД ОЦЕНКИ РОЛИ ТЕРМИНОВ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Термины цветообозначения могут играть значимую роль в смыслоформировании текста и должны учитываться переводчиком при выборе стратегии работы. В статье рассматриваются параметры, которые оцениваются в ходе переводческого анализа художественного текста и помогают сделать вывод о значимости для него цветообозначений: плотность, типы выдвигания, маркированность и тип текста. Для подсчета коэффициента плотности предлагается использовать специально разработанный автоматический инструмент, принцип работы которого описывается в данной статье.

Ключевые слова: цветообозначение; маркированность; выдвигание; перевод; художественный текст, количественная оценка.

Ya. E. Matrosova

Lecturer, Department of Theory and Practice of English Translation
and Interpreting, Moscow State Linguistic University;
e-mail: ya.matrosova@linguanet.ru

ANALYSIS OF COLOR TERMS IN ENGLISH LITERARY TEXT

In some texts color terms may significantly contribute to sense forming, hence are to be taken into account when choosing a translation strategy. The article studies parameters which are examined within the preliminary analysis and allow to assess implication of color terms in a text. The parameters are as follows: density, types of foregrounding, markedness, and a text type. A new script collection is developed for density coefficient counting.

Key words: color terms; markedness; foregrounding; translation; literary text, quantitative assesment.

Введение

Наряду с другими стилистически значимыми элементами термины цветообозначения (ТЦО) могут вносить вклад в образование двуплановости текста и формирование его целостности, выступая как самостоятельно, так и в составе различных образно-ассоциативных цепочек. Переводческая стратегия в этом случае включает в себя учет

особенностей функционирования ТЦО, поэтому, если цветовые термины действительно играют существенную роль в построении текста, ее необходимо выявить еще на этапе предпереводческого анализа.

На практике опытные переводчики проводят эту работу, уделяя внимание переводу ТЦО осознанно или действуя интуитивно. Мы же хотели бы предложить метод оценки роли ТЦО в художественном тексте, который бы позволил подходить к этому вопросу более системно. Предложенный метод может представлять интерес не только для практической деятельности переводчиков, но и для литературоведческого анализа художественных текстов.

Принцип предлагаемого подхода состоит в том, что при проведении предварительного анализа переводчик рассматривает ТЦО в соответствии с рядом факторов, которые оцениваются по балльной системе:

- а) плотность ТЦО в тексте;
- б) участие в различных типах выдвижения;
- в) различные аспекты маркированности;
- г) тип текста.

Каждый из четырех названных параметров может быть максимально оценен в 1 балл, следовательно, по результатам суммирования баллов всех критериев текст оценивается по шкале от 0 до 4 баллов. Чем выше полученный балл, тем большую роль играют в тексте ТЦО.

Предложенная схема анализа представляет собой удобный список для самопроверки переводчика. Необходимо отметить, что только первый параметр является количественным и оценивается без опоры на содержание текста, остальные же три требуют предварительного внимательного и вдумчивого изучения текста, что также является одним из этапов предпереводческого анализа.

Плотность ТЦО в тексте

Плотность ТЦО в тексте, с одной стороны, в отличие от остальных трех параметров является наиболее объективной характеристикой, поскольку выражается конкретным числом. С другой стороны, она же обычно является и наиболее субъективной и условной, так как на практике переводчик едва ли подсчитывает численность ТЦО в тексте. В действительности оценка обычно происходит, скорее «на глаз», причем на этот параметр внимание обращается только в том

случае, если ТЦО в произведении многочисленны, и, следовательно, они имеют в тексте некую особую значимость.

Чтобы, во-первых, сделать подсчет более точным, а во-вторых, удобным и быстрым, мы предлагаем использовать разработанный нами специально для этой цели и выложенный в свободный доступ автоматический инструмент «Калор Тулз» [Colour_tools URL]. Данный инструмент выполняет две основные задачи: подсчитывает число ТЦО (как общее, так и распределенное по отдельным цветообозначениям) и вычисляет коэффициент их плотности.

В первую очередь для решения обеих задач нами были отобраны 40 английских ТЦО. Первоначально в список должны были войти 12 базовых терминов цвета, а также другие наиболее частотные. Однако практически сразу стало очевидно, что выбор частотности как основного критерия приведет к серьезному искажению результатов, поскольку большинство ТЦО имеют также нецветовые значения, которые не могут быть отсеяны автоматически и засчитывались бы в общую статистику – к ним относятся, например, *sandy*, *ruby* и т. д. В число исключенных попало также относительно распространенное цветоименование *rose*, поскольку оно омонимично названию цветка, женскому личному имени и претеритной форме глагола *rise*.

На основе морфологической классификации ТЦО в систему поиска также были включены дериваты входящих в список ТЦО с суффиксами *-ish*, *-y*, *-ly*, *-en* и *-ness*, что позволяет не ограничивать поиск только прилагательными, а учитывать также наречия, глаголы и существительные. Предусмотрены и случаи, когда ТЦО образуется с помощью элементов *-coloured*, *-shaded*, *-tinted*, *-hued* и конструкции *of [colour] colour / shade*.

Разница в традициях британской и американской орфографий английского не влияет на результат. Значения не имеет и регистр букв, что позволяет получать результат вне зависимости от позиции ТЦО в предложении.

Некоторые легко предвидимые случаи ложного отнесения буквенных сочетаний к ТЦО были предусмотрены и исключены: к ним относятся, например, претеритные формы глаголов, оканчивающиеся на сочетание на *-red* (*preferred*) и даже искомое *-coloured*.

Таким образом, мы должны признать, что инструмент не способен дать абсолютно точный результат, однако при его разработке перед

нами не стоила задача подсчитать количество ТЦО идеально точно – целью было оценить насыщенность текста цветовыми описаниями без потери времени и труда переводчика, и с ней инструмент справляется.

В результате проверки текста любого объема пользователь получает не только общее количество ТЦО, но и распределение по конкретным леммам и коэффициент плотности, который является наиболее показательным результатом. Последний определяется как отношение количества ТЦО к числу стандартных переводческих страниц (то есть 1 800 знаков с пробелами). Мы считаем оптимальным в качестве условного порога, который проводит границу между текстами средней / малой насыщенности и текстами с высокой насыщенностью ТЦО, определить коэффициент 1,5, так как большинство текстов не превышают этот показатель. Если порог превышает, это может служить первым сигналом для переводчика, привлекая его внимание к ТЦО и их, возможно, особой роли в тексте.

Повышенная плотность ТЦО способна приводить к тому, что соответствующие лексемы воспринимаются не разрозненно, а как организованная подсистема текста. В таких случаях ТЦО могут вступать не только в синтагматические отношения, но и парадигматические, что Ю. М. Лотман и называет «парадигматикой текста» [Лотман 1970, с. 120]. (При этом речь идет о парадигматике второго порядка, когда единицы одного порядка объединяются в системе текста, а не языка, однако связь между ними обусловлена не синтагматикой, а надлиннейной семантической общностью. И. В. Арнольд также описывает текстовую парадигматику как «нелинейные отношения, связывающие единицы одного уровня и имеющие ассоциативный характер» [Арнольд 2010, с. 61].)

Организация множества ТЦО в особую подсистему еще найдет отражение в следующих рассматриваемых параметрах, пока же условимся считать, что тексты с невысоким или средним числом ТЦО будут оцениваться в 0 баллов, а текстам с коэффициентом более или равном 1,5 присвоим 1 балл.

Типы выдвижения ТЦО

Вторым рассматриваемым параметром является участие ТЦО в различных типах выдвижения. Следует оговорить, что в рамках

этого параметра мы будем понимать «выдвижение» в соответствии с системой, получившей известность благодаря работам И. В. Арнольд [Арнольд 1978; Арнольд 2010], традиционно включающей сцепление, конвергенцию, сильную позицию и обманутое ожидание. Однако на нынешнем этапе развития лингвистики выдвижение понимается шире – в динамическом аспекте, т. е. интерес представляют не отдельные факты выдвижения, а их соотнесение с авторским замыслом, участие в смыслоформировании целостного текста. Рассмотрение выдвижения с этой точки зрения в большей степени актуально для другого параметра, а именно: типа текста, поэтому о нем еще будет подробнее сказано далее.

ТЦО встречаются в сильной позиции достаточно часто: они могут входить в заголовки, эпиграфы, нередко используются авторами в начале и конце произведений. Однако, на наш взгляд, различные сильные позиции в данном случае не эквивалентны друг другу. ТЦО особенно хорошо заметны в позиции заголовка, и такое их положение часто подразумевает значимость для текста. В то же время появление ТЦО, например, в описании в начале текста привлекает намного меньше внимания. Возможно, что их выдвижение произойдет позднее по мере усиливающегося надлинейного восприятия текста благодаря механизмам зацепления, однако этот тип выдвижения уже нельзя считать сильной позицией. Таким образом, мы предлагаем оценивать выдвижение ТЦО через участие в «стационарной» сильной позиции в 0,4 балла, однако опираться при этом не на формальный критерий, а засчитывать только те случаи, когда выдвижение происходит явно.

Участие в конвергенции для ТЦО совершенно типично. Предложивший понятие конвергенции М. Риффатер определяет его как «скопление в одном месте нескольких независимых стилистических приемов» [Риффатер 1980, с. 88]. Поскольку конвергенции особенно часто отмечаются в описаниях, а ТЦО, большая часть из которых приходится на прилагательные, часто входят в состав эпитетов и других стилистических средств, участвующих в описаниях, цветообозначения выдвигаются путем конвергенции. Ввиду распространенности такого типа выдвижения мы предлагаем оценивать его в 0,2 балла.

К числу типов выдвижения обычно относят и разработанное Р. О. Якобсоном понятие обманутого ожидания [Jakobson 1960]. По

отношению к ТЦО его активно применяет Е. А. Горн [Горн 2014], в работе которой обманутое ожидание рассматривается как самостоятельная функция цветовой лексики в художественном тексте. Однако, на наш взгляд, если в литературе и можно найти примеры такого использования ТЦО, то лишь единичные.

Как уже было отмечено, большинство цветообозначений являются прилагательными, следовательно, с точки зрения синтаксической роли, в предложении они чаще всего выступают в роли определения, на которое в атрибутивной синтагме семантический центр обычно не приходится. Это означает, что внимание читателя редко фиксируется на конкретном ТЦО, тогда как для возникновения эффекта обманутого ожидания необходимо, чтобы некая ассоциация не только возникла, но и закрепилась и вышла на передний план, после чего и реализуется эффект обманутого ожидания. Хотя ТЦО в символической функции способны образовывать ассоциативные связи, маловероятной кажется возможность системно создавать их настолько прочными, чтобы читатель предвосхищал указание на них в дальнейшем и в какой-то момент заметил ошибочность перспективы, как говорит об этом И. Р. Гальперин [Гальперин 2006].

В целом ТЦО, возможно, могут выдвигаться в тексте путем обманутого ожидания, но этот тип выдвижения для них совершенно не характерен, поэтому из нашей системы оценки мы его исключаем.

Намного чаще ТЦО участвуют в таком типе выдвижения, как сцепление, которое подразумевает повтор элементов одного порядка в сходных позициях. Повторы способствуют привнесению в текст большей упорядоченности, а значит, играют роль в формировании его целостности: «любая упорядоченность текста начинает осмысляться как структурная, как носительница значения», – пишет Ю. М. Лотман [Лотман 1970, с. 133]. ТЦО при этом объединяются в цепочки, образующие в тексте структуры, называемые И. В. Арнольд тематическими сетками [Арнольд 2010, с. 62]. Хотя в определении тематических сеток говорится о повторяющихся значениях, мы полагаем, что даже различные ТЦО могут входить в них благодаря семантической общности, заключающейся в самой номинации цвета. Таким образом, поскольку ТЦО в сцеплении оказываются непосредственно связаны с формированием целостности текста, этот аспект может оцениваться в 0,4 балла.

Маркированность ТЦО

Следующим параметром, который входит в нашу схему анализа, является парадигматическая стилистическая маркированность ТЦО, т. е. присущая слову исходно в языке, а не появляющаяся у него при попадании в определенный контекст.

Термин «стилистическая маркированность», с одной стороны, можно понимать в узком смысле: как наличие у слова конкретного признака, который часто находит отражение в словаре в виде помет, например, если слово относится к классу, например, заимствованных (*vermilion, cerise, turquoise*), устаревших (*Nattier blue*) или книжных (*incarnadine*). Использование маркированной лексики, в том числе ТЦО, может служить в произведении вспомогательным средством для создания образа персонажа или воссоздания колорита эпохи. Разумеется, для того чтобы делать выводы о неслучайности употребления автором маркированных ТЦО, необходимо, чтобы такие случаи, во-первых, носили не единичный, а системный характер, а во-вторых, вписывались в логику текста.

С другой стороны, маркированность можно понимать и более широко. Хотя частотность обычно не рассматривается как аспект маркированности, редкость или окказиональность выделяют ТЦО из ряда других, и поэтому могут считаться маркированным признаком. Как правило, в вопросе узуальности единицы принято разделять на авторские и общеязыковые средства. Принимая эту терминологию, мы в то же время не противопоставляем понятия авторского и общеязыкового как контрадикторные антонимы. Здесь, скорее, следует говорить о шкале, на двух полюсах которой располагаются окказиональные и общеупотребительные средства, однако многие единицы помещаются между ними, приближаясь к тому ли иному краю. Чем менее стертым оказывается ТЦО, тем выше его экспрессивный потенциал, и наоборот. Расхождение между степенью узуальности оригинала и перевода ведет к ошибке стандартизации, если окказиональное средство было переведено более стертым, либо к буквализму, если общеязыковое для оригинала средство ошибочно воспринимается как признак идиостиля автора. Соответственно, переводчик в процессе работы как бы «выравнивает» степень узуальности, переводя, по рекомендации В. К. Ланчикова [Ланчиков 2018, с. 21], авторские средства авторскими, а общеязыковые – функциональными эквивалентными средствами.

С другой стороны, необходимо учитывать, что глобально переводчик стремится не к более точному переводу отдельного ТЦО, а к достижению общей адекватности перевода всего текста. Это означает, что в каких-то случаях переводчик может принять решение отойти от формы текста оригинала ради оптимальной точности, что соответствует определению адекватности А. Д. Швейцера [Швейцер 1988]. Неизбежно возникающие потери при этом могут быть компенсированы, и в случае ТЦО обычно применяется дистантная компенсация.

Из этого следует, что внимание необходимо обращать не только на отдельные ТЦО, но и общую картину их морфологических моделей в тексте. Очевидно, что сам набор моделей в языках совпадает не полностью, например, в английском отсутствует способ образования сложных прилагательных путем редупликации основы, который есть в русском (*черный-пречерный*), а ТЦО-глаголы могут образовываться в русском от гораздо большего числа цветообозначений по сравнению с английским.

Данные языковых корпусов [НКРЯ URL; COCA URL] позволяют сделать вывод о том, что само распределение ТЦО по различным моделям в языках не совпадает: так, суффиксальные формы могут образовываться у прилагательных и наречий обоих языков, однако в русском они встречаются в 6–20 раз чаще (в зависимости от конкретного ТЦО).

Расхождения не ограничиваются морфологией: если сопоставить источники образования производных ТЦО, окажется, что английский намного чаще прибегает к образованию цветоименований от объектов флоры, фауны и продуктов питания. В то же время в русском полностью отсутствует группа ТЦО (возможно, единственное условное исключение – *бордо*), образованных от имен собственных, тогда как в английском она развита хорошо: *Cambridge blue, Titian, Russian green*.

Копирование характерных черт английского языка в переводе может привести к нарушению среднестатистической частотности русского, на что указывает М. Д. Литвинова [Литвинова 2010]. При этом в переводном тексте возникает явление, которое С. Тирконен-Кондит [Tirkkonen-Condit 2004] называет ослаблением уникальных черт, а Д. В. Псурцев – ослаблением характерологических признаков переводящего языка [Псурцев 2019].

Ради практического удобства балл по параметру маркированности мы предлагаем разделить пополам: 0,5 балла, если ТЦО выделяются в тексте частотностью, и 0,5 – если для них характерна парадигматическая маркированность любого другого рода.

Тип текста

Четвертым параметром оценки является тип текста. С точки зрения значимости, которую ТЦО несут в произведении, тексты можно разделить на три типа: нейтральные, цветоориентированные и смешанные. В нейтральных текстах цветообозначения не играют существенной роли, они не выделяются ни качественно, ни количественно, не принимают участия в смыслоформировании текста. Цветоориентированность, наоборот, подразумевает, что ТЦО являются неотъемлемой частью текстовой целостности, они значимы для создания двуплановости / многоплановости смысла текста. Тексты смешанного типа сочетают эти черты – часть ТЦО в них нейтральна, но некоторые динамически выдвигаются.

Определение типа текста в первую очередь определяется ведущей функцией, которую выполняют в нем ТЦО. Номинативная функция, при которой ТЦО только называют цвет и в дальнейшем это не несет значимости для сюжетного развития или интерпретации текста, соотносится с нейтральным типом.

Цветоориентированные тексты коррелируют с образно-структурной функцией, хотя в них может встречаться и символическая функция. Последняя подразумевает, что для некого ТЦО (а иногда и цвета, т. е. цепочки близких по денотативному значению ТЦО) создается ассоциативная связь с объектом или явлением в тексте или за его пределами. Образно-структурная функция отличается от символической тем, что ТЦО в ней не получают явного вторичного, нецветового значения, однако, несомненно, вносят вклад в создание двуплановости текста. Последнее отличает ее от номинативной функции, причем ТЦО в которой разрозненны, тогда как в образно-структурной функции они образуют выдвигающуюся систему (или подсистему).

В тексте смешанного типа, вероятнее всего, превалирующей окажется символическая функция, поскольку наибольшая выраженность образно-структурной указывает на цветоориентированный текст, а номинативной – на нейтральный.

Нейтральные тексты в нашей системе оцениваются в 0 баллов, смешанного типа – 0,5, а цветоориентированные – 1 балл.

Практическое применение метода

В качестве примера разберем рассказ А. Байетт «Китайский омар», поскольку он насыщен ТЦО, примечательными для перевода, и имеет оптимальную длину – около 45 тыс. знаков, т. е. чуть больше авторского листа.

Событийно сюжет рассказа прост: в нем описывается встреча за обедом в китайском ресторане Герды Небенблау, куратора женского студенческого сообщества, с профессором Диттом, которого одна из студенток – феминистка Пегги Ноллетт – обвинила в домогательствах. Конфликт осложняется тем, что лишенная как художественного, так и исследовательского таланта Пегги склонна к деструктивному поведению, в том числе совершила несколько демонстративных попыток покончить с собой. Разговор с Диттом наводит Небенблау на мысль о судьбе ее единственной близкой подруги Кай, также пытавшейся свести счеты с жизнью из-за самоубийства дочери, и собственной некоторой склонности к суициду.

Коэффициент плотности ТЦО в рассказе достигает 3,43 (всего найдено 87 ТЦО), что намного выше порога, а значит, по этому параметру тексту можно присвоить 1 балл.

Хотя ТЦО не встречаются в рассказе в сильных позициях, они участвуют в других типах выдвижения. В частности, они играют существенную роль в конвергенциях, образующихся при описаниях интерьера ресторана или внешнего вида героини (0,4 балла).

Многочисленные ТЦО, как и следовало ожидать, не остаются в тексте разрозненными, они объединяются в определенную систему и выдвигаются как сцепление (еще 0,4 балла). Их значимость для интерпретации текста столь велика, что они фактически становятся текстообразующим компонентом, о чем еще будет сказано подробнее.

Рассказ изобилует разнообразными ТЦО. Первое впечатление об этом складывается еще на этапе автоматической проверки, поскольку список встретившихся ТЦО оказывается достаточно длинным. Наряду с ними в тексте присутствует и множество редких и авторских ТЦО: *damson*, *faded flame*, *fierce green* и др.

Выбор ТЦО кажется неслучайным и в речи персонажей. Так, о д-ре Дитте сообщается, что он не только преподаватель, но и сам был одаренным художником, поэтому в его речи (и только там) цвета описываются и через название красок:

It has a young woman in an armchair quite at ease in a peignoir striped in *lemon and cadmium* and ... over a white dress with touches of cardinal red – her hair is *yellow ochre* and scarlet – and at the side is the window and the coloured light and behind – above – is the black door (*A. Byett, The Chinese Lobster*).

Таким образом, параметр маркированности можно оценить в полный балл.

С точки зрения типа текста рассказ, безусловно, можно рассматривать как цветоориентированный, поскольку ведущей функцией для ТЦО текста является образно-структурная. В начале может сложиться впечатление, что обилие цветовых описаний в тексте – это экфрасис, черта, присущая практически всему творчеству Байетт, типичная характеристика ее идиостиля. Однако ближе к концу рассказа читатель находит ему объяснение, которое подталкивает к пересмотру этого предположения. В душе Герды Небенблау существует белая комната, которая олицетворяет для нее страх, безысходность, тягу к самоубийству. Этот образ, по-видимому, сформировался под впечатлением о палате в психиатрической клинике, где находилась Кай. Цвет и белизна как отсутствие цвета при этом соответствуют контрасту между жизнью, с ее яркостью и многообразием красок, и смертью.

But at the time it is white, and clear, and simple. *The colour goes from the world*, so that the only stain on it is her own watching mind. Which it would be easy to wipe away (*A. Byett, The Chinese Lobster*).

Это позволяет по-новому взглянуть на цветовые описания в тексте: героиня подмечает множество оттенков, любит их, стараясь мысленно их запечатлеть, потому что цвет олицетворяет для нее саму жизнь, тогда как смерть связывается с потерей цвета.

Небенблау догадывается, что тяга к саморазрушению свойственна и Дитту, у которого есть собственная «белая комната», и это помогает ей самой:

Something has happened to her white space, to her inner ice, which she does not quite understand (*A. Byett, The Chinese Lobster*).

Символично, что персонажи ведут беседу именно в китайском ресторане, в интерьере которого присутствует ожидаемо много красного, золотого / желтого цветов – наиболее ярких, создающих контраст белому цвету. Последний также выполняет в рассказе и символическую функцию, поскольку в китайской культуре он ассоциируется со смертью и трауром.

Таким образом, суммарный балл рассказа получается очень высоким – 3,8, что значит, что перевод ТЦО требует особого внимания.

Без учета роли ТЦО в общей канве произведения анализ смысла был бы если не невозможен, то серьезно затруднен. Герои рассказа связаны с искусством и искусствоведением, а потому естественно, что тема цвета в их разговоре затрагивается часто, это обусловлено самим сюжетом. С другой стороны, цвет присутствует в тексте не только на абстрактном уровне: детально описывается интерьер ресторана и внешний вид персонажей. При этом все имеющиеся в тексте цепочки ТЦО функционируют связанно и способствуют выявлению авторской идеи: несмотря на их тематическую общность в рассказе выстраивается противопоставление многоцветия и белизны – не как цвета, а как его отсутствия, за чем стоит конфликт жизни во всей ее полноте – и смерти, забвения, но в то же время и отсутствия страданий.

Помимо значимой роли в интерпретации текста ТЦО представляют сложность и прикладного характера: самобытные цветовые определения А. Байетт ставят перед переводчиком нетривиальную задачу, с которой успешно справилась переводчик О. А. Варшавер.

Заключение

Итак, предложенный метод оценки позволяет определить степень значимости ТЦО в тексте. Чем выше суммарный балл по четырем параметрам, тем большую роль играют в нем ТЦО. Мы полагаем, что большинство текстов при этом получают либо низкий балл, либо высокий, поскольку тексты с высокой значимостью ТЦО, вероятно, будут выделяться сразу по нескольким критериям, и наоборот. Конечно, набор параметров или распределение баллов могут быть видоизменены в соответствии с особенностями конкретного текста, однако в целом схема позволяет последовательно оценить текст в качестве одного из этапов предпереводческого анализа и дать переводчику представление об оптимальной стратегии работы с ТЦО, хотя

по мере продвижения перевода некоторые предварительные выводы могут отвергаться или меняться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. 10-е изд. М. : Флинта : Наука, 2010. [Arnol'd, I. V. (2010). *Stilistika. Sovremennyi angliiskii yazyk*. (Stylistics. The Modern English Language). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)].
- Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации текста // Иностранные языки в школе. 1978. № 4. С. 23–31. [Arnol'd, I.V. (1978). *Znachenie sil'noi pozitsii dlya interpretatsii teksta (Role of Strong Position in Text Interpreting)*. *Inostrannye yazyki v shkole*, 4, 23–31. (In Russ.)].
- Гальперин И. П. Текст как объект лингвистического исследования. 4-е изд. М. : КомКнига, 2006. [Gal'perin, I. R. (2006). *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya*. (Text as an Object of Linguistic Studies). Moscow: KomKniga. (In Russ.)].
- Горн Е. А. Цветообозначения в художественном тексте на английском и русском языках в сопоставительно-переводческом аспекте: на материале современной английской литературы : дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. [Gorn, E. A. (2014). *Tsvetooboznacheniya v khudozhestvennom tekste na angliiskom i russkom yazykakh v sopostavitel'no-perevodcheskom aspekte: na materiale sovremennoi angliiskoi literatury*. (Color Terms in English and Russian Literal Texts from Comparative Perspective (a Study of the Modern English Literature). Moscow. (In Russ.)].
- Ланчиков В. К. Топография поиска. Стандартизация в языке художественного перевода и ее преодоление // Огранка смысла. Очерки теории перевода М. : Р. Валент, 2018. С. 5–36. [Lanchikov, V. K. (2018). *Topografiya poiska. Standartizatsiya v yazyke khudozhestvennogo perevoda i ee preodolenie (Topography of Search. Standardization in Literary Translation and its Overcoming)*. *Ogranka smysla. Ocherki teorii perevoda* (pp.5–36). Moscow: R.Valent. (In Russ.)].
- Литвинова М. Д. Спектр языка – лингвостатистический критерий оценки переводов художественных произведений // Столпотворение. М.: Русская школа, 2010. № 13. С. 131–146. [Litvinova, M. D. (2010). *Spektr yazyka – lingvo-statisticheskii kriterii otsenki perevodov khudozhestvennykh proizvedenii (Language Spectrum: Linguistic and Statistical Evaluation Criterion of Literary Translated Texts)*. *Stolpotvorenje*, 13, 131–146. Moscow: Russkaya shkola. (In Russ.)].
- Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М. : Искусство, 1970. 384 с. [Lotman, Yu. M. (1970). *Struktura khudozhestvennogo teksta*. (Literary Text Structure). Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)].

- Матросова Я. Е. Морфологические классификации русских цветообозначений, представленных в языке художественной литературы // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2016. № 36. С. 61–74. [Matrosova, Ya. E. (2016). Morfologicheskie klassifikatsii russkikh tsvetooboznachenii, predstavlennykh v yazyke khudozhestvennoi literatury (Morphological Classifications of Colour Terms in Russian Literature). *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobrolyubova*, 36, 61–74. (In Russ.)].
- Национальный корпус русского языка [National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 04.08.2020).
- Colours_tool URL : https://github.com/Yana-Matrosova/color_tools (дата обращения: 04.08.2020).
- Псурцев Д. В. Частотно-типологическая модель перевода // Мосты. 2019. № 62. С. 46–60. [Psurtsev, D. V. (2019). Chastotno-tipologicheskaya model' perevoda (Frequency and Typological Language Model). *Mosty*, 62, 46–60. (In Russ.)].
- Риффатер М. Критерии стилистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике. 1980. Вып. IX. Лингвостилистика. С. 69–95. [Riffater, M. (1980). Kriterii stilisticheskogo analiza (Stylistic Analysis Criteria). *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Lingvostilistika, IX*, 69–95. (In Russ.)].
- Швейцер А. Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. М. : Наука, 1988. [Shveitser, A. D. (1988). *Teoriya perevoda. Status, problemy, aspekty*. (Theoretics of Translation. Status, Problems, Aspects). Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Corpus of Contemporary American English. URL : <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 04.08.2020).
- Jakobson, R. Linguistics and Poetics. Style in Language / ed. by Th. A. Sebeok. Massachusetts Institute of Technology, 1960. Pp. 350–377.
- Tirkkonen-Condit S. Unique items – over- or underrepresented in translated language? // Translation universals. Do they exist? / Ed. by A. Mauranen, P. Kujamäki. John Benjamins Publishing Company, Amsterdam / Philadelphia, 2004. Pp. 177–184.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- НКРЯ – Национальный корпус русского языка
COCA – Corpus of Contemporary American English

УДК 81.139

А. Е. Раевский, Нобуюки Сакаи

Раевский А. Е., кандидат психологических наук;
доцент кафедры психологии языка и преподавания иностранных языков
факультета психологии Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова; e-mail: a.raevskiy@gmail.com

Нобуюки Сакаи, доктор психологических наук,
профессор кафедры психологии факультета гуманитарных наук
Университета Тохоку (Япония); e-mail: nob_sakai@tohoku.ac.jp

ЗВУКОВОЙ СИМВОЛИЗМ КАК ПОЛИМОДАЛЬНЫЙ КОГНИТИВНЫЙ ФЕНОМЕН

Связь между звучанием слова и его значением принято считать произвольной, однако многие исследования последних лет свидетельствуют о том, что этот тезис нуждается в корректировке. Всё большее внимание исследователей привлекает феномен звукового символизма, в котором можно видеть проявление полимодальности восприятия. В статье содержится обзор работ, анализирующих это явление с разных позиций: междисциплинарный подход помогает лучше узнать как лингвистические, так и психологические особенности этого феномена.

Ключевые слова: звуковой символизм; звукоподражание; полимодальность восприятия; синестезия.

A. E. Raevsky, Nobuyuki Sakai

Raevsky A. E., PhD (Psychology), Associate Professor
at the Department of Psychology of Language and Foreign Language Studies,
Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: a.raevskiy@gmail.com

Nobuyuki Sakai, PhD (Psychology), Professor at the Department of Psychology,
Faculty of Arts and Letters, Tohoku University, Japan;
e-mail: nob_sakai@tohoku.ac.jp

SOUND SYMBOLISM AS A POLYMODAL COGNITIVE PHENOMENON

A link between an acoustic form of a word and its meaning is usually considered to be arbitrary, but many recent studies show that this thesis needs to be at least reconsidered. More attention nowadays is paid to sound symbolism which can be seen as a phenomenon of polymodality of our perception and cognition. Current article contains a review of studies devoted to this phenomenon: a multi-disciplinary approach provides opportunity to understand lexical and psychological features of sound symbolism.

Key words: sound symbolism; onomatopoeia; polymodality of perception; synesthesia.

Введение

Один из базовых постулатов лингвистики, восходящий к Фердинанду де Соссюру [Курс общей лингвистики 1916], заключается в произвольности и конвенциональности языкового знака. Феномен звукового символизма, привлекающий внимание ученых в последнее время, ставит этот лингвистический постулат под сомнение. Многочисленные эксперименты, проводимые в разных странах на материале разных языков, говорят о том, что это положение требует как минимум уточнения и дополнения, а как максимум – корректировки.

Ретроспектива изучения звукового символизма

Идеи, связанные со звуковым символизмом, появились еще в Античности. Хрестоматийным примером стал диалог Платона «Кратил» о том, как даются имена вещам: «по природе» или «по установлению». Хотя две позиции в диалоге диалектически примиряются, А. Ф. Лосев отмечает, что Платон «настойчиво подчеркивает смысловое значение артикуляционно-акустического аппарата» [Лосев URL].

В Новое время эта проблема также становилась источником научных споров. Так, в отличие от Д. Локка, отрицавшего «природную» связь между формой и значением, Г. Лейбниц придерживался звукоподражательной теории, иллюстрируя ее своими соображениями о звуках [r] («бурное движение и шум») и [l] («движение более мягкое») [Лейбниц 2010, с. 12].

Отдал должное идеям звукового символизма и М. В. Ломоносов, правда, не всегда различая звук и букву (и в этом он был не одинок): «В российском языке, как кажется, часто повторение письмени *a* способствовать может к изображению великолепия, великого пространства, глубины и вышины, также и внезапного страха; учащение письмен *e, и, ю* – к изображению нежности, ласкательства, плачевных или малых вещей... Твердые *c, ф, ц, ч, ш* и плавкое *p* имеют произношение звонкое и стремительное, для того могут спомоществовать к лучшему представлению вещей и действий сильных, великих, громких, страшных и великопных. Мягкие *ж, з* и плавкие *в, л, м, н* имеют произношение нежное и потому пристойны к изображению нежных и мягких вещей и действий» [Ломоносов 1952, т. 7, с. 241].

Хотя мысль о произвольности / конвенциональности языкового знака вошла в канон современной науки о языке, уже после выхода сосюрковского «Курса общей лингвистики» О. Есперсен в работе «Symbolic Value of the Vowel I» отмечал, что звуковой символизм играет более важную роль, чем это принято думать [Jespersen 1933]. Характерно, что, как и Ломоносов, Есперсен связал звук [i] со значением «маленький». Возможные причины подобной ассоциации будут рассмотрены ниже. В данном случае нам важен сам факт признания датским ученым недооценки лингвистами акустического фактора.

Гипотезы о возможной связи между звуком и смыслом, возникавшие на протяжении всей истории языкознания, приводят к формированию такой дисциплины, как фоносемантика, в основе которой лежит принцип «не-произвольности языкового знака» [Воронин 2006]. В целом магистральная линия развития лингвистики в XX столетии шла в сосюрковском русле; звуковая материя языка оказалась лингвистически «препарированной» и отодвинутой на задний план. Сыграло свою роль и то, что с изобретением книгопечатания зафиксированное материально письменное слово стало более важным, чем эфемерное устное. Всё это препятствовало установлению связи между акустическими и артикуляционными особенностями слов с их семантическими свойствами.

В последнее время, однако, наблюдается рост интереса к звуковому символизму и выход научного дискурса за рамки чистой лингвистики. С этим феноменом оказываются тесно связаны такие вопросы, как установление и локализация участков мозга, отвечающих за появление определенных визуальных ассоциаций при обработке звукового сигнала, и, шире, полимодальность восприятия.

Феномен звукового символизма неоднороден, в нем выделяют разные типы [Hinton et al. 1994]. Материальным (телесным) символизмом можно считать случаи типа: *ах*, *апчхи*, *эй* и т. д., когда звук не столько несет смысл, сколько является знаком или симптомом того, что происходит с говорящим. Подражательный (имитативный) символизм – наиболее очевидный и распространенный; к этой категории относится большинство звукоподражаний (*кап-кап*, *бум*, *чик-чик*, *bang*, *knock* и т. п.). Синестетическим символизмом можно назвать акустическое изображение неакустических явлений. Он обычно проявляется на уровне просодии, когда говорящий повышает частоту

тона при рассказе об очень маленьких объектах или, например, растягивает слоги для усиления эффекта (*это было оооочень давно*). Как показывают исследования, подобные языковые паттерны одинаковы для большинства людей. Конвенциональным называют звуковой символизм, встречающийся в конкретном языке, как, например, сочетание согласных *gl* в английском языке, вызывающее ассоциации, связанные со светом.

Проявляясь по-разному, звуковой символизм наиболее знаком нам по различным идеофонам, или звукоподражаниям, которые встречаются в большинстве известных языков [Blasi et al. 2016]. Звукоподражания зачастую остаются в тени фундаментальных научных исследований, как, очевидно, маргинальный феномен, относимый к «детским» проявлениям языка. Кроме того, даже некоторые лингвисты до недавнего времени утверждали, что количество звукоподражаний в мировых языках является сравнительно небольшим и не заслуживающим серьезного внимания.

Звукоподражания действительно обладают оттенком «детскости»: например, такие русские слова, как *кап-кап*, *топ-топ* и *чик-чирик* чаще используются в общении с детьми, чем со взрослыми. Подобный способ словообразования, называемый «редупликацией» – полной (*тук-тук*) или частичной (*тук-так*), – является отличительной чертой звукового символизма в разных языках [Hinton et al. 1994].

Связь звукоподражаний с детским языком имеет свои объяснения: как показывают исследования, детский мозг более свободно устанавливает элементы соответствия между звуковыми элементами и образами, в то время как во взрослом возрасте количество таких связей ограничено. Так, в одном из экспериментов [Kita et al. 2010] трехлетние японские дети, описывая хождение и прыжки, использовали новые, придуманные звукоподражания наряду с существующими. Эти придуманные слова были предъявлены англоговорящим взрослым, не владеющим японским языком, с заданием угадать, какое слово относится к какому типу действия (хождение или прыжки). Степень распознавания оказалась крайне высокой.

Звукоподражания широко распространены в японском языке. Его словари звукоподражаний содержат более 5 тыс. единиц, а повседневное использование, в зависимости от региона, сферы деятельности или возраста говорящего, насчитывает еще больше; при этом некоторые

слова могут создаваться *ad hoc*. Японские звукоподражания заслуживают отдельного анализа, который выходит за рамки данной статьи.

В то время как в европейских языках звукоподражания – это слова, которые, как правило, просто транскрибируют те или иные звуки окружающего мира (лай собаки, стук в дверь, капли дождя и т. д.), в ряде языков они могут использоваться для передачи душевных состояний (*ваку-ваку* (яп.) – *радостное возбуждение*), тактильного восприятия (*лип-рип* (яз. хауса) – *гладкая поверхность*), запахов (*кпиини-кпиини* (яз. кисси) – *вонючий*), вкусов (*ви-ви* (яз. эве) – *сладкий*) и даже цвета (*пуу* (яз. мунданг) – *черный*).

В ономатописях звуковой символизм очевиден, об этом говорит и сам термин «звукоподражание». Если же звуки передают не звуковую реальность, феномен звукового символизма не всегда воспринимается как таковой, и тогда экспериментальный подход позволяет объективировать элементы смысла, передаваемые звуками.

Первые эксперименты в этой области были проведены в 20-е годы прошлого века В. Кёлером [Kohler 1929]. Он показывал испытуемым две фигуры – округлую и остроугольную – и просил назвать их словами *maluma* и *takete*, в зависимости от внешнего сходства. Подавляющее большинство испытуемых называли круглую фигуру *maluma*, а острую – *takete*. Подобным образом Сэпир проводил эксперимент со словами *mal* и *mil*, только испытуемым предлагалось выбирать предметы не по форме, а по размеру. Было установлено, что первое представляется большим в четыре раза чаще, чем второе [Sapir 1929].

Обнаруженный Кёлером эффект связи между звуковой оболочкой слова и формой предмета был зафиксирован в начале XXI века в эксперименте со словами *буба* и *кики* [Ramachandran, Hubbard 2001] с аналогичным результатом: подавляющее большинство испытуемых связывают более округлый предмет со словом *буба*, а более острый – со словом *кики*. Схожие эксперименты проводились на испытуемых разных возрастов, включая грудных детей, и разных языковых культур, в том числе бесписьменного племени в Намибии, изолированного от культурных влияний [Bremner et al. 2013]. Результаты показали универсальность этого феномена.

Один из основных выводов, полученных в ходе указанных экспериментов, состоит в том, что гласные [o], [u] и [a] связаны с большими и круглыми объектами, а [i] – с маленькими и острыми (как на

это указывали еще Ломоносов и Есперсен). Подобную связь можно проследить в разных языках, ср.: *large – little* (англ.), *grand – petit* (франц.), *macros – micros* (греч.), *ookii – chiisai* (яп.) и т. п. Правда, можно привести и противоположные примеры, в частности *small – big* (англ.).

Обоснование звукового символизма с позиций современной науки

Для объяснения подобной связи выдвигались различные гипотезы. По одной из них, это объясняется сенсорно-моторной связью между зрительными и моторными зонами мозга, в соответствии с теорией «зеркальных нейронов», связывающих наблюдение форм губ других людей при произнесении тех или иных звуков с моторными функциями наблюдателя [Maurer et al. 2006]. Иными словами, вследствие того, что при произнесении [u] и [o] губы образуют более округлую форму, по сравнению с небольшим отверстием между губами в случае звука [i], мы склонны ассоциировать большие предметы с более округлым положением губ и наоборот.

По другой гипотезе этот эффект связан с тем, что круглые объекты ассоциируются со звуками низких частот, а остроугольные – с высокими частотами [Spence 2011]. Это может происходить как из-за акустических особенностей слов, так и из-за определенных семантических связей между звуками и образами, которые мы наблюдаем в повседневной жизни: так, например, острые объекты типа ножей издают обычно звуки высоких частот.

Кроме установленной связи между звуком и визуальными характеристиками (от размера до формы), отмечается также наличие связи между звуком и содержательными характеристиками. Так, реагируя на *кики*, люди часто используют такие слова, как *умный*, *маленький*, *тонкий*, *счастливый*, *молодой*, *нервный*, в то время как *буба* вызывает противоположные ассоциации [Gomez et al. 2013].

Этот прием используется (возможно, неосознанно), когда даются имена двум персонажам, которые представляют противоположности друг друга: *Астерикс* и *Обеликс*, *Микки* и *Гуфи*, *Бим* и *Бом*. Звуковой символизм можно обнаружить и в длинных именах литературных героев внушительных размеров (*Гаргантюа* и *Пантагрюэль*) или жизненного опыта (*Симплициссимус*).

В отличие от гласных звуков, согласные менее информативны в отношении фоносемантики. Так, отмечается, что сочетание *sw* в английском языке передает идею колебания или качания, а согласные *gl* связаны со светом и сиянием. В немецком языке слог *kno* в начале слова часто указывает на маленькие и круглые предметы (*Knoblauch* – чеснок, *Knopf* – кнопка, *Knospe* – почка (растения), *Knoten* – узел и т. п.). Подобные примеры иллюстрируют конвенциональный символизм, о котором говорилось выше.

В ряде экспериментов показано, что глухие согласные [p], [t], [k] ассоциируются с острыми объектами, а сонорные [m], [l], [n] и звонкий [b] – с округлыми формами [Nielsen & Rendall 2011]. Это любопытным образом перекликается с наблюдениями о том, что в семнадцати языках Латинской Америки названия двух видов птиц имеют совпадающие звуковые паттерны: в названиях маленькой птицы часто встречаются согласные [k] и [t], а в названиях большой – носовые согласные [Berlin 2006].

В 1977 году Х.-Л. Борхес писал, что в английском слове *moon* «есть нечто, придающее слову медлительность, подобающую луне» («Семь вечеров»). Позднее эта связь между назальными [m] и [n] и гласным звуком заднего ряда [u] с медлительностью и протяжностью была подтверждена экспериментально [Saji 2013].

Во многих языках в слове *нос* есть назальный согласный. Это показательный пример звукового символизма, когда для называния части тела используется звук, произнесение которого является ее отличительной чертой, дополнительной по отношению к основной функции. Отдельного упоминания заслуживает и тот факт, что слово *круглый* во многих языках содержит звук [r] [Blasi et al. 2016].

Все вышеприведенные и многие подобные им факты, не исчерпывающие, разумеется, описываемого феномена, но убедительно свидетельствующие о его значимости, требуют объяснения. Продемонстрированная во многих экспериментах универсальность многих проявлений звукового символизма наводит на мысль о биологическом объяснении. Так, согласно признаваемой многими биологической теории звукового символизма [Ohala 1994], восприятие объектов разного размера связано со средней частотой произносимых звуков: чем она выше, тем меньшим нам представляется объект, и наоборот.

Связь между частотой тона и смыслом наблюдаются и при коммуникации животных между собой. В частности, звуки, издаваемые более агрессивной особью (или той, которая хочет таковой казаться), как правило, имеют более низкую частоту, а более слабые особи используют звуки более высоких частот. Животные стремятся казаться сильнее за счет внешних признаков, в частности, размера. На размер может указывать и низкая частота голоса: более крупные особи, обладая более объемными легкими и мощными голосовыми связками, обычно издают более низкие звуки. Таким образом, чтобы казаться больше, нужно максимально понизить частоту издаваемого звука. Более мелкие особи, наоборот, производят звуки на более высоких частотах, выражая так готовность подчиниться.

В человеческом общении частота голоса, подобно жестам, языку тела, также играет важную роль в коммуникации, формировании смысла высказывания. Артикуляция влияет на резонанс произносимого звука: поднятие уголков губ в звуке [i] ведет к уменьшению вокального тракта и, соответственно, к повышению резонансных частот, а вытянутые в трубочку губы позволяют, наоборот, понизить резонанс за счет увеличения вокального тракта [Ohalo 1994].

Биологическая теория позволяет объяснить многие аспекты звукового символизма, в частности, эффект *буба – кики* и наблюдаемые во многих языках семантические ассоциации, вызываемые гласными звуками.

Кросс-модальный характер ассоциаций, составляющих специфику звукового символизма, позволяет видеть в нем проявление синестезии как феномена, при котором раздражение одного органа чувств стимулирует ощущения, соответствующие другому, или, иными словами, одна модальность вызывает ощущение другой модальности. Точнее было бы говорить об идеастезии, поскольку при синестезии имеет место кросс-модальное взаимодействие вне когнитивного уровня восприятия, а в случае эффекта *буба – кики* звук вызывает не только визуальные (*круглый, острый*), но и семантические (*умный, счастливый* и др.) ассоциации.

В кросс-модальности звукового символизма исследователи отмечают разные стороны. Так, находит подтверждение ассоциативная связь между громкостью и яркостью: яркие объекты чаще ассоциируются со звуками более высокой частоты, и испытуемые реагируют быстрее, если яркость совпадает с предъявляемым одновременно тоном

звукового сигнала. Кросс-модальное соответствие между высокой (или низкой) частотой и маленькими (и соответственно большими) объектами объясняют тем, что небольшие объекты резонируют на более высокой частоте [Spence 2011]. Отмечается также, что некоторые звуки могут провоцировать определенные эмоции, когда задействованы те или иные лицевые мышцы (подобно тому, как передача эмоции на лице может усилить ее ощущение, в соответствии с гипотезой мимической обратной связи). В одном из экспериментов [Strack et al. 1998] при просмотре мультфильма больше смеялись те испытуемые, губы которых артикулировали звук [i], чем те, которые артикулировали [o].

Обнаружена связь между артикуляцией и хватательными движениями. Было высказано предположение, что артикуляционная система развилась из нейронной системы, ответственной за то, чтобы взять еду руками и открыть рот, чтобы туда ее положить. Подтверждающий это эксперимент показал [Vainio 2013], что испытуемые быстрее делали точный захват (большим и указательным пальцами) при артикуляции звуков [t] и [i], а мощный захват (всей рукой) – при артикуляции звуков [k] и [a]. Так, взгляд на маленький объект может вызывать ассоциацию с точным захватом, что, в свою очередь, связано со звуком [i].

Изучение звукового символизма важно не только с научной точки зрения, оно имеет и прикладной результат, в частности, в такой сфере маркетинга, как нейминг. Так, анализ названий популярных японских брендов показал, что в них чаще всего встречаются согласные [p], [b], [t] и [k]. Установлено также, что некоторые слова, не имеющие смысла, но содержащие определенные сочетания звуков, являются подходящими наименованиями для определенных объектов [Nielsen, Rendall 2011].

Заключение

Таким образом, результаты многочисленных экспериментов и исследований звукового символизма, обогащающие наши представления о языке как феномене полимодальной когнитивной деятельности человека, побуждают еще раз по-новому взглянуть на постулат произвольности языкового знака.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Воронин С. В. Основы фоносемантики. М.: Ленанд, 2006. [Voronin, S. V. (2006). *Osнови fonosemantiki*. (Basics of Phonosemantics). Moscow: Lenand (In Russ.).]

- Лейбниц Г. В. О словах. СПб: Либроком, 2010. [Leibnitz, G. W. (2010). *O slovah*. (About the Words). Saint Petersburg: Librokom (in Russ.)].
- Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. 1952. Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР. [Lomonosov, M. V. (1952). *Sobranie sochinenij*. Vol. 7. Moscow: USSR Science Academy Publishing House. (In Russ.)].
- Лосев А. Ф. Краткий анализ диалога Платона «Кратил», URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_64.html (дата обращения: 29.07.2020). [Losev, A. F. *Kratkiy analiz dialoga Platona "Kratil"* (Short Analysis of Plato's Dialogue "Kratil") (in Russ.)].
- Berlin B. The first congress of ethnozoological nomenclature. // The Journal of the Royal Anthropological Institute. 2006. Vol. 12 № 1. P. 23–44.
- Blasi D. E., Wichmann S., Hammarström H., Stadler P. F., Christiansen M. H. Sound–meaning association biases evidenced across thousands of languages // Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA. 2016. Vol. 113, № 39. P. 10818–10823.
- Bremner A., Caparos S., Davidof, J., de Fockert J., Linnel, K., Spence, C. “Bouba” and “Kiki” in Namibia? A remote culture make similar shape-sound matches, but different shape-taste matches to Westerners. // Cognition. 2013. Vol. 126. P. 165–172.
- Hinton L., Nichols J., Ohala J. Introduction: Sound-symbolic processes // Sound Symbolism / ed. by L. Hinton, J. Nichols and J. Ohala. Cambridge University Press, 1994. P. 1–11.
- Jespersen O. Symbolic Value of the Vowel I // O. Jespersen. *Linguistica*. Selected Papers in English, French and German. London, Routledge. 1933. P. 283–303.
- Kita S., Özyürek A., Allen S. & Ishizuka T. Early links between iconic gestures and sound symbolic words: evidence for multimodal protolanguage // Proceedings of 8th International Conference on Evolution of Language, Utrecht, The Netherlands, 14–17 April 2010 / ed. by A. Smith, M. Schouwstra, B. de Boer and K. Smith. 2010. P. 429–430.
- Kohler W. *Gestalt Psychology*. NY: Liveright, 1929.
- Maure D., Pathman T., Mondlock C. J. The shape of boubas: Sound-shape correspondence in toddlers and adults. // *Developmental Science*. 2006. Vol. 9. P. 316–322.
- Nielsen A. K. S., Rendall D. The sound of round: Evaluating the role of consonants in the classic Takete-Maluma phenomenon // *Canadian Journal of Experimental Psychology*. 2011. Vol. 65 № 2. P. 115–124.
- Ohala J. The frequency code underlies the sound-symbolic use of voice pitch // *Sound Symbolism* / ed. by L. Hinton, J. Nichols and J. Ohala. Cambridge University Press. P. 325–347.

- Ramachandran V., Hubbard E.* Synaesthesia – a window into perception, thought and language. // *Journal of Consciousness Studies*. 2001. Vol. 8. P. 3–34.
- Saji N., Akita K., Imai M., Kantartzis K., Kita S.* Cross-linguistically shared and language-specific sound symbolism for motion: An exploratory data mining approach. // *Proceedings of the 35th Annual Conf. of the Cognitive Science Society*. 2013. Vol. 31. P. 1253–1259.
- Sapir E.* A study in phonetic symbolism. // *Journal of Experimental Psychology*. 1929. Vol. 12. P. 225–239.
- Spence C.* Crossmodal correspondences: A tutorial review. // *Attention, Perception, & Psychophysics*. 2011. Vol. 73. P. 971–995.
- Strack F., Martin L. L., Stepper S.* Inhibiting and facilitating conditions of the human smile: A nonobtrusive test of the facial feedback hypothesis. // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1988. Vol. 54. P. 768–777.
- Vainio L., Schulman M., Tiippana K., Vainio M.* Effect of Syllable articulation on precision and power grip performance // *PLoS ONE*, 2013. Vol. 8. № 1. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0053061>

УДК 81. 366.58 [811.161.1+ 811.133.1]

М. В. Сенченкова

кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: sentchenkova@mail.ru

КАТЕГОРИИ РОДА, ЧИСЛА, ОПРЕДЕЛЕННОСТИ / НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются именные категории – род, число и определенность / неопределенность во французском и русском языках в сопоставлении. Выявляются основные различия сопоставляемых языков, служащие аргументами противопоставления русского и французского языков по принадлежности их грамматических структур преимущественно к синтетическому / аналитическому типу.

Ключевые слова: категория рода; категория числа; аналитическое / синтетическое средство; континуальность / дисконтинуальность; определенность / неопределенность.

M. V. Sentchenkova

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of French Lexicology and Stylistics, Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: sentchenkova@mail.ru

CATEGORIES OF GENDER, NUMBER, CERTAINTY / UNCERTAINTY OF A NOUN: SIMILARITIES AND DIFFERENCES IN FRENCH AND RUSSIAN

The article considers nominal categories-gender, number, and certainty / uncertainty in French and Russian in comparison. The main differences between the compared languages are revealed, which serve as arguments for contrasting the Russian and French languages according to their grammatical structures belonging mainly to the synthetic / analytical type.

Key words: category of gender; the category of number; analytic / synthetic method; continuance / discontinuance; certainty / uncertainty.

Введение

Существительное как часть речи обозначает понятие предметности и характеризуется своей семантикой, грамматическими категориями (формой) и синтаксическими функциями [Greimas 1963; Mitteleand 1963; Sauvageot 1964].

Материал, методы и результаты исследования

Категория рода

Во французском языке род присущ самому существительному, то есть род заключен в существительном и говорящий не может его изменить (в отличие, например, от категории числа, определенности / неопределенности). Род выражается при помощи артикля, прилагательного, детерминативов, которые соответственно выполняют синтаксическую, сослагательную функцию.

При изучении категории рода необходимо разграничивать письменный и устный (разговорный язык) и роль прилагательных при определении рода. Исследование категории рода проводится на материале устного языка.

Когда прилагательные имеют одно окончание в мужском и женском роде, то их функция не является согласовательной: *jaune; orale; bleu / bleue*.

Случаи, когда прилагательные имеют смысловозначительную (семантическую) функцию, редки: *une robe de velour vert, une robe de velour verte*.

Наблюдаются случаи, когда, выполняя семантическую функцию, прилагательные всё же не согласуются в роде с тем существительным, которое определяют: *L'orateur n'était ni jeune, ni belle*. В современном языке все более часты случаи оформления существительного окончанием женского рода: *écrivain / écrivaine; ambassadeur / ambassadrice*.

При выражении рода существительных, не имеющих родовой флексии, прилагательных или детерминатива, его показателем является артикль – основное и универсальное средство выражения рода: *M-me la minitre*. Однако, кроме основного аналитического средства – артикля, род может быть выражен во французском языке и другими средствами.

- 1) флексии, указывающие на род существительного: *ami – amie*;
- 2) суффиксы, указывающие на мужской род: *ment, eur, age, it, is*; суффиксы, присущие существительным женского рода: *ée, ion, tion, ation, ition*;
- 3) различные слова для имен существительных женского и мужского рода (супплетивные образования): *chèvre / bouc, vache / toreau, père / mère, nièce / neveu, poule / coq, cheval / jument*;

4) альтернирующие основы: *ain / aine, ier / ière, ant / ante*.

Однако основным выразителем рода следует считать артикль. Артикль, детерминативы, прилагательные выполняют согласовательную (синтаксическую функцию), в ряде случаев их функция может быть семантической, которая становится особенно важной в случае несогласования существительного и прилагательного. Кроме того прилагательные и детерминативы могут выполнять деференцирующую роль, например, в словах-омонимах: *le livre / la livre, le voile / la voile*.

Итак, категория рода во французском языке – грамматическая, она присуща самому существительному, а выражается вышеуказанными средствами.

В русском языке существо категории рода то же, что и во французском, однако, способы его выражения совершенно иные [Русская грамматика 1980; Минчук 1971]. В русском языке существуют специальные родовые показатели, которые составляют парадигмы родовых окончаний по падежам (поскольку окончаний только именительного падежа недостаточно, чтобы иметь представления о системе окончаний по родам):

- 1) мужской род на *-а, -я*: *папа, Ваня*;
- 2) женский род на *-а, -я*: *вишня, неделя, статья, книга, копна*;
- 3) средний род на *-а, -я*: *знамя, пламя*;
- 4) средний род на *-о, -ё, -е*: *окно, сукно, поле, море, бельё, ружьё*;
- 5) мужской род на мягкую согласную: *огонь, день, инвентарь*;
- 6) женский род на мягкую согласную – совпадение с мужским родом: *жизнь, моль, боль, соль*;
- 7) мужской род на твердую согласную: *стол, комод, дом, закон*;
- 8) мужской род на *-й*: *сарай, край, рай*.

Во множественном числе именительного, родительного, дательного творительного и предложного падежей наблюдается тенденция совпадения окончаний женского, мужского и среднего родов (см. табл. 1).

Несмотря на указанные совпадения родовых окончаний, флективный способ выражения рода достаточен для того, чтобы избежать трудностей при определении рода.

Категория числа

Особенностью категории числа во французском языке считается возможность представить субстанцию с точки зрения континуальности /

Таблица 1

Именные окончания косвенных падежей в русском языке

Окончание	Существительное мужского рода	Существительное женского рода	Существительное среднего рода
Именительный падеж			
-ы	столы	комнаты	–
-и	пузыри	вишни	яблоки
-а	города	–	места
-ья	стулья	–	поленья
Родительный падеж			
-ов	столов	–	облаков
-ьев	стульев	–	платьев
-ей	соседей	свечей	полей
-ий	–	армий	зданий
Дательный, творительный, предложный падежи			
-ам	домам	рукам	местам
-ами	домами	руками	местами
-ах	домах	руках	местах

дисконтинуальности, а не только выражать считаемость / несчитаемость. континуальность выражается формами единственного числа, а также специальными формами артикля, которые представляют субстанцию как нерасчлененную, несчитаемую массу – это формы партитивного артикля (*du, de la*). Формы единственного числа выражают не только нерасчлененность, но и единичность (*un, une*).

Дисконтинуальность выражается формами множественного числа.

Категория считаемости / несчитаемости перекликается с категорией континуальности / дисконтинуальности: *un pain / du pain, un mouton / du mouton*.

Континуальность – это уже несчитаемость. Дисконтинуальность же – это и считаемость, которая включает в себя понятие множественности.

Специфика категории числа французского языка, не имеющая аналога в русском языке, состоит в способности переводить в категорию вещественных понятий абстрактные, предметные понятия, лица. Эти понятия переводятся в категорию несчитаемости: это не часть данной субстанции, а континуальность. Более показательные в этом отношении существительные, обозначающие лица, предметы и абстрактные понятия: *de la littérature* – это не может быть частью литературы; тем более *du Rablais, du Soleil*.

В категорию существительных с вещественным значением переводятся следующие разряды существительных:

– абстрактные существительные:

Il y avait de la gaité dans son regard; Toute ma vie je n'avais que du chagrin; Elle répéta: – Allons, du courage; J'ai quelque idée qu'il se passe du mystère ici (примеры прив. по: [Епифанцева 2006]).

– предметные существительные:

Dans le jardin il y avait de la pèlerine bleue en masse; Et bien, vous avez du malade en ce moment? Il y avait de l'Américain dans l'air; Les histoires qui oublient ce qui est le plus digne d'être connu, ce qui transforme une histoire enfin en de l'histoire.

– имена собственные:

M. Decamps a fait du Rafaël et du Poussin.

– единичные понятия:

J'ai cru que mon coeur était du soleil, tant je sentais du bonheur.

В русском языке для передачи континуальность в данных случаях используется единственное число: *Под Москвой водится лось. На склад завезли кирпич.*

Каково бы ни было значение существительных, переводимых в категорию вещественных, партитивный артикль всегда выражает не часть вещества, а континуальность, а следовательно и несчитаемость:

Les guides amenaient de l'Américain; Ceux qui vous connaissent intimement assurent qu'il y a en vous du rêveur; Il vendait aux bourgeois de la ville de la vitre pour leurs carraux en même temps qu'aux dames du miroir pour qu'elles se vissent.

Данные примеры показывают возможность французского языка переводить вещественные существительные в категорию дисконтинуальности (считаемости):

Le cristal est un verre plus précieux que le verre proprement dit; Le bronze de Corinthe est un bronze contenant quelque peu d'argent; Ce vin est un vin exquis; Il faut acheter du beurre, c'est un bon beurre.

Употребление партитивного артикля перед вещественными существительными может изменять значение данных существительных: *un beuf / du boeuf, un sygne / du sygne, une hermine / de l'hermine, un chien / du chien*.

В русском языке подобного явления нет, поэтому для различения континуальности / дисконтинуальности существуют другие средства (суффиксы, лексические средства): *лебяжий пух, говядина, баранина*.

В вопросе обозначения категории числа во французском языке следует учитывать, что на письме эта категория реализуется иначе, чем в устной речи. Основным морфологическим показателем на письме является флексия *-s*, в разговорной речи – звук [z] в результате слияния (*liaison*):

De jolis enfants; Ils avaient tout ce qu'il faut.

Определению числа в устной речи помогает препозиция некоторых прилагательных:

Quel grand artiste / quels grands artiste; Leurs jolis jardins / leurs jolis enfants [Dubois 1967, с. 22–82].

В устной речи наблюдается употребление так называемого ложного *liaison*, – явления, которое подтверждает то, что *z* является показателем множественного числа в разговорной речи:

L'administration donnait les ordres sur z' ordres; Ces trains sont bien mal commodes comme z' heures; Il est neuf z'heures.

Однако в большинстве случаев в устной речи нет возможности определить число, которое на письме обозначается флексией *-s*:

Leur joli jardin / leurs jolis jardins; Je m'adresse au peuple / aux peuples; Le salon de l'enfance a été visité par des délégations d'enfants accompagnée de leur maîtresse / leurs maîtresses.

Таким образом, следует различать семантическую структуру (переплетение понятий считаемости / несчитаемости, континуальности / дисконтинуальности, вещественности, абстрактности) категории числа и ее формальную реализацию. Кроме того, следует учитывать различия в реализации категории числа в устной и письменной речи.

В русском языке система обозначения категории числа выражается парадигмой падежных окончаний, изменяющихся в зависимости от склонения. Что касается семантической структуры, то она идентична семантической структуре категории числа во французском языке. Спорным общелингвистическим вопросом считается вопрос о соотношении множественности / единичности и континуальности / дисконтинуальности.

Как уже было сказано, единственное число в русском языке может передавать множественность: *Здесь проходил немец. Боярам остригли бороду.* Эти примеры говорят о том, что единственное число – это не только категория единичности.

Кроме того, в отношении одного и того же предмета можно употребить единственное и множественное число: *Он раскрыл дверь / двери.* Таким образом, в русском языке категория числа также выражение континуальности / дисконтинуальности.

Что касается понятия вещественности, то в русском языке нет особых показателей для ее выражения, то есть категория вещественности не находит грамматического выражения (в отличие от французского языка, где показателем вещественности является партитивный артикль). Следовательно, в русском языке эта категория словоизменяемая, и на этом фоне специфика партитивного артикля французского языка выступает очень отчетливо.

Категория определенности / неопределенности

Во французском языке, для того чтобы слово выполняло свои синтаксические функции в речи, необходима его актуализация (переход

из виртуального значения в актуальное). Существительное актуализируется при помощи артикля.

Функции артикля во французском языке очень сложны и разнообразны, так же как и семантические оттенки, которые он привносят в существительное. Существительное, употребленное без артикля, меняет статус, оно теряет значение предметности, образуя как бы глагольное сочетание: *avancer dans le silence / avancer en silence*. В этом примере существительное утратило свою самостоятельную функцию, составляя элемент сказуемого. При переводе тонкости, обусловленные употреблением / употреблением артикля, а также употреблением неопределенного / определенного либо партитивного артиклей, могут ускользать, например:

Phénomène dont on n'a jamais donné d'explication – ...Явление, которому не было дано объяснения (...которое никогда не объясняли)¹; une explication – (хотя бы) какое-то объяснение; cette explication – данного объяснения; l'explication – объяснения (вообще).

Значения и функции артикля были и остаются предметом исследования многих грамматистов [Damourette, Pichon 1970; Sauvageot 1962; Feydit 1952].

Г. Гийом так определяет функции артикля: определенный артикль употребляется при обозначении предмета в полном объеме этого понятия. *Le sucre est sur la table* – обозначает, что данный объем сахара является отражением действительности; в словах *la justice, le ciel* – объем понятия шире; но это не генерализация, а также представление полного объема понятия [Guillaume 1919]. И в том, и в другом случае определенный артикль – это не определение, а выражение полного объема понятия (в любом масштабе). Данное определение функции и значения определенного артикля включает, таким образом, детерминацию и генерализацию.

Неопределенный артикль выделяет предмет из совокупности, из класса однородных с ним явлений. Именно поэтому он часто используется для конкретизации предмета. В противоположность определенному артиклю, который передает понятие во всем его объеме, неопределенный артикль выражает неполный объем понятия.

---

¹ Перевод наш. – М. С.

Случаи употребления определенного артикля:

1. L'homme qui trahit sa patrie mérite la mort; L'exception confirme la règle; La nuit porte conseil.

В этих примерах существительные с определенным артиклем употреблены в самом широком объеме понятия (функция генерализации). Объем может быть сужен или расширен, в пословицах и поговорках он дается в самом широком смысле.

2. Le plomb est plus lourd que le zing; Le drap est une étoffe très solide.

В данном случае существительное выражает обобщенное понятие.

3. Il a vu le doyen hier; Il fallait voir la brasserie. – Nous disons la brasserie comme les Romains disaient la Ville en parlant de Rome.

Употребление определенного артикля продиктовано ситуативной обусловленностью.

4. Il a mangé tout le pain qui était sur la table; Il y avait un homme qui fumait une pipe et un autre qui ne fumait pas; L'homme à la pipe pérorait, l'autre restait silencieux.

Употребление определенного артикля объясняется контекстуальной обусловленностью. Таким образом, каковы бы ни были случаи употребления определенного артикля, все они сводятся к обозначению существительного в самом широком объеме понятия (генерализация) и конкретизации существительного (ситуативной или контекстуальной).

Употребление неопределенного артикля:

Un homme a quitté cette maison il y a deux heures; Un soldat français résiste à la fatigue; L'enfant (un enfant) est l'ouvrage de sa mère.

Значение неопределенного артикля можно определить как конкретизация с оттенком неопределенности. *Un soldat français* – всякий солдат – значение приближается к определенному артиклю.

Употребление существительных без артикля: существительное без артикля теряет значение предметности и превращается в единую смысловую единицу с глаголом:

Un livre qu'on jette dans le feu ne tarde pas à être en feu; L'homme courageux garde sa présence d'esprit dans le péril; Venez à notre secours, nous sommes en péril.

Отсутствие артикля переводит существительное в разряд прилагательных (по функции):

L'école de guerre ne vaudra jamais comme enseignement de l'école de la guerre.

Особенно четко различие функций артикля проявляется при сопоставлении употребления всех трех форм артикля:

Une eau bourbeuse est malsaine; Il n'a y que de l'eau bourbeuse; L'eau bourbeuse couvrait le sol.

Чередование артиклей оправдано: оно привносит различные значения:

Le chagrin abrège la vie. Il a du chagrin. Elle ne pouvait se distraire d'un chagrin. La peau de chagrin; Ne faites pas de bruit. Quelqu'un fait du bruit. Un bruit se fait entendre.

- *La paille est bon marché* – полный объем понятий;
- *On a acheté de la paille* – подчеркивается понятие вещественности;
- *Voir une paille dans l'oeil de son voisin* – вещественное существительное функционирует как предметное.

Заключение

В результате сопоставительного анализа именных категорий в русском и французском языках были установлены основные средства выражения категориальных значений, выявлены различия, определяющие грамматический тип сопоставляемых языков: русского, преимущественно с синтаксическим строем, и французского, грамматический строй которого характеризуется в основном аналитизмом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Епифанцева Н. Г., Корж В. И. Французская морфология: имя и глагол. М.: МПГУ, 2006. [Epifanceva, N. G., Korzh, V. I. (2006). *Francuzskaja morfologija: imja i glagol*. Moscow: MPGU. (In Russ.)].
- Минчук И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М.: Наука, 1971. [Minchuk, I. P. (1971). *Grammaticheskie kategorii glagola i imeni v sovremennom rusском literaturnom jazyke*. Moscow: Nauka. (In Russ.)].

- Морфологические категории существительного // Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Академия наук СССР, 1980. Т. 1. С. 463–490. [Morfologicheskie kategorii sushhestvitel'nogo. (1980). In Shvedova, N. Ju. (ed.), *Russkaja grammatika*: in 2 vols. Vol. 1. Moscow: Akademija nauk SSSR. (In Russ.)].
- Damourette J., Pichon E.* Des mots à la Pensée. Essai de grammaire de la langue française. Paris: Arty, 1970. Т. 1. P. 424–518.
- Dubois J.* Grammaire structurale du français. Nom et pronom. Paris: Larousse, 1967. P. 22–82.
- Feydit F.* Remarques sur l'emploi des articles partitif et indéfini // Le Français moderne. Paris, 1952. № 2. P. 29–30.
- Guillaume G.* Le problème de l'article et sa solution dans la langue française. Paris, Lamber-Lucas, 1919.
- Greimas A. G.* Comment définir les indéfinis? // Etudes de linguistique appliquée. Paris, 1963. № 2. P. 110–125.
- Mitterand H.* Observations sur les prédéterminants du nom // Etudes de linguistique appliquée. Paris, 1963. № 2. P. 126–134.
- Sauvageot A.* Portrait du vocabulaire français. Paris: Larousse, 1964.
- Sauvageot A.* Français écrit – français parlé. L'emploi des articles. Paris: Larousse, 1962.

УДК 811.133.1

И. В. Скуратов, П. А. Дюмон

Скуратов И. В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии факультета романо-германских языков Московского государственного областного университета; e-mail: iv.skuratov@mgou.ru

Дюмон Пьер Алэн, старший преподаватель кафедры романской филологии факультета романо-германских языков Московского государственного областного университета; e-mail: pierre-alain-dumont@yandex.ru

**НЕОЛОГИЯ: ПРОЦЕССЫ СОЗДАНИЯ НОВЫХ НАИМЕНОВАНИЙ
ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

В статье рассматриваются основные проблемы неологии современного французского языка (науки о неологизмах) и неографии (науки о теории и практике описания неологизмов в словарях). Изменения в языке в эпоху политических, экономических и культурных преобразований требуют новых наименований, активизируя словообразовательную систему языка. Обширный характер процесса неологизации французского языка на рубеже веков, его значительное влияние на культурно-речевую ситуацию в наши дни обусловили актуализацию проблем достаточно новых, но быстро развивающихся направлений лингвистического знания.

Ключевые слова: неология; неологизация; неография; новые наименования; словообразование; анализ и актуализация языковых инноваций.

I. V. Skuratov, P. A. Dumont

Skuratov I. V., Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor, Head of the Department of Romance Philology, Faculty of the Romance and Germanic Languages, Moscow Region State University; e-mail: iv.skuratov@mgou.ru

Dumont Pierre Alain, Senior Lecturer, Department of Romance Philology, Faculty of the Romance and Germanic Languages, Moscow Region State University; e-mail: pierre-alain-dumont@yandex.ru

**NEOLOGY: PROCESSES OF CREATING NEW NAMES
IN FRENCH**

The article discusses the main problems of the modern French language neology (the study of neologisms) and neography (the theoretical and practical study of describing neologisms in dictionaries). Linguistic changes in the era of political, economic and cultural transformations require new names, activating the word-formation system of the language. The extensive nature of neologism creation in the French language at the turn of the century, its significant impact on the cultural and

speech situation these days has led to the increase of interest in the problems, related to fairly young, but rapidly developing areas of linguistic knowledge.

Key words: neology; neologization; neography; new names; word-formation; analysis and updating of language innovations.

Introduction

La notion de néologie ne se laisse pas apprivoiser aisément, pas plus qu'elle ne peut se réduire à *une peau de chagrin linguistique*.

Elle fait partie d'un ensemble interactif et convivial, dans lequel la langue générale et les technocrates ont conclu un pacte qui concrétise la complicité de la société, des fabricants de dictionnaires, de la politique et, pour la période contemporaine, du vaste secteur encore imparfaitement décrit des industries de la langue [Boulanger 1989, p. 207].

L'apparition d'une nouvelle notion nécessite celle d'une nouvelle dénomination. La néologie, conçue comme activité de création d'une nouvelle dénomination, s'impose dans les domaines de spécialité où l'apparition constante de nouvelles notions exige une créativité lexicale permanente.

En terminologie, deux types de situations néologiques motivent une intervention particulière: la première, lorsque deux ou plusieurs dénominations désignent une seule notion, et que ce phénomène gêne la communication; la seconde, lorsqu'une langue de spécialité ne possède pas la dénomination nécessaire pour exprimer une notion. Dans le premier cas, afin d'assurer une communication précise, il est nécessaire de simplifier les différentes formes et de les réduire à une seule; dans le second cas, on doit créer une nouvelle forme de dénomination pour exprimer la nouvelle notion.

Cette définition traditionnelle de la néologie, qui couvre seulement les procédés linguistiques de la formation de mots nouveaux, paraît actuellement insuffisante pour décrire le grand mouvement de la créativité linguistique. L'orientation linguistique de la néologie n'est que l'une des approches possibles du sujet, parmi toute une série d'optiques qui situent la néologie à un *triple niveau: linguistique, culturel et politique* [Скуратов 2016, p. 24].

Le caractère néologique d'une unité lexicale

Ces dernières années, le domaine de la néologie s'est ouvert à la recherche et au travail pratique, et la notion de néologie s'est compliquée

surtout du fait de la relation existant entre, d'une part, le phénomène de la création lexicale et, d'autre part, les dictionnaires, la création de termes pour nommer les nouvelles notions des milieux technico-scientifiques et la politique de normalisation d'une langue.

«Si la néologie comme processus est une notion claire et indiscutable, mais complexe et donc difficile à décrire, le néologisme en tant qu'unité, que résultat d'un processus, est extrêmement flou. C'est plus une étiquette, parfois polémique, que l'on colle sur un fait lexical, qu'une notion nette. Je l'ai qualifié de « pseudo-concept », parce qu'il dépend d'un jugement relatif et même subjectif, lié à sa définition même, qui repose non pas sur la nouveauté objective, mais sur un sentiment de nouveauté» [Rey 1988, p. 282].

Comme l'affirme Rey, la néologie est, en théorie, un concept clairement délimité. Mais la désignation d'un terme comme néologique n'est pas tâche facile si l'on ne fixe pas au préalable certains points de référence, qui restent d'ailleurs toujours quelque peu arbitraires.

Divers paramètres ont été proposés en vue de déterminer le caractère néologique d'une unité lexicale ; *la diachronie*: une unité est néologique si elle est apparue dans une période récente; *la lexicographie*: une unité est néologique si elle ne figure pas dans les dictionnaires; *l'instabilité systématique*: une unité est néologique si elle présente des signes d'instabilité formelle (morphologiques, graphiques, phonétiques) ou sémantique; *la psychologie*: une unité est néologique si les usagers la perçoivent comme une nouvelle unité. Ces critères ne s'excluent pas entre eux, ne présentent pas tous les mêmes garanties et n'ont pas le même domaine d'application. Les *néologues* favorisent le paramètre « néologicit   » d'une unit   lexicale. D'apr  s ce crit  re, un terme est n  ologisme s'il ne se trouve pas un dans le corpus lexicographique s  lectionn   comme corpus de r  f  rence. De ce fait, le probl  me d'identification des n  ologismes implique l'  tablissement d'un corpus lexicographique de r  f  rence, qui variera en fonction du sujet de la terminologie, mais aussi du type de n  ologie [Cabr   1998, p. 254].

Les n  ologismes terminologiques ne se diff  rencient par aucun aspect des termes non n  ologiques. Sur le plan syst  matique ils sont mono r  f  rentiels (chaque terme nouveau nomme en g  n  ral une seule notion et appartient    un seul domaine de sp  cialit  ); leur cr  ation est justifi  e par le besoin de nommer une notion; ils sont plus descriptifs que les mots; ils sont

plus durables et ils exploitent des ensembles finis de dérivés à l'intérieur de chaque domaine de spécialité.

Du point de vue de la forme, les néologismes utilisent les mêmes ressources que les termes non néologiques. Les termes sont en général courts à condition qu'il s'agisse de créations originales. Pour la création planifiée, on privilégie les syntagmes descriptifs.

L'étude des neologismes dans une optique purement linguistique

L'étude des mots, comme l'étude de la langue en général, ne peut être envisagée dans une optique purement linguistique. Les mots s'utilisent dans des situations concrètes de communication qui se placent, à leur tour, dans des situations socio-historiques plus grandes.

La néologie, en tant que discipline, doit procéder à l'analyse des mots selon au moins trois orientations distinctes: *l'orientation linguistique*: le système permet l'adoption de ressources pour nommer les nouveautés; *l'orientation culturelle*: la néologie reflète l'évolution, les particularités et l'état de développement technique et culturelle d'une société; *l'orientation politique*: pour assurer la survie d'une langue de culture, la société qui l'utilise doit disposer de dénominations qui rendent cette langue compétente pour toutes les nécessités expressives et communicatives de ses usagers.

La néologie appliquée a pour mission de rendre une langue de culture apte à tout genre de communication et capable de s'adapter autant à la diversité des sujets qu'aux nouveaux lieux d'échange d'information.

La néologie, du point de vue de la linguistique appliquée, est étroitement liée à la planification linguistique, à la normalisation de la langue et à sa codification. Voilà pourquoi la présence d'un néologue peut être justifiée dans les domaines de travail suivants: en lexicographie, parce qu'il lui incombe d'actualiser les dictionnaires de la langue générale; en terminologie, parce qu'il peut être appelé à créer ou à adapter les dénominations des langues de spécialité; en planification ou aménagement linguistique, parce qu'il peut avoir à établir des critères qui orientent la création lexicale.

Pour de nombreux sociologues, la néologie est une notion entièrement liée à la terminologie. Mais la néologie n'est pas une discipline limitée à la terminologie et au discours spécialisé: elle concerne tous les types de discours.

On assiste ces dernières années à un foisonnement de dictionnaires de mots nouveaux dans la plupart des langues européennes, ce qui confirme un intérêt pour la langue comme instrument fondamental de communication.

Dans le contexte spécifique de la normalisation linguistique, les néologismes constituent un champ d'intervention de la part des organismes officiels. En ce qui concerne les emprunts aux langues étrangères, il est possible d'en faire l'économie, mais pas à tout prix. La langue française est suffisamment riche pour pouvoir dénommer l'immense majorité des réalités nouvelles [Diki-Kidiri et al. 1981, p. 2].

Cette intervention doit respecter certains critères de conduite nécessaires pour l'implantation réelle. Les critères sont de deux types: le premier touche au terme lui-même et exige que la nouvelle unité remplisse certaines conditions d'ordre linguistique et sociolinguistique; le second type de critères concerne les conditions que le processus du travail en néologie doit respecter.

Bien que les objectifs fondamentaux de la création néologique planifiée soient les mêmes dans tous les pays, les méthodes ne coïncident pas toujours. Le choix de l'une ou de l'autre attitude de la part des différents pays qui s'engagent dans la création néologique planifiée de leur terminologie est conditionné par la distance formelle que présente le code linguistique de chacun des pays à l'égard des langues dominantes sur le plan néologique, en plus des conditions sociales, politiques et linguistiques de l'environnement. C'est ainsi que les sociétés fortement industrialisées abordent cet aspect de la normalisation avec une attitude et une organisation différente des sociétés en voie de développement. Une société productrice peut se permettre le luxe de ne pas être attentive à l'évolution de sa langue, étant donné que sa propre vitalité créative assure par elle-même la continuité linguistique. C'est le cas de l'anglais et, dans une moindre mesure, des langues dans lesquelles se font les avancées scientifiques et technologiques: Le français, l'allemand. Au contraire, une société qui importe continuellement la technique, la science et la technologie, qui acquiert des connaissances créées en langues étrangères, a besoin de contrôler l'entrée d'emprunts si elle veut que sa langue ne soit pas étouffée par les modèles étrangers.

Parallèlement, dans les pays de la famille indo-européenne, où l'on encourage des politiques d'adaptation terminologique dans le cadre d'un processus de planification néologique, on trouve des références concrètes

dans les langues technologiquement dominantes (le français, pour les langues romanes ; l'allemand et surtout l'anglais pour les langues germaniques) qui possèdent une terminologie spontanée propre. Lorsqu'il s'agit de créer des termes nouveaux, on prend alors généralement comme modèle les termes des langues les plus représentatives, en tenant compte cependant du fait que dans certains domaines de spécialité, les propositions ne doivent pas trop s'éloigner des langues utilisées dans les échanges internationaux.

La norme 704 de l'ISO, approuvée en 1968 sous le titre de *Principes de dénomination*, établit des principes que doivent respecter les nouvelles unités et recommande le choix prioritaire de modes de formation de termes qui tendent à unifier internationalement la terminologie des différentes langues. Le sens littéral d'un terme doit refléter les caractéristiques qu'il dénomme. La forme phonique et graphique des termes doit s'adapter à la langue dont ils font partie. Il est possible de construire de nouveaux mots en abrégeant un mot simple. Les termes nouveaux doivent pouvoir produire des dérivés.

Les nouveaux termes peuvent être formés par modification de la signification d'un terme de la langue courante. Il est inévitable que de nombreux termes possèdent plus d'une signification. Les différents sens d'un terme potentiellement équivoque doivent être exprimés par des dénominations différentes.

La synonymie surcharge la mémoire et peut contribuer à la confusion. La langue technique ne doit pas chercher la variété mais la clarté. La plupart des mots qui ont une forme graphique internationale dérivent du latin ou du grec. Dans d'autres contextes, comme le reste de la famille germanique ou les langues slaves, les mots internationaux et les mots composés d'éléments propres doivent être admis comme synonymes.

Lorsqu'un mot ou une notion est enraciné dans l'usage, il ne doit pas être changé. En effet, tout changement conduit à des divergences terminologiques et à l'apparition de termes équivoques.

Il est particulièrement difficile de faire accepter le changement d'une signification. Dans la plupart des cas, un changement de ce type conduit à des termes équivoques. On recommande alors de créer un terme nouveau pour désigner une nouvelle notion.

Quelques exemples d'actualisation récente en français

Chaque année, comme les producteurs de vins, les dictionnaires donnent leur cuvée de mots nouveaux. C'est que le monde va tellement

vite que les mots eux aussi se sont mis à courir, à naître, à changer de sens, à reprendre du service, à disparaître. Autrefois sous la loupe lente des savants, les mots sont aujourd'hui sur la sellette du temps : les lexicologues mais aussi les sociologues se penchent à leur chevet, les passent à la radio, les repassent à la moulinette.

À toutes les époques de l'histoire du français il y a eu des néologismes, dont la très grande majorité ne sont, évidemment, plus perçus comme tels. Seuls nous frappent les néologismes qui nous sont contemporains. Ce sont des mots promus au rang de signes, de symptômes: symptômes d'une mode, d'un phénomène, d'une époque.

Ce sont parfois des mots banals, qui prennent un écho particulier, une acception spéciale, reçoivent une nouvelle jeunesse; ce sont encore des expressions, souvent nées sous la plume ou dans la bouche de quelqu'un et que la presse et la *vox populi* ont adoptées; ce sont souvent des euphémismes, des néologismes, des anglicismes ou carrément, bien sûr, des mots venus d'ailleurs.

Tentons un petit pronostic des mots qui sont à la mode en 2019. Quels mots-valises, néologismes passe-partout et concepts vont marquer cette année, et pour certains quitter la condition somme toute précaire de néologisme pour intégrer le marbre pérenne des dictionnaires de références?

Tout d'abord, soulignant les limites du paramètre diachronique évoqué plus haut, on remarquera la prospérité de la « maille », terme d'argot des banlieues signifiant « argent » qui trouve son origine dans la dénomination médiévale de la plus petite subdivision de la monnaie. Idem pour le terme de « cabinet noir », remis au goût du jour par le candidat malheureux à l'élection présidentielle François Fillon, mêlant machination et cabine d'essayage, et qui renvoie à la pratique de censure de la correspondance privée en vigueur sous l'Ancien régime.

Les procédés dérivationnels nous permettent d'élargir la famille du déjà familier « bobo » avec le terme de « boboïsation », d'occurrence certes légèrement familière, mais qui vient remplacer l'anglicisme *gentrification* pour désigner le processus de remplacement des couches sociales populaires dans certaines périphéries urbaines face à l'augmentation des prix de l'immobilier. Le déjà vieilli « bougisme », développé en début des années 2000 par Pierre-André Taguieff et qui caractérisait la soumission au « toujours plus de flexibilité à l'heure de la globalisation », semble céder le pas à l'*ubérisation* de l'économie, génitrice d'un nouveau prolétariat ou

homo flexibus, inféodé à la *gig economy*, l'économie des petits boulots. Quitte à devenir *slash*, terme désignant une personne exerçant plusieurs emplois en même temps qui a rejoint le Petit Robert cette année.

Outre les transformations du secteur économique, les questions d'écologie et d'environnement sont fécondes. L'élégant *locavorisme*, consommation de fruits et légumes de saison produits à proximité, a lui aussi reçu ses lettres de noblesses terminologiques décernées par le Larousse.

Dans la famille des mots-valises, la *phablette* désigne ingénieusement les smartphones dont les dimensions impressionnantes les rapprochent de l'ordinateur de poche. Le terme québécois *divulgâcher* se propose de remplacer l'anglicisme *spoiler*, et le retard de maturité faisant demeurer de jeunes adultes à l'âge ingrat est habilement baptisé *adulcescence*.

En politique, le terme de l'année est sans doute le *dégagisme*, mis au goût du jour par Jean-Luc Mélenchon et qui exprime une lassitude généralisée devant le faible renouvellement des élites. Toujours dans les questions de société, alors que le terme de *fémicide*, signifiant le meurtre d'une ou de plusieurs femmes ou filles en raison de leur condition féminine a rapidement été admis par les médias, on se pose la question de son inscription dans les textes législatifs, ce qui le ferait entrer de plein droit dans la famille pourtant réputée conservatrice des termes juridiques.

Enfin, la langue russe est au rendez-vous avec la *pavlova*, antonomase qui désigne une pâtisserie constituée d'une meringue garnie de crème chantilly et de fruits rouges.

Conclusion

Le français grandit à son rythme, en suivant à la fois l'usage et la tendance évolutive des règles de grammaire, car il est normal qu'une langue vivante se transforme. Cependant, on émettra quelques doutes sur la pérennité de l'un des avatars récent des polémiques linguistiques, à savoir l'écriture inclusive, qui fait figurer obligatoirement les formes féminines des lexèmes en ajoutant les terminaisons correspondantes entre des points médians, et contrevient ainsi aux règles de concision et aux processus de simplification qui président à l'évolution naturelle des langues .

RÉFÉRENCES

Скуратов И. В. Типологическая характеристика неологизмов в современном французском языке (Caratéristiques des néologismes en français

- contemporain): монография [на франц. яз.]. М.: ИИУ МГОУ, 2016. [Skuratov, I. V. (2016). *Typologicheskaya kharakteristika neologizmov v sovremennom frantsuzskom yazyke*. (Typological characteristics of neologisms in modern French). Moscow: MRSU. (In Russ.)].
- Boulangier J.-C.* L'évolution du concept de néologie. De la linguistique aux industries de la langue // Terminologie diachronique. Actes du colloque organisé à Bruxelles les 25 et 26 mars 1988. Conseil international de la langue française, 1989.
- Cabré M.-T.* La terminologie : théorie, méthode, et applications. Canada, Les Presses de l'Université d'Ottawa, Armand Colin, 1998.
- Diki-Kidiri, Joly et Murcia.* Guide de la néologie. Paris: Conseil international de la langue française, 1981. P. 2.
- Rey A.* Dictionnaire historique de la langue française. Paris: Le Robert, 1988.

УДК 811.133.1

В. В. Фролова

преподаватель кафедры перевода французского языка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: victoriakorzhakova@gmail.com

**АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «BEAUTÉ»
В ПРОИЗВЕДЕНИИ ШАРЛЯ ДАНЦИГА
«СВОЕНРАВНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ВСЕГО И НИЧЕГО»**

В статье анализируется концепт «beauté» и способы его объективации во французском художественном дискурсе на материале отрывка из произведения Шарля Данцига «Своенравная энциклопедия всего и ничего». В ходе исследования автор рассматривает 173 единицы, ассоциативн. связанных с деноминатом концепта «beauté». Анализ данных единиц позволяет сделать определенные выводы о концептуальной картине мира автора и его индивидуально-авторском понимании красоты.

Ключевые слова: концепт; картина мира; красота; ассоциативно-смысловое моделирование; Ш. Данциг.

V. V. Frolova

Lecturer, Faculty of Translation and Interpreting, Department of Translation and Interpreting (the French language), Moscow State Linguistic University;
e-mail: victoriakorzhakova@gmail.com

**ANALYSIS OF THE CONCEPT OF “BEAUTÉ”
IN “ENCYCLOPÉDIE CAPRICIEUSE DU TOUT ET DU RIEN”
BY CHARLES DANTZIG**

The article analyzes the concept of “beauté” and ways of its objectification in French artistic discourse based on an excerpt from Encyclopédie capricieuse du tout et du rien by Charles Dantzig. In the course of the research, the author considers 173 units associated with the denomination of the concept “beauté”. The analysis of these units allows to draw certain conclusions about the author’s conceptual worldview and the author’s individual understanding of beauty.

Key words: concept; worldview; beauty; semantic association modelling; Ch. Dantzig.

Введение

Современная научная парадигма предполагает антропоцентричный подход в изучении любого текста, направленность на человека как субъекта и объекта речи. Если говорить об анализе художественных

произведений, то в рамках данной парадигмы особое значение приобретает индивидуально-авторская картина мира, воплощенная в тексте художественного произведения и интерпретируемая читателем в соответствии с его собственной картиной мира.

Понятие «картина мира» используется в научном контексте. Говоря об анализе художественного произведения и концептов, содержащихся в нем, нас будет интересовать лингвокультурологический аспект определения картины мира, а именно: «все знания о мире, представленные в виде некоего образа мира, которые существуют в сознании индивида, принадлежащего определенной национальной культуре; ментальную репрезентацию культуры» [Ярцева 2019, с. 88].

Однако существует и другие термины, описывающие картину мира автора, воплощенную в определенном художественном произведении, например «художественная модель мира» [Бутакова 2001] или «поэтическая картина мира» [Болотнова 2003]. Особенностью поэтической картины мира является то, что это опосредованная картина мира, причем «она опосредована дважды – языком и индивидуально-авторской концептуальной картиной мира» [Попова, Стернин 2002, с. 8]. Также поэтическую картину мира отличает наличие «креативного характера и культурологической сущности», а также «осуществляемая по законам искусства концептуализация и категоризация мироощущений автора» [Болотнова 2003].

При описании понятия индивидуально-авторской картины мира мы используем понятие «концептуальная картина мира»: в рамках данной статьи под концептуальной картиной мира мы будем понимать «систему концептов, имеющих ментальный характер» [Болотнова 2003], а при определении концепта будем придерживаться традиционного определения Ю. С. Степанова: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов 1997, с. 43].

Целью данной статьи является анализ концепта «beauté» и способов его объективации во французском художественном дискурсе на материале отрывка из произведения Шарля Данцига «Своенравная энциклопедия всего и ничего».

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

- 1) анализ способов вербализации концепта «beauté»;
- 2) анализ дефиниций слов, чаще других вербализующих концепт «beauté»;
- 3) анализ фразеологических оборотов и устойчивых выражений, используемых для выражение положительной или отрицательной эстетической оценки.

Актуальность данного исследования объясняется тем, что:

- 1) по мнению некоторых ученых, концепт «beauté» является одним из ключевых национальных концептов во французской лингвокультуре [Седых, Феоктистова 2010];
- 2) на сегодняшний день нам неизвестны русскоязычные работы, посвященные изучению концепта «beauté» во французском языке;
- 3) Шарль Данциг – писатель оригинальный, заслуживающий того, чтобы на его творчество обратили пристальное внимание;
- 4) произведение «Своеравная энциклопедия всего и ничего» является частью современной французской художественной прозы, а значит, изучая использование концепта «beauté» в данном контексте, мы приближаемся к пониманию того, как этот концепт функционирует в современной французской языковой картине мира.

Концептуальный анализ текста

Современная филология предлагает разные способы анализа текста, в частности, исследователь может воспользоваться общенаучными методами (например, такими как наблюдение, количественный анализ, компьютерное моделирование, эксперимент и т. д.), общепилологическими методами (трансформационный, дистрибутивный, контекстологический, компонентный, композиционный, концептуальный анализ), а также частными методами (интертекстуальный анализ, сопоставительно-стилистический метод, биографический метод и т. д.) [Бологнова 2009]. Каждый из этих методов отвечает разным целям исследований. В частности, концептуальный анализ помогает вычленить ключевые для определенной нации, культуры или определенного автора или произведения концепты, изучить их функционирование и на

основе этого описать картину мира определенного общества или определенного автора. «Моделирование концептов стало одним из наиболее активно развивающихся направлений современной отечественной филологии» [Антология концептов 2005, с. 4].

Несмотря на то что данная область активно развивается, на сегодняшний день существуют различные модели концептуального анализа художественного текста, хотя они не все подробно описаны. Иногда концептуальный анализ используется исследователями как для понимания реализации эстетической функции текста, так и для понимания идиостиля писателя, что важно для нашего исследования.

Тем не менее даже при недостаточной разработанности концептуального анализа текста, можно сказать, что существует общее понимание целей и методов данного анализа. Так, например, Н. С. Болотнова понимает под концептуальным анализом «метод исследования, предполагающий выявление концептов, моделирование их на основе концептуальной общности средств их лексической репрезентации в узусе и тексте и изучение концептов как единиц концептуальной картины мира языковой личности автора, стоящего за текстом» [Болотнова 2009, с. 464].

Похожую точку зрения высказывает М. В. Пименова: «Анализ фрагментов картины мира происходит на основе выделения языковых единиц, репрезентирующих исследуемые концепты» [Антология концептов 2005, с. 16]. Автор также выделяет несколько этапов концептуального анализа:

- 1) анализ лексического значения и внутренней формы слова, репрезентирующего концепт;
- 2) выявление синонимического ряда лексемы – репрезентанта концепта;
- 3) описание способов категоризации концепта в языковой картине мира;
- 4) определение способов концептуализации как вторичного переосмысления соответствующей лексемы, исследование концептуальных метафор и метонимии;
- 5) исследование сценария [Антология концептов 2005, с. 18].

Концепт «*beauté*» во французской лингвокультуре

Номинатом исследуемого концепта является слово *beauté* (*красота*). Некоторые исследователи полагают, что ядро концепта «*beauté*»

выражается прилагательными *beau* [Ducháček 2013; Winand 2002] и *joli* [Ducháček 2013].

Этимологически французское слово *beau* восходит к латинскому *bellus*, которое, в свою очередь, является уменьшительным от латинского *bonus* [DELF 1954]. На основании анализа словарных статей среди основных значений данной лексической единицы можно выделить следующие:

- 1) то, что порождает эстетическое наслаждение, доставляет удовольствие при созерцании или прослушивании. Это значение объединяет такие синонимы, как *joli*, *magnifique*, *ravissant*, *splendide*, *superbe* и противопоставляется прилагательному *laid*;
- 2) то, что порождает чувство восхищения или удовлетворения за счет своего интеллектуального, морального или физического превосходства. Данное значение противопоставляется значению лексических единиц *mauvais* и *médiocre*;
- 3) нечто восхитительное, великолепное, чудесное, порождающее ощущение комфорта. Этому значению синонимичны *bon*, *généreux*, *grand*, *noble*, *sublime*.
- 4) удавшийся, хорошо получившийся;
- 5) (о погоде) ясная, безоблачная погода. Синонимы: *ensoleillé*, *limpide*, *radieux*;
- 6) нечто большое, многочисленное или важное. Синонимы: *gros*, *considérable*, *grand*;
- 7) соответствующий правилам приличия [Larousse URL].

Подчеркивается, что лексическая единица *joli* не является полностью синонимичной *beau*, так как: «*Beau* qualifie ce qui offre une beauté parfaite ou, du moins, un haut degré de la beauté; *joli*, ce qui nous plaît sans être d'une beauté régulière et complète» [Ducháček 2013, с. 26–27]. Данное различие в значении отражается уже в латинском языке (*bellus / pulcher*).

Идея отрицательно оцениваемого эстетического признака во французском языке выражается, в частности, при помощи таких лексических единиц, как *laid* и *banal*.

Мы видим, что структуру данного концепта можно назвать четырехчастной, потому что в данном случае мы говорим не о противопоставлении «А – не А» (как, например, в случае с *жив / мертв*), а о градации интенсивности признака: *beau* (идеально красивый, в высшей

степени красивый) – *joli* (красивый, приемлемый) – *banal* (не обладающий исключительной красотой) – *laid* (уродливый). Проанализировав этимологию лексемы *beau*, мы также можем отметить, что ее значение развивалось от общего (*bonus*) к частному (*bellus*) и затем снова к общему (*beau* в значении «что-либо великолепное, хорошо получившееся, удавшееся», когда речь не идет о красоте внешней, но о красоте внутренней).

Немаловажным для понимания концепта является изучение его ассоциативных полей. Внетекстовые ассоциативные связи определенной лексической единицы можно определить при помощи ассоциативных словарей. Так, ассоциациями на прилагательное *beau* являются следующие реакции:

belle 156, moche 67, joli 37, laid 28, magnifique 16, temps 12, subjectif 11, homme 9, agréable, beauté 7, soleil 6, jolie 5, élégant 4, art, attirant, esthétique, garçon, gosse, grand, mignon, nature, plaisant, visage 3, attractif, bon, charme, fleur, miroir, moi, monde, montagne, prince, relatif, té 2, amour, Apollon, apparence, arc-en-ciel, Australie, autres, avantage, bébé, bel, belles, ce que nous voyons, charmant, chaud, chéri, ciel, compliment, corps, Dieu, difficultés, droit, envoutant, été, fleuri, fluide, gracieux, harmonieux, Hercule, hideux, idéal, il fait beau, incroyable, intéressant, jaune, joie, la vie, mec, merveilleux, miche, naturel, opinion, oui, ou pas, parfait, parleur, paysage, paysages, photo, physique, propre, puissant, pull, ravissant, sale, sexy, splendide, superficiel, sympa, territoire 1 [DAVF URL].

Обращение к ассоциативному словарю помогает нам, с одной стороны, расширить ассоциативно-семантическое поле концепта, с другой – подтвердить гипотезу о том, что именно слова *beau / belle, joli* и *laid* являются одними из тех, что находятся в ядерной части поля.

Концепт «*beauté*» в произведении Шарля Данцига «Своенравная энциклопедия всего и ничего»

В качестве объекта данного исследования мы выбрали 17 списков из произведения Шарля Данцига «Своенравная энциклопедия всего и ничего», которая является энциклопедией списков, каждый из которых представляет собой определенную категорию и отображает манеру автора разбивать на категории окружающую его действительность. Мы выбирали списки, имеющие наиболее тесное отношение к красоте и эстетике:

Liste de genre de lieux aimables, Liste de beaux jardins, Liste de lieux sublimes, Liste des plus belles routes du monde, Liste de petits pans de murs moches, Liste du beau, Liste de la beauté, Liste de la mode à Londres, Liste du pays des hommes les mieux habillés au monde, Liste des vêtements, des modes et de la mémoire, Liste d'îles ont été beaux huit jours, Liste de beaux getes, Liste de belles insolences, Liste des cous, Liste du sexy, Liste de choses admirables, Liste de comparaisons [Dantzig 2009].

Тема красоты занимает особое место в творчестве Шарля Данцига. В книге «Своенравная энциклопедия всего и ничего» целая глава называется «Le beau et le chic». В других главах мы также видим отсылки к красивому / прекрасному или уродливому (*Liste de beaux jardins, Liste des plus belles routes du monde, Liste du sexy* и т. д.).

Как пишет Н. С. Болотнова: «Ассоциативно-смысловое поле слова организуется номинатом концепта, находящимся, как правило, в сильной позиции и относящимся к реме в лексических микроструктурах ключевых высказываний» [Болотнова 2009, с. 422]. Ассоциативно-смысловой анализ проводится в два этапа: 1) определение ядра, деномината концепта; 2) определение текстовых ассоциатов к деноминату концепта.

В ходе выявления текстовых ассоциатов было проанализировано 173 единицы, имеющих отношение к концепту «beauté» и раскрывающих его значение в тексте. Анализ частотности употребления текстовых ассоциатов показал, что ядерную часть поля концепта «beauté» составляют слова: *beau* (53 употребления), *beauté* (28), *grand* (7), *petit* (5), *sexu* (5), *bien habillé, moche, laid, banal* (3). Кроме того, по два употребления пришлось на слова *robe blanche, théâtre, mer, humain, sublime, parfait, chic, sexuel, lent, rond*. Все остальные выявленные ассоциаты употреблялись по одному разу, но и их важно учитывать при изучении художественной картины мира автора, так как даже единожды упоминание определенной единицы помогает смоделировать периферию изучаемого концепта. Единичные упоминания формально относятся к периферии ассоциативного поля, в нашем случае к периферии положительной эстетической оценки относятся следующие единицы:

aimable, étroit, élégance, splendide, sexualité, mince, sensuel, magnifique, propreté, coquet, charmant, propre, luxueux, sympatique, élégant, convenable, mignon, ravissant, admirable, avenues courbes, fortuite, berge, soir, petits

musées, grande ombre, désordonné et artistique, province, mordoré de plage, sans mystère, cimetière, herbes folles, tombes abandonnées, briquettes rouges, vitres brisées, secret précieux, mal placé, n'a jamais été à la mode, élégance des ruines, rouge Pompéi, voix abîmée, délabrement, grandes villes, au bord de l'eau, usine, nuit, pureté abstraite, tendresse sinieuse, campagne italienne, géant, danse, secret, danseuse, colline, eau, puissant, pierre et platanes, pas peuplé, vallée étroite comme des jambes à paine ouvertes, éternel, séduction, talent, personnalité, démocratique, trivial, supportable, aristocratique, obèse, esthétique, excitant, variable, le grand beau, paresse, esthétisme, hypocrisie, originalité, renouvellement, individu, bête, intimider, esprit, roses et fanfreluchés, jeune, gêne, haine, signe de bêtise, maudit, intime, malheur, coupe merveilleuse, bombastic, aller bien, costume bleu parfaitement coupé, grande taille, allure frippée, mannequin de vitrine, longs hommes minces avec de petites mains fines, suave à l'oreille, embellir, discret, belles insolences, ravissant, crâne rond, une brune, une blonde, un brun, les seins, l'aine, un sourire lent, minceur, une vie lente, peau brunie par le soleil, teinte cuivrée, prince impérial.

Периферия отрицательной эстетической оценки представлена следующими единицами:

nulle, imperfection, mauvais goût, banalité, un beau idéal, trivial, grand, gros, travail, activité, matin, horreur, bleus durs, gris ardoise, vieux, abîmé, blême, noir, croque-mort, grosses cuisses, épouvantail dépendu, fripé, un brave vieux monsieur, palefrenier, immétable, déprimant, amaigri, blafard, vulgarité, rot.

Важной составляющей смыслового поля концепта «beauté» в данном случае являются своего рода постулаты, которые автор выдвигает в ходе рассуждения. По форме и безапелляционности они напоминают пословицы или поговорки, однако являются выражением индивидуального миропонимания автора. Это такие постулаты, как:

On n'arrive pas à défigurer le beau; le beau est éternel; le beau d'hier fait rire, on la croît permanente [beauté], alors qu'elle change tout le temps; la beauté permanente n'est que la banalité; la vraie beauté qui est le talent joint à une personnalité; le beau est démocratique; les actrices du cinéma ont toujours quelque chose de trivial qui rend le reste supportable; le beau est une variable; c'est si beau qu'on peut se tuer ici; les gens qui aiment le beau n'ont pas de coeur; le beau est une paresse; la beauté est une forme d'hypocrisie; l'Occident: nous mettons la beauté dans l'originalité, le renouvellement, l'individu; la beauté rend bête; la beauté intimide est n'est pas contredite; un

homme normal est embelli par son esprit; un jeune homme très beau qui se marie devient généralement banal; la beauté peut être une gêne pour le beau, la beauté engendre la haine, la beauté est sans doute plus difficile à porter pour un homme...; un homme beau est doublement maudit; la beauté est un malheur; en Angleterre, l'amour est moins choquant que la beauté; on peut se montrer nu sans être sexy; beau comme un prince impérial.

Несомненно, выделенные высказывания помогают нам качественным, а не количественным образом исследовать концептуальную картину мира автора и лучше понять ее.

На основании выявленной ядерной и периферийной частей ассоциативно-смыслового поля концепта «beauté» в тексте произведения Шарля Данцига «Своенравная энциклопедия всего и ничего» мы можем сделать несколько выводов.

1. С помощью языковых единиц, входящих в смысловое поле концепта «beauté», мы можем дать оценку следующим *объектам*: людям; отдельным чертам внешности человека; природе; месту (городу, деревне и т. п.); одежде; поступкам. Это еще раз подчеркивает индивидуально-авторское понимание картины мира.

2. Выявляются важные *тематические блоки*, раскрывающие авторскую интерпретацию концепта «beauté»: услада для глаз или ушей; сексуальность; соответствие случаю (одежды, поведения); элегантность; чистота, опрятность; исключительность, незаурядность; неидеальность.

3. Подчеркивается *геометрия* красоты (объекты какой формы и размера были описаны автором как красивые): большой; высокий; длинный; маленький; тонкий; стройный; круглый, округлый; изогнутый. Объекты какой формы и размера были описаны автором как некрасивые: исхудавший; большой; толстый.

4. Выделяются *цвета* красоты: белый; красновато-коричневый с золотистым отливом (*mordoré*); кирпично-красный; помпейский красный; желтый; розовый; синий / голубой (*bleu*); цвет загорелой кожи с медным оттенком; светлый пушок; блондинка; брюнетка; ша-тенка; брюнет. Цвета с отрицательной эстетической оценкой: гнетущий синий; грифельно-серый.

5. Описываются *время* и красота (какое время суток автор называет прекрасным): вечер; ночь. Время суток, вызывающее отрицательную оценку, – утро.

6. Вводится соотношение вопросов красоты и *гендера*. Автор иронично соглашается с тем, что современному женофобскому обществу легче простить порок глупости и красоты женщине, чем мужчине, для которого красота – скорее что-то постыдное, то, с чем тяжело жить, потому как красота делает глупым.

7. Сравниваются красота и *возраст*. Так, некоторые из высказываний автора, а также текстовые ассоциаты к слову *beauté*, указывают на то, что красота для писателя ассоциируется с молодостью. Однако, говоря о современном обществе, автор положительно отзывается и о пожилых людях, и говорит о том, что мы стараемся найти красоту в старости, потому что все когда-нибудь будем старыми, а никому не хочется считать себя некрасивым.

8. Прочие замечания. Автор разделяет красоту внешнюю и красоту внутреннюю (красоту поступков и помыслов). Для него существует *настоящая красота* (*la vraie beauté, le grand beau*), причем настоящая красота обязательно должна обладать внутренней красотой, талантом, индивидуальностью. А красота внешняя – это то, с чем бывает тяжело жить, что вызывает ненависть и зависть.

В контексте красивого автор довольно часто говорит о природе, упоминает воду, холмы, деревья, камень. Понятие «деревня» и все единицы, описывающие его, тоже употребляются с положительной эстетической оценкой. И даже если автор называет красивыми большие города, он добавляет, что это «большие города у воды» или же город, чем-то похожий на деревню.

Следует обратить особое внимание на индивидуально-авторское понимание красоты: красота для Шарля Данцига – это что-то медленное, медленная жизнь, медленные движения, так как от слишком быстрого темпа, свойственного городу, автора охватывает ужас: *le travail, l'activité, le matin, l'horreur*.

Заключение

При написании данной статьи нами были проанализированы способы вербализации концепта «*beauté*» во французском языке в статическом и динамическом аспектах. Для данного анализа мы выбрали способ моделирования ассоциативно-смыслового поля концепта. В случае со статическим аспектом (отражающим функционирование концепта в языке) мы обратились к толковым словарям,

а также к словарю ассоциаций. При рассмотрении динамического аспекта (функционирования данного концепта в художественном тексте) мы моделировали ассоциативно-смысловое поле, опираясь на деноминат концепта, а также на текстовые ассоциаты, связанные с деноминатом в тексте тема-рематической связью. В результате исследования нам удалось определить ядерную и периферийную части ассоциативно-смыслового поля концепта «beauté» в конкретном произведении, проанализировать полученные данные, и на их основании сделать некоторые выводы о концептуальной картине мира автора, об индивидуально-авторском миропонимании.

Выбранные нами объект и предмет исследования обладают большим потенциалом для дальнейшего изучения, что невозможно полностью реализовать в одной статье. Нам кажется интересным в дальнейшей работе обратить особое внимание также на образные средства вербализации концепта, в частности, на приемы иронии, сарказма, сравнения, цветописи и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Т. 1. Волгоград: Парадигма, 2005. [Karasika, V. I., Sternina, I. A. (ed.). (2005). *Antologija konceptov*. (Anthology of concepts). Vol. 1. Volgograd: Paradigma. (In Russ.)].
- Болотнова Н. С. Поэтическая картина мира и ее изучение в коммуникативной стилистике текста // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poeticheskaya-kartina-mira-i-ee-izuchenie-v-kommunikativnoy-stilistike-teksta> (дата обращения: 14.08.2020). [Bolotnova, N. S. (2003). *Pojeticheskaja kartina mira i ee izuchenie v kommunikativnoj stilistike teksta* (Poetic worldview and its observation in communicative stylistics of text). *Sibirskij filologicheskij zhurnal*, 3–4. <https://cyberleninka.ru/article/n/poeticheskaya-kartina-mira-i-ee-izuchenie-v-kommunikativnoy-stilistike-teksta> (In Russ.)].
- Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. [Bolotnova, N. S. (2009). *Filologicheskij analiz teksta*. (Philological text analysis): Textbook. 4th ed. Moscow: Flinta: Nauka (In Russ.)].
- Бутакова Л. О. Авторское сознание в поэзии и прозе: когнитивное моделирование. Барнаул: Алтайский государственный университет (Барнаул), 2001. [Butakova, L. O. (2001). *Avtorskoe soznanie v poezii i proze: kognitivnoe modelirovanie*. (The author's consciousness in poetry and prose: cognitive modelling). Barnaul (In Russ.)].

- Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. Воронеж: Директ-Медиа, 2002. [Popova Z. D., Sternin I. A. (2002). Jazyk i nacional'naja kartina mira (Language and national worldview). Voronezh (In Russ.)].
- Седых А. П., Феоктистова Е. Е. Ключевые национальные концепты во французской лингвокультуре // Вестник ИГЛУ. 2010. № 1 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyucheveye-natsionalnye-kontsepty-vo-frantsuzskoj-lingvokulture> (дата обращения: 19.08.2020). [Sedyh, A. P., Feoktistova, E. E. (2010). Ključevye nacional'nye koncepty vo francuzskoj lingvokulture (Key national concepts in the French culture of language). *Vestnik IGLU*, 1(9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyucheveye-natsionalnye-kontsepty-vo-frantsuzskoj-lingvokulture> (In Russ.)].
- Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. [Stepanov, Ju. S. (1997). *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovanija*. (Constants. Dictionary of the Russian culture. Research experience). Moscow: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury» (In Russ.)].
- Ярцева К. В. Понятие «картина мира». Адаптивная функция картины мира // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kartina-mira-adaptivnaya-funktsiya-kartiny-mira> (дата обращения: 14.08.2020). [Jarceva, K. V. (2010). Ponjatje «kartina mira». Adaptivnaja funkcija kartiny mira (Notion of the worldview). *Vestnik Severnogo (Arktičeskogo) federal'nogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki*, 4. <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kartina-mira-adaptivnaya-funktsiya-kartiny-mira> (In Russ.)].
- Dantzig Ch. Encyclopédie capricieuse du tout et du rien // Editions Grasset & Fasquelle, 2009.
- Dictionnaire des associations verbales du Français. URL: dictaverf.nsu.ru/dict3.
- Dictionnaire étymologique de la langue française par Albert Dauzat, 1954. URL: <https://archive.org/stream/DICTIONNAREETYMOLOGIQUEDELALANGUEFRANCAISEALBERTDAUZAT#page/n117/mode/2up>.
- Ducháček O. Le champ conceptuel de la beauté en français moderne, 2013. URL: https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/119170/SpisyFF_071-1960-1_3.pdf?sequence=1.
- Winand J. Le beau et l'idée du beau. Les mots pour le dire, 2002. URL: <https://orbi.uliege.be/bitstream/2268/36103/1/La%20beauté%20nfr%20-%20Les%20mots%20pour%20le%20dire.pdf>

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- DELf – Dictionnaire étymologique de la langue française
DAVf – Dictionnaire des associations verbales du français

УДК 81.276.6

А. В. Хотног

преподаватель кафедры фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета; e-mail: asjah@mail.ru

СТРАТЕГИЯ ИНФОРМИРОВАНИЯ В ТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-КИНОРЕЦЕНЗИЙ

В статье рассматриваются особенности реализации речевой стратегии информирования в тексте профессиональных интернет-кинорецензий, которые представлены на сайтах источников общей направленности и сферы культуры. Анализ рецензий выявил наличие в них информации о компонентах драматургии фильма: его идее, теме, визуальной и звуковой составляющей, работе съемочной группы. Выбор информационного ракурса зависит от вида интернет-источника: на сайтах общей направленности фильм рассматривается в социальном ракурсе, на сайтах сферы культуры – в кинематографическом.

Ключевые слова: профессиональные интернет-кинорецензии; речевая стратегия; стратегия информирования; тактика передачи информации, информационный ракурс.

A. V. Khotnog

Lecturer at the Department of Phonetics and Grammar of the French language, Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University; e-mail: asjah@mail.ru

INFORMATION STRATEGY REALIZATION IN THE TEXT OF PROFESSIONAL ONLINE FILM REVIEWS

The article presents ways of information strategy realization in professional online reviews on general information websites and culture websites. Reviewers present the main components of a film (idea, theme, image and son) and reveals the results of production team's work. The way of information transfer varies depending on the type of source: on general information websites a film is analyzed in social context while on culture websites – in cinema context.

Key words: professional online reviews; communication strategy; information strategy; tactic of information transfer.

Введение

Переход от изучения структуры, семантики и стилистики текста к его анализу в непосредственной связи с продуцирующим субъектом, произошедший в конце прошлого века, привел к появлению в анализе

дискурса стратегического подхода. Особенность его состоит в том, что понятие «стратегия» анализируется с когнитивной точки зрения [Ван Дейк 1989, с. 272]. Речевая, или коммуникативная, стратегия рассматривается как «общий план, или “вектор” речевого поведения, выражающийся в выборе системы продуманных говорящим/пишущим поэтапных речевых действий, как линия речевого поведения, принятая на основе осознания коммуникативной ситуации в целом и направленная на достижение конечной коммуникативной цели (целей) в процессе речевого общения» [Сковородников 2004, с. 6].

Известные в настоящее время классификации речевых стратегий (см. Шерозия 1978; Лазуткина 1999; Иссерс 2008) не являются исчерпывающими, но дают возможность выделить среди них основные стратегии [Матвеева 2010, с. 386]. К их числу относится стратегия информирования, связанная с одноименной функцией языка [см. Виноградов 1963, с. 8] и служащая для передачи информации адресату. Однако способы представления информации реципиенту варьируются в зависимости от цели, которую ставит перед собой автор.

Наша статья посвящена изучению особенностей реализации речевой стратегии информирования, проведенному на материале 108 текстов профессиональных интернет-кинорецензий, которые принадлежат двум видам интернет-источников: источникам общей направленности (54 текста) и источникам сферы культуры (54 текста).

Первая группа информационных источников включает в себя сайты, которые освещают:

- общественно-политическую жизнь (сайты журналов: «Nouvel Obs», «Marianne»; сайты газет: «Le Monde», «Les Echos», «La Croix», «Le Figaro», «France Soir», «Huffpost», «20 minutes», «le JDD», «Le Parisien», «Ouest France», «Les Dernières Nouvelles», «d'Alsace», «La Presse», «Le Soir»);
- досуг и частную жизнь (сайты журналов: «Viba», «GQ», «Paris Match Public», «Elle», «Grazia», «Marie-Claire», «Femina»).

В качестве авторов рецензий в источниках общей направленности выступают журналисты-профессионалы, которые пишут для массового читателя.

Вторая группа источников ориентирована:

- на сферу культуры в целом (сайты журналов: «Les Inrocks», «Transfuge», «Télérama»; независимые сайты: «Culturellement vôtre», «Culturopoing»);

- на видеоигровую / музыкальную сферы культуры и кинематограф (сайты журналов: «Journal du Geek», «Rolling Stone»);
- исключительно на кинематограф (сайты журналов: «Bande à Part», «Première», «Critikat»; независимые сайты: «Écranlarge», «Mondocine»).

Авторы рецензий этой группы источников тоже представлены профессиональными журналистами, однако они в большей степени учитывают запросы читателей-кинолюбителей.

Коммуникативные ходы тактики передачи информации

Главный носитель стратегии информирования – это сам текст профессиональных интернет-кинорецензий. Тактика передачи информации о фильме реализуется в нем с помощью двух коммуникативных ходов, таких как:

- 1) освещение компонентов драматургии фильма, к которым относятся: идеи, темы, музыкальная и визуальная составляющие [Нехорошев URL];
- 2) освещение работы членов съемочной группы: режиссера, сценариста, актеров, оператора, декоратора и композитора.

Остановимся теперь на каждом из приведенных выше коммуникативных ходов.

Освещение компонентов драматургии фильма

Несмотря на обязательное освещение компонентов драматургии фильма в профессиональных интернет-кинорецензиях, выбор информационного ракурса (угла зрения) их представления зависит от типа источника. Так, содержание кинофильма может освещаться под несколькими углами зрения, а именно:

- а) социальная жизнь общества;
- б) кинематографическая жизнь.

В источниках общей направленности («Huffpost», «Marianne», «La Croix», «Grazia», «Le Figaro») акцент сделан на социальную жизнь. Так, при раскрытии темы и идеи, например, фильма «Первый год» в текстах рецензий говорится о разработке реформы медицинской образовательной системы как об одной из актуальных проблем, стоящих перед французским обществом.

Что же касается источников сферы культуры, то все рецензии на тот же самый фильм никак не касаются реформы, за исключением одной («Bande à Part»), в которой отмечается возможность социальных перемен в сфере французского медицинского образования.

Возвращаясь к анализу источников общей направленности, необходимо отметить, что отсылки к социальным реалиям присутствуют даже в тех рецензиях на фильмы, которые не освещают социальные темы. Например, в рецензиях («Liberation» и «Le Monde») на фильм «К звездам», главный герой которого путешествует по Галактике, авторы поднимают актуальные проблемы исследования космоса. Кроме того, в источниках сферы досуга внимание читателя может быть переключено на рекламу, например, показанной в фильме марки машины («Мстители: финал», сайт мужского журнала «GQ»).

Авторы источников сферы культуры, освещая в своих рецензиях мир искусства, могут отсылать читателя к личной жизни знаменитостей, как, например, в рецензии на фильм «Богемская рапсодия» («EcranLarge»), в котором в качестве прототипа главного героя выступает известный рок-музыкант.

В то же время рецензенты обеих групп источников при раскрытии основной идеи фильма стремятся вписать его в общий кинематографический контекст, соотнося его с другими кинокартинами. В источниках общей направленности авторы сравнивают рецензируемый кинофильм с другими полнометражными фильмами, уже известными широкому зрителю. В частности, в рецензиях на мюзикл «Великий Шоумен» журналисты упоминают известные мюзиклы «Мулан Руж» («Elle»), «Классный мюзикл» («Elle»), «Отверженные» («La Croix»), фильм «Основатель» («La Croix»).

В источниках же сферы культуры рецензенты создают значительно более широкий кинематографический контекст, поскольку обращаются и к телешоу («Звездная Академия», «EcranLarge»), и к сериалам («Хор», «Critikat»), и к уже давно вышедшим кинофильмам («Уродцы», 1932 г., «Rolling Stone»), и даже комиксам («Le double secret du fantôme noir» Романо Скарпа 1953 г. итальянского создателя персонажей Диснея, «Culturellement vôtre»). Более того, устанавливая идейное сходство между кинокартинами разных лет, автор может процитировать слова персонажа из другого фильма (см., например, рецензию на фильм «Parasite», сайт «Culturopoing»).

По-разному подходят рецензенты и к раскрытию темы. В источниках общей направленности их прежде всего интересует сюжетная линия, определяющая главную тему кинофильма, в то время как в источниках сферы культуры раскрываются, кроме того, и его второстепенные темы.

В этой связи интересно сопоставить примеры из текстов рецензий на фильм «Суперсемейка 2». Если на сайте общей направленности (1) тема семьи раскрывается через сложные взаимоотношения между ее членами, между их семейной и профессиональной жизнью, а также другими аспектами бытия современного общества, то на сайте киносферы (2) та же самая тема трактуется через ее переплетение с темой становления супергероя, которая, казалось бы, не столь явно звучит в фильме:

- (1) <...> Brad Bird évoque des thèmes très actuels – séparation des parents, difficultés à concilier vie familiale et professionnelle, féminisme : pas courant en matière d'animation [Parisien URL].
- (2) Un super-héros, c'est d'abord et avant tout un corps – un super-corps, un corps qui peut certes davantage, mais qui comme tout autre doit apprendre simplement (sauf que l'affaire n'est précisément pas si simple) à être au monde. <...> Il n'est en effet pas anodin que le film se révèle presque morcelé en trois axes narratifs (le père qui tente de tenir le foyer en l'absence de la mère ; Elastigirl qui part en mission contre un mystérieux super-terroriste ; Jack-Jack, le bébé, qui développe une multitude de super-pouvoirs) : de ce beau problème, le film envisage trois voies possibles à travers trois corps spécifiques [Critikat URL].

Визуальная составляющая, то есть описание пространства в кадре [см. примеры (4) и (5)], движения камеры и качества изображения [примеры (6) и (7)], хотя и находит свое освещение в источниках общей направленности (3), однако более детально представлена в рецензиях источников сферы культуры:

- (3) ...cette topographie emballée par une image aussi glossy que le dressing et le frigo des lieux [Grazia URL].
- (4) ...un quadrillage topographique joueur et bien tenu [EcranLarge URL].
- (5) ...la lisibilité de l'espace et la manipulation de la géographie [Critikat URL].

- (6) ...les panoramiques où sa caméra virevolte dans l'intégralité de l'espace de cette maison d'architecte [Culturopoing URL].
- (7) ...la photographie glacée et luxuriante [Premiere URL].

Причем анализируя изобразительные особенности кинофильма, рецензент сферы культуры часто раздвигает эти рамки, обращаясь к более широкому кинематографическому контексту:

- (8) ...un décor vintage aux reflets très «jamesbondiens» [Bande à Part URL] ;
- (9) Six mois après *Coco*, *Les Indestructibles 2* semble bien marquer l'abolition de ce vieil empêchement figuratif [Les Inrocks URL].
- (10) Le réalisateur est à l'heure actuelle le seul capable de dupliquer la frénésie de mouvement couplée à la débauche de textures et couleurs d'un Jack Kirby, géant parmi les géantes de l'histoire des comics, aux compositions graphiques jamais égalées [EcranLarge URL].

Так, в примерах (8) и (9) фильмы характеризуются с позиции уже известных читателю кинокартин, а в (10) визуальное изображение кинофильма сравнивается с другой сферой искусства: комиксами.

Анализ музыкального сопровождения кинофильма можно встретить в кинорецензиях обеих групп источников в тех случаях, когда присутствие музыки в кадре предопределено, во-первых, жанром фильма и, во-вторых, ее необходимостью для воплощения режиссерской идеи. Так, информация о музыкальной составляющей обнаруживается во всех 12 рецензиях на мюзикл «Величайший шоумен». Между тем сайты киносферы предлагают ее более детальный анализ (см., например, «Critikat»). Это относится и к другим кинофильмам («К звездам», например: сайты «Le Figaro», «Le Parisien», «Transfuge», «Premiere»).

Освещение работы членов съемочной группы

В своих рецензиях авторы обращают внимание на работу разных членов съемочной группы: режиссера, сценариста и продюсера фильма. Между тем, если режиссер и сценарист не одно и то же лицо, то фамилия последнего может не упоминаться («Le Monde», «EcranLarge», «Première»).

На сайтах сферы культуры («Rolling Stone», «Les Inrocks», «EcranLarge», «Critikat»), характеризуя работу режиссера, рецензенты часто сравнивают ее с работой режиссеров других фильмов. Это может быть

обусловлено использованием в двух кинокартинах одного и того же кинематографического приема, например, «голоса за кадром», при котором сюжет фильма комментируется закадровым голосом артиста. Именно этим объясняется обращение рецензента фильма, снятого одним режиссером («К звездам»: «Rolling Stone», «EcranLarge»), к фильму другого («Древо жизни»).

Не игнорируют рецензенты и факты личной жизни членов съемочной группы. В источниках общей направленности подобная практика служит для эпатажа публики, как, например, в рецензии на кинофильм «Суперсемейка 2», в которой упоминается об обвинении продюсера в сексуальных домогательствах («La Croix»). В источниках же сферы культуры особенно тщательно анализируются мотивы участия членов команды в съемках фильма. Из рецензии читатель может почерпнуть, например, сведения о важности семейных ценностей, как для главных героев фильма, так и для его режиссера, который со своей женой воспитывают двух маленьких дочерей («Тихое место»: «Rolling Stone»).

Естественно, что в текстах рецензий обеих групп источников речь идет и об актерах. В источниках общей направленности – это, как правило, те актеры, которые играют главные роли, хорошо известны публике, или же те, чья игра особенно запомнилась зрителю. Актеры второго плана упоминаются лишь в тех случаях, если их игра важна для раскрытия режиссерского замысла (см. рецензию на фильм «Богемская рапсодия», в котором говорится о Майке Майерсе). Для источников же сферы культуры внимание рецензента к актерам второго плана – явление обычное.

Интересно, что в источниках общей направленности прямых ссылок на работу оператора, как правило, не приводится [см. примеры с (11) по (13)]. Высокое же качество визуального изображения может оцениваться как заслуга самого режиссера [примеры (14) и (15)]:

- (11) ...lumières savamment positionnées [Le Parisien URL];
- (12) ...visuellement, c'est un festival : toujours ce graphisme sixties [Le Parisien URL];
- (13) ...les décors années 60 sont très soignés [France Soir URL];
- (14) James Gray, avec *son* perfectionnisme visuel [La Croix URL];
- (15) ...maestria visuelle *du réalisateur* [Paris Match URL].

О работе конкретного оператора речь в этой группе источников заходит только тогда, когда изображаемый мир выходит за пределы

повседневной жизни зрителя (например, рецензию на фильм ужасов «Тихое место», «JDD», «France Soir»).

Что касается источников сферы культуры, то вне зависимости от сюжета фильма рецензент специально останавливается на операторской работе, способствующей передаче режиссерского замысла («Culturopoing», «Critikat»).

В рецензиях на фильмы с визуальной доминантой из обеих групп источников освещается и работа художника-декоратора. Так, работа декоратора может освещаться либо наряду с операторской работой (фильм «Величайший шоумен»: «La Croix», «EcranLarge»), либо отдельно от нее («Les Echos»). Во втором случае автор рецензии объясняет это тем, что мюзикл как особый жанр фильма требует особых декораций.

О костюмах актеров в источниках общей направленности, в частности досуга, речь заходит тогда, когда авторы рецензий уверены, что этот аспект не оставит читателя равнодушным. Это относится, например, к рецензии на фильм о супергероях («Мстители: финал»: мужской журнал «GQ»).

У авторов сферы культуры подход иной: их интересует роль костюмов в раскрытии характеров персонажей, а также соответствие или несоответствие их одежды описываемой эпохе (фильм «Первый год»: «Les Inrocks»).

Заключение

Итак, проведенный нами анализ реализации стратегии информирования в текстах французских профессиональных интернет-кинорецензий свидетельствует об использовании их авторами одной и той же тактики передачи информации. Эта тактика включает в себя два коммуникативных хода: 1) освещение компонентов драматургии фильма (идеи, темы, звуковой и визуальной составляющих); 2) освещение работы членов съемочной группы (режиссера, актеров, оператора, художника-декоратора).

В то же время анализ позволил установить различия в применении самих коммуникативных ходов, их зависимость от типа источника информации. Таких источника два: 1) сайты общей направленности; 2) сайты сферы культуры. Эти различия имеют прагматическую природу, так как зависят от коммуникативной цели авторов рецензий и характеристики их читателей.

В качестве рецензентов в обеих группах источников выступают профессиональные журналисты. Однако аудитория у них разная: у рецензентов первой группы источников – это массовый читатель, у второй – читатель, сведущий в кинематографе. Соответственно различаются и коммуникативные цели авторов. Рецензенты первой группы источников ориентированы на то, чтобы представить своему читателю информацию о кинокартине в доступной и интересной форме. Цель же рецензентов второй группы состоит в том, чтобы дать анализ эстетических достоинств или недостатков кинофильма. Отсюда и выбор разных информационных ракурсов подачи информации: для источников общей направленности характерен социальный ракурс, то есть обращение к актуальным вопросам жизни современного общества, в то время как для источников сферы культуры важна в первую очередь эстетика кинематографа.

Таковы, на наш взгляд, особенности реализации информирования в текстах французских профессиональных интернет-кинорецензий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Виноградов В. В. Стилистика, теория поэтической речи, поэтика. М.: Акад. наук СССР, 1963. [Vinogradov, V. V. (1963). *Stilistika, teoriya poeticheskoi rechi, poetika*. (Stylistics, theory of poetic speech, poetics). М.: izd-vo Akad. nauk SSSR. (In Russ.)].
- Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. [Deik van, T. A. (1989). *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya*. (Language. Knowledge. Communication). М.: Progress. (In Russ.)].
- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2008. [Issers, O. S. (2008). *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi*. (Communication strategies and tactics of Russian speech). М.: LKI. (In Russ.)].
- Лазуткина Е. М. Коммуникативные цели, речевые стратегии, тактики и приемы // Культура русской речи: учебник для вузов. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1999. С. 50–79. [Lazutkina, E. M. (1999). *Kommunikativnye tseli, rechevye strategii, taktiki i priemy*. (Communicative goals, speech strategies, tactics and techniques). *Kul'tura russkoi rechi*. Textbook for universities (pp. 50–79). Moscow: Izdatel'skaya gruppa NORMA-INFRA. (In Russ.)].
- Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. [Matveeva, T. V. (2010). *Polnyi slovar' lingvisticheskikh terminov*. (Complete dictionary of linguistic terms). Rostov-na-Donu: Feniks. (In Russ.)].

- Нехорошев Л. Н. Драматургия фильма. URL: <https://myrt.ru/read/499807-dramaturgiya-fil-ma.html> (дата обращения: 09.07.2020). [Nekhoroshev, L. N. *Dramaturgiya fil'ma*. (Drama of the film). URL: <https://myrt.ru/read/499807-dramaturgiya-fil-ma.html> (data obrashcheniya 09.07.2020). (In Russ.)].
- Сковородников А. П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии // Риторика – Лингвистика. Вып. 5: Сб. статей. Смоленск: СГПУ, 2004. С. 5–11. [Skovorodnikov, A. P. (2004). O neobkhodimosti razgranicheniya ponyatii «ritoricheskii priem», «stilisticheskaya figura», «rechevaya taktika», «rechevoi zhanr» v praktike terminologicheskoi leksikografii (On the need to distinguish between the concepts of “rhetorical device”, “stylistic figure”, “speech tactics”, “speech genre” in the practice of terminological lexicography). *Ritorika – Lingvistika*, 5, 5–11) Smolensk: SGPU. (In Russ.)].
- Шероэзия А. Е. Бессознательное: природа, функции, методы исследования: в 4 т. Т. 1. Тбилиси: Тбилисский госуниверситет, 1978. [Sheroziya, A. E. (1978). *Bessoznatel'noe: priroda, funktsii, metody issledovaniya*. (The unconscious: nature, functions, and research methods): in 4 vols. Vol. 1. Tbilisi: Tbilisskii gosuniversitet. (In Russ.)].
- Bande à part / Cieutat A-C. Les Indestructibles 2. Woman power. URL: <http://www.bande-a-part.fr/cinema/critique/magazine-de-cinema-les-indestructibles-2-brad-bird/> (дата обращения: 03.08.2020).
- Critikat / Morel J. Le reflux. URL: <https://www.critikat.com/actualite-cine/critique/parasite-2/#:~:text=Parasite%20n'est%20pas%20un,topographique%20joueur%20et%20bien%20tenu> (дата обращения: 03.08.2020).
- Critikat / Morel J. Les trois corps du super-héros. URL: <https://www.critikat.com/actualite-cine/critique/indestructibles-2/> (дата обращения 03.08.2020). [Critikat / Morel J. Les trois corps du super-héros (The three bodies of the superhero). <https://www.critikat.com/actualite-cine/critique/indestructibles-2/> (data obrashcheniya 03.08.2020)].
- Culturopoing / Trenteun C. Bong Joon-ho – Parasite. URL: <https://www.culturopoing.com/cinema/sorties-salles-cinema/bong-joon-ho-parasite/20190605#:~:text=Huis%20clos%20d'une%20incroyable, Une%20magnifique%20Palme%20d'Or%20!> (дата обращения 03.08.2020).
- EcranLarge / Riaux S. Les Indestructibles 2 : critique masquée. URL: <https://www.ecranlarge.com/films/critique/1025822-les-indestructibles-2-critique-masquee> (дата обращения 03.08.2020).
- EcranLarge / Riaux S. Parasite : critique qui sent la Palme. URL: <https://www.ecranlarge.com/films/critique/1086945-parasite-critique-qui-sent-la-palme#:~:text=D'abord%20jeu%20de%20dupes, Du%20grand%20cin%C3%A9ma> (дата обращения: 03.08.2020).

-
- France Soir / Comte J-M. Les Indestructibles-2: maman aussi. URL: <http://www.francesoir.fr/culture-cinema/les-indestructibles-2-maman-aussi-critique> (дата обращения: 03.08.2020).
- Grazia / Soesanto L. Parasite, de Bong Joon-ho : à feu et à sangsues. URL: <https://www.grazia.fr/cannes/cannes-2019-parasite-critique-film-923372> (дата обращения 03.08.2020).
- La Croix / Rouden C. Ad Astra, une somptueuse odyssee intérieure. URL: <https://www.la-croix.com/Culture/Cinema/Ad-Astra-somptueuse-odyssee-interieure-2019-09-17-1201048124> (дата обращения 03.08.2020).
- Le Parisien / Renaud B. Ad Astra: l'époustouflante quête spatiale de Brad Pitt. URL: www.leparisien.fr/culture-loisirs/cinema/ad-astra-l-epoustouflante-quete-spatiale-de-brad-pitt-17-09-2019-8154096.php (дата обращения: 03.08.2020).
- Le Parisien / Renaud B. Les Indestructibles 2 : ils vont encore tout casser! URL: www.leparisien.fr/culture-loisirs/cinema/les-indestructibles-2-ils-vont-encore-tout-casser-03-07-2018-7805784.php (дата обращения: 03.08.2020).
- Les Inrocks / Ribeton T. Les Indestructibles 2. URL: www.lesinrocks.com/cinema/films-a-l-affiche/les-indestructibles-2/ (дата обращения 03.08.2020).
- Paris Match / Vely Y. Ad Astra de James Gray – la critique. URL: www.parismatch.com/Culture/Cinema/Ad-Astra-de-James-Gray-la-critique-1647525 (дата обращения: 03.08.2020).
- Premiere / Golhen G. Parasite, une fable furieuse et politique magistrale. URL: www.premiere.fr/Cinema/News-Cinema/Parasite-une-fable-furieuse-et-politique-magistrale--Critique (дата обращения 03.08.2020).

УДК 811

Д. М. Шелехов

аспирант кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: shelekhov93@gmail.com

**ПУТИ ПЕРЕДАЧИ АНГЛИЙСКИХ ФОНЕМ
В УСТНОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА
(опыт социофонетического эксперимента)**

В статье рассматривается социофонетический аспект функционирования англицизов в устной речи респондентов-носителей немецкого языка. Для достижения цели был составлен список из 40 высказываний на немецком языке, включающий в себя слова-стимулы. Реализация информантами этих слов-стимулов показала степень адаптации и варианты подстановки фонем при употреблении англицизов в немецкой речи. В исследовании используются методы анкетирования, социофонетического и контрастивного анализа.

Ключевые слова: социофонетика; артикуляция; субституция; акцент; эксперимент.

D. M. Shelekhov

PhD student, Department of Linguistics, Translation Studies and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; e-mail: shelekhov93@gmail.com

**TRANSMISSION OF NON-EQUIVALENT ENGLISH PHONEMES
IN ORAL SPEECH OF NATIVE GERMAN SPEAKERS
(sociophonetic experiment)**

The article considers sociophonetic aspect of anglicisms functioning in German oral discourse. For that purpose, the list of 40 sentences has been compiled. They contain 58 stimulus words that include xenophones – the sounds foreign to the recipient language. Their use by native speakers of German demonstrates the adaptation degree and substitution varieties. The methods applied include contrastive and sociophonetic analysis to identify the speakers' age, gender and the English knowledge.

Key words: sociophonetics; articulation; substitution; accent; experiment.

Введение

Многовековые контакты английского и немецкого языков обусловили проникновение англицизов в немецкий язык. Наиболее активная фаза этого процесса началась в 90-е годы XX века с появлением Интернета и по причине растущей глобализации. Заимствования прочно вошли в такие сферы жизни общества, как образование, СМИ,

банковская сфера и финансы, спорт, мода, досуг, авиаперевозки, автомобилестроение и др.

Цель исследования – определить английские фонемы, которые респонденты-носители немецкого языка активируют в соответствии с фонетической нормой английского языка, а какие – подвергают субституции. Для достижения цели был проведен социофонетический эксперимент.

Актуальность данной работы продиктована общей направленностью современных исследований в сфере функциональной лингвистики на установление коррелятивных связей между языком и обществом, что допускает исследование контактов идиомов на фонологическом уровне и изучение взаимовлияния близкородственных языков.

В исследовании используются следующие методы:

- опрос респондентов – представителей социальной группы учащихся высших учебных заведений Баварии;
- социолингвистический анализ для определения таких особенностей речи информантов, как социальный статус, образовательный уровень, включая степень владения английским языком;
- контрастивный анализ для определения параметров отклонения в реализации фонем современного английского языка под влиянием современной немецкой произносительной нормы и ее реализация в Баварии;
- социофонетический анализ для определения условий корректной и отклоняющейся реализации, обусловленных социальным статусом и уровнем владения английским языком;
- акустический анализ, выполненный с помощью программы WavePad Audio Editor, применяется с целью извлечения и группировки целевых сегментов аудиозаписи и составления транскрипций слов-стимулов;
- метод сплошной выборки используется для анализа собранного эмпирического материала и соответствует принципам объективности и репрезентативности исследования.

Особенности изучения иностранного языка сквозь призму процессов когниции

Возраст, когда человек овладевает тем или иным языком, является решающим фактором для определения «статуса» языка в его жизни:

будет ли этот язык для индивида родным или иностранным. Согласно теории Эрика Леннеберга «Гипотеза критического периода» (Critical Period Hypothesis), предельный возраст овладения языком как родным – пять лет [Lenneberg 1967]. До этого возраста структуры мозга ребенка еще способны «подстраиваться» под изучение того или иного языка. По мнению Э. Леннеберга, после окончания латерализации функций головного мозга, способность усвоения языка как родного утрачивается [Lenneberg 1967].

Однако в 1995 году было доказано, что с возрастом способность к изучению иностранного языка «уменьшается», но не исчезает полностью. Таким образом, нет никакого переломного момента, или критического периода, после которого язык не может стать для человека родным [Flege, Takagi, Mann 1995].

Спорным является и подход, описанный в работах Закарии Абухамдии. По его мнению, сенсомоторный опыт произнесения тех или иных звуков иностранного языка, отсутствующих в родном для человека языке в период его детства, делает невозможным образование в мозгу синоптических связей, характерных для произношения этих звуков. Таким образом, в более позднем возрасте человек хуже воспринимает и воспроизводит незнакомые звуки [Abuhamdia 1987].

Кроме того, индивидуальные особенности, как способности и мотивация обучающегося, прямо влияют на успешность овладения иностранным языком. Схожесть изучаемых языков и культур, а также среда, в которой происходит изучение языка (например, страна изучаемого языка или школьный урок), влияют на появление иностранного акцента. По мнению Юлии Абреш, влияние возраста и развития детей на восприятие иностранного языка условно. Так, при определенных обстоятельствах и более взрослые лица могут на слух воспринимать контрасты в иностранных языках. Поэтому в новых моделях усвоения иностранного языка внимание обучающегося во время аудирования играет важную роль, то есть ребенок фокусирует свое внимание на контрастах, важных для родного языка, при этом не теряется способность воспринимать иноязычные контрасты [Abresch 2007].

В свою очередь, Д. А. Петренко и К. К. Соловьева считают, что любой индивид, являясь частью определенного слоя общества, класса или группы, усваивает язык произвольно. Таким образом, в процессе социализации у коммуникантов формируется так называемая

социолингвистическая компетенция, проявляющаяся в использовании различных социально обусловленных вариантов языка. Каждое высказывание содержит, по их мнению, наряду с конкретным содержанием и ряд социальных маркеров, указывающих на принадлежность носителя языка к определенной социальной группе. [Петренко, Соловьева 2018].

Бесспорно, каждое из приведенных выше суждений ставит во главу угла вопросы семантики высказывания. Однако в случае со звучащей речью необходимо отметить роль произношения как социального маркера.

Социофонетический эксперимент

Для достижения поставленной цели был проведен опрос 30 информантов из Баварии, принадлежащих к социальной группе учащихся высших учебных заведений и являющихся носителями немецкого языка. Респонденты заполнили анкеты, указав, среди прочего, возраст, пол, уровень образования и период изучения английского языка. Информанты, обучающиеся в Регенсбургском университете и Восточнобаварской высшей школе технических наук, также зачитали по 40 предложений на немецком языке, в которых присутствовали по 60 слов-стимулов.

Собранный эмпирический материал позволил рассчитать частотность появления определенных ксенофонов – звуков, заимствованных из языка-донора и чуждых языку-реципиенту. По мнению А. Д. Петренко и Д. А. Петренко, любые группы коммуникантов, иерархически упорядоченные в соответствии с неязыковыми критериями, в том числе социальной принадлежностью, полом и возрастом, могут быть так же упорядочены по признаку различной реализации произносительных явлений в речи [Петренко, Петренко 2017]. Таким образом, проведенный акустический, контрастивный и социофонетический анализ речи немецкоязычных информантов позволил выделить субституции в использованных английских заимствованиях.

По мнению Ю. Абреш, иностранный акцент определяется восприятием носителя другого языка, а не объективно измеряемыми различиями в речевом сигнале. Следует также отметить, что на акцент влияют нейрофизиологические и социологические факторы [Abresch 2007]. Так, не все респонденты, родным языком которых является немецкий, совершали идентичные ошибки, произнося англицизмы в ходе эксперимента.

Вышеуказанное обстоятельство определило целесообразность исследования произношения немецкоязычными информантами фонем, распределенных по пяти категориям:

- 1) согласные [θ], [ð], [dʒ], [w], которые маркируют артикуляционную базу английского языка и не имеют схожих фонем в немецком;
- 2) звонкие альвеолярные аппроксиманты [ɹ], [ɻ], которые имеют эквивалентные фонемы в двух языках, однако их артикуляция значительно различается;
- 3) звонкие взрывные согласные [b], [d], [g] в исходе слова, которые имеют эквивалентные фонемы, однако произносятся в соответствии с фонотактической нормой современного немецкого языка;
- 4) звонкий фрикатив [v] и звонкий сибиллянт [z] в исходе слова, имеющие эквивалентные фонемы, однако произносимые в соответствии с фонотактической нормой немецкого языка;
- 5) гласные [æ], [ʌ], [ɑ:], [ɔ:], частично реализуемые изоморфно в безударном положении.

Для проведения эмпирического исследования был составлен список слов-стимулов, или англицизмов, которые отбирались по принципу пропорционального наличия релевантных для исследования фонетических переменных.

Источником английских заимствований послужил электронный корпус «Deutscher Wortschatz» Лейпцигского университета, базирующийся на материалах газетных и электронных СМИ. При составлении списка англицизмов в поисковую строку на сайте онлайн-корпуса заносилось слово-стимул, затем из списка выбиралось предложение, его содержащее [Deutscher Wortschatz URL].

Респондентам были представлены предложения, содержащие такие англицизмы, как *father*, *gender*, *homepage*, *smoothie*, *web*. Предложения отбирались по принципу наличия в них максимально возможного количества ксенофонов. Приведенные в исследовании высказывания и слова-стимулы отражают сферы функционирования английского языка как в Баварии, так и по всей Германии.

Следующий этап исследования заключался в составлении базы данных аудиозаписей высказываний на английском языке информантов-носителей немецкого языка и их фонетической транскрипции:

рассматриваются 15 переменных (11 согласных и 4 гласных). Всего в аудиозаписях зафиксированы 10 290 случаев реализации социофонетических переменных.

Необходимо подчеркнуть, что слова-стимулы, представленные респондентам, не выделялись ни курсивом, ни полужирным, ни каким бы то ни было другим способом. Это позволило исключить предиктивно английское произношение.

Методика анализа эмпирических данных

Для анализа полученных аудиоданных использовалась программа WavePad Audio Editor by NCH Software. Данное программное обеспечение позволяет как работать со звуковой волной, так и производить сегментирование аудиофайлов. Для определения нормативного варианта произношения английских слов использовался электронный словарь «Oxford Learner's Dictionaries» [Oxford Learner's Dictionaries URL], так как в нем используется транскрипция на базе Международного фонетического алфавита (МФА).

Транскрибирование англицизмов проводилось на основе расширенного фонетического алфавита методов оценки речи (X-SAMPA, Extended Speech Assessments Methods Phonetic Alphabet). Он представляет собой систему записи знаков международного фонетического алфавита с помощью набора символов ASCII (American Standard Code for Information Interchange – кодировка, в которой некоторым распространенным печатным и непечатным символам сопоставлены числовые коды).

Использование расширенного фонетического алфавита методов оценки речи (X-SAMPA) позволяет максимально точно передать в письменной форме любой произведенный информантами звук. Полученные данные вносились в таблицу Microsoft Excel. Частотность вариантов реализации звуков рассчитывалась при помощи программы статистического анализа JASP.

Результаты социофонетического эксперимента

Как уже было сказано выше, английские фонемы, подвергнутые анализу, были распределены по *пяти категориям*. *Первая* – согласные [θ], [ð], [dʒ], [w], которые не имеют сходных по фонематическим характеристикам звуков в немецком языке.

Так, глухой интердентальный фрикатив [θ] был реализован корректно в 97% случаев, в 3% случаев наблюдается субституция глухим альвеолярным взрывным [t].

Звонкий интердентальный фрикатив [ð], в свою очередь, был реализован корректно в 75% случаев, в 19% случаев наблюдается субституция глухим интердентальным фрикативом [θ], в 3% – звонким лабиально-дентальным спирантом [v], в 2% – звонким альвеолярным взрывным [d], в 1% – глухим альвеолярным спирантом [s].

Звонкая постальвеолярная аффриката [dʒ] реализуется корректно в 98% случаев, в 2% случаев наблюдается субституция звонким велярным взрывным [g]. Необходимо также отметить полное отсутствие палатализации в речи информантов, что характерно для немецкой произносительной нормы.

Звонкий лабиовелярный аппроксимант [w] реализуется корректно в 81,3% случаев, в 18,7% случаев наблюдался немецкий звонкий лабиально-дентальный спирант [v]. Примечательно, что интерференция с немецким аллофоном /w/, реализуемым как [v], наблюдается относительно редко.

Вторая категория – звонкие альвеолярные аппроксиманты [ɹ], [ɻ], которые имеют эквивалентные фонемы в двух языках, однако их артикуляция значительно различается.

Так, звонкий альвеолярный аппроксимант [ɹ] был реализован корректно в 80,6% случаев. Несмотря на то что в Баварии распространен звонкий альвеолярный вибрант [r], респонденты всё же придерживались нормы литературного немецкого языка (Hochdeutsch), в котором /r/ является звонким увулярным фрикативом и произносится, соответственно, как [ʁ]. В 19,4% случаев информанты отдали предпочтение [ʁ].

Звонкий веляризованный альвеолярный латеральный аппроксимант [ɹ̥], так называемый *темный* [ɹ̥], характерный для английского языка, реализуется корректно в 33,6% случаев. В 66,4% случаев он переходит в немецкий звонкий латеральный альвеолярный аппроксимант [ɹ], или так называемый *светлый* [ɹ].

Третья категория – звонкие взрывные согласные [b], [d], [g], в исходе слова, которые имеют эквивалентные фонемы, однако произносятся в соответствии с фонотактической нормой немецкого языка.

Так, звонкий билабиальный взрывной [b] в исходе слова оглушается до глухого билабиального взрывного [p] в 94 % случаев. В 6 % случаев реализуется как [b].

Звонкий альвеолярный взрывной [d] в исходе слова оглушается до глухого альвеолярного взрывного [t] в 16,7 % случаев. В 83,3 % случаев реализуется как [d].

Звонкий веларный взрывной [g] в исходе слова оглушается до глухого веларного взрывного [k] в 25 % случаев. В 75 % случаев реализуется как [g].

Четвертая категория – звонкий фрикатив [v] и звонкий сибилант [z] в исходе слова, которые имеют эквивалентные фонемы, однако произносятся в соответствии с фонотактической нормой немецкого языка.

Так, звонкий лабиально-дентальный фрикатив [v] в исходе слова оглушается до глухого лабиально-дентального фрикатива [f] в 100 % случаев.

Звонкий альвеолярный сибилант [z] в исходе слова также оглушается до глухого альвеолярного сибиланта [s] в 100 % случаев.

Пятая категория – гласные [æ], [ʌ], [ɑ:], [ɔ:], частично реализуемые в безударном положении. Ненапряженный неогубленный гласный переднего ряда нижнего подъема [æ] в безударном положении реализован корректно в 76 % случаев. В 21,2 % случаев наблюдается его субституция немецким неогубленным гласным переднего ряда средне-нижнего подъема [ɛ], а в 2,8 % – субституция немецким неогубленным гласным среднего ряда нижнего подъема [a].

Краткий неогубленный гласный заднего ряда средне-нижнего подъема [ʌ] был реализован корректно в 80,8 % случаев. В 18,4 % наблюдалась субституция огубленным гласным заднего ряда средне-верхнего подъема [o], а в 0,8 % случаев – огубленным гласным заднего ряда верхнего подъема [u].

Долгий неогубленный гласный заднего ряда нижнего подъема [ɑ:] и долгий огубленный гласный заднего ряда средне-нижнего подъема [ɔ:] были реализованы корректно в 100 % случаев.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- не имеющие сходных по фонематическим характеристикам в немецком языке английские фонемы [θ], [ð], [dʒ], [w]

реализуются преимущественно корректно – в среднем в 88 % случаев, что объясняется появлением в сознании респондентов новых категорий, сформированных во время изучения английского языка и отличающихся от категорий родного языка;

- фонема [r] также в большинстве случаев реализуется корректно (80,6 %); респонденты предпочитают использовать «светлый» /l/ (66,4 %), который ближе к немецкому /l/, чем «темный» /l/ (33,6 %), что объясняется схожей артикуляцией со звуками родного языка;
- звонкие взрывные согласные [b], [d], [g] в исходе слова реализуются преимущественно корректно – в среднем 55 % случаев;
- в соответствии с фонотактической нормой немецкого языка звонкий лабиально-дентальный фрикатив [v] и звонкий альвеолярный сибилант [z] в исходе слова оглушаются до глухого лабиально-дентального фрикатива [f] и глухого альвеолярного сибиланта [s] соответственно в 100 % случаев;
- гласные [æ] [ʌ], [ɑ:], [ɔ:], не полностью реализуемые в безударном положении, произносятся преимущественно корректно – в среднем в 89 % случаев, что так же объясняется формированием новых категорий в сознании информантов.

Наблюдаемые варианты субституций свидетельствуют о том, что при изучении английского языка для английских фонем, не имеющих сходных по фонематическим характеристикам в немецком языке, в сознании носителей немецкого языка формировались новые категории [Best 1995; Flege 1995]. Случаи, когда языковой уклад немецкого языка превалировал над английским, то есть у респондентов активировались категории, характерные для немецкого языка, так как это было для них привычнее, наблюдались всего в 12 % реализаций. Например, субституция звонкого лабиовелярного аппроксиманта [w] звонким лабиально-дентальным спирантом [v] наблюдалась только в слове *web* (что можно объяснить интерференцией с немецким аллофоном /w/, реализуемым как [v]), в то время как лексема *Queen* была реализована корректно всеми информантами

Исходя из сказанного выше, следует, что слово *web* уже не опознается носителями немецкого языка как иностранное, т. е. оно рефонемизируется в соответствии с немецкой фонетической нормой.

Наблюдаемая ситуация подтверждает постулат Дж. Фледжа о том, что похожие звуки ассоциируются со звуками родного языка: это обуславливает их соответствующее произношение, что приводит к типичным ошибкам в произношении [Flege 1995]. Тот факт, однако, что в слове *web* [w] был реализован корректно лишь в 46,7% случаев и [b] в аудите оглушался до [p] в 96,7% случаев, свидетельствует о том, что слово постепенно входит в немецкий узус. Данный факт позволяет предположить, что в будущем лексема *web* может читаться как [vɛp], что может стать новой фонетической нормой немецкого языка. На сегодняшний же день словарь немецкого языка Duden допускает две произносительные нормы: основную [vɛp] и возможную, или дополнительную, – [web] [Duden URL].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Петренко А. Д., Петренко Д. А.* Социофонетические аспекты вариативности языка // Человек в информационном пространстве: понимание в коммуникации: сборник научных трудов / под общ. ред. Н. В. Анискиной, Л. В. Уховой: в 2 т. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2017. Т. 2. С. 107–116. [Petrenko, A. D., Petrenko, D. A. (2017). Sociofoneticheskie aspekty variativnosti jazyka. In Anis'kina, N. V., Uhova, L. V. (eds.), Chelovek v informacionnom prostranstve: ponimanie v kommunikacii (pp. 107–116): in 2 vols. Jaroslavl': Izd-vo JaGPU. Vol. 2. (In Russ.)].
- Петренко Д. А., Соловьева К. К.* Особенности социолектов в Германии // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы : материалы III Международного научного конгресса / под ред. Е. В. Полховской. 2018. С. 89–94. [Petrenko, D. A., Solov'eva, K. K. (2018). Osobennosti sociolektov v Germanii. In Polhovskaj, E. V. (ed.), Inostrannaja filologija. Social'naja i nacional'naja variativnost' jazyka i literatury (pp. 89–94): materialy III Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa. (In Russ.)].
- Электронный корпус текстов на немецком языке Лейпцигского университета. URL: www.wortschatz.uni-leipzig.de/de (дата обращения: 10.01.2020).
- Abresch J.* *Englisches in gesprochenem Deutsch. Eine empirische Analyse der Aussprache und Beurteilung englischer Laute im Deutschen: Inauguraldissertation zur Erlangung der Doktorwürde.* Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2007. 261 S.
- Abuhamdia Z. A.* *Neurobiological Foundations for Foreign Language Accents / Z. A. Abuhamdia // International Review of Applied Linguistics in Language Teaching.* Berlin: De Gruyter, 1987. Vol. 25 (3). S. 203–213.

- Best C. T.* A direct realist view of cross-language speech perception // *Speech Perception and Linguistic Experience: Theoretical and Methodological Issues* / W. Strange (Hrsg.). Timonium: York Press, 1995. S. 171–204.
- Duden. Электронный словарь немецкого языка. URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения 07.05.2020).
- Flege J. E.* Second Language Speech Learning: Theory, Findings and Problems // *Speech Perception and Linguistic Experience: Theoretical and Methodological Issues in Cross-Language Speech Research* / W. Strange (Hrsg.). Timonium: York Press, 1995. S. 233–272.
- Flege J. E., Takagi N., Mann V.* Japanese Adults can learn to produce /ç/ and /l/ accurately” // *Language and Speech* 38 (1). SAGE Journals. New York, 1995. S. 25–55.
- Lenneberg E. H.* The biological foundations of language. New York: Wiley, 1967.
- Oxford Learner’s Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 07.05.2020).

УДК 81.373.45

А. Н. Шумакова

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: ashumakova@yandex.ru

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КРЫЛАТЫЕ ФРАЗЫ-АНГЛИЦИЗМЫ И АМЕРИКАНИЗМЫ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ

В статье рассматриваются особенности функционирования идеологических крылатых фраз, заимствованных из английского языка, в современной французской прессе. Эти фразы мотивированы ассоциациями с источниками, их экспрессивность и прагматический потенциал усиливаются при окказиональной трансформации. На материале современной французской прессы анализируются семантические и структурные особенности заимствованных крылатых фраз, рассматриваются их функции в тексте.

Ключевые слова: французский язык; англицизм; американизм; крылатая фраза; L'Obs; окказиональная трансформация.

A. N. Shumakova

PhD (Philology), Associate Professor, Department of Lexicology and Stylistics of the French Language, Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University; e-mail: ashumakova@yandex.ru

ON IDEOLOGICAL CATCH PHRASES BORROWED FROM ENGLISH IN MODERN FRENCH NEWS MAGAZINES

The paper focuses on the use of ideological catch phrases borrowed from English in the present-day French periodicals. These phrases are motivated due to associations with their source. Their expressiveness and pragmatic potential are increased using occasional transformations. Structural and functional features of ideological catch phrases are analyzed with reference to examples from L'Obs magazine.

Key words: French; Anglicism; Americanism; catch phrase; L'Obs; transformation.

Введение

В современной французской прессе можно увидеть заимствования из разных языков, прежде всего английского языка и его американского варианта, что связано с ролью английского языка в качестве языка делового общения. Кроме отдельных слов и словосочетаний, в прессе используются заимствованные устойчивые фразы, изменяемость

лексического состава и грамматической структуры которых существенно ограничена. К устойчивым фразам относят пословицы, поговорки, а также крылатые фразы (КФ) – устойчивые фразеологизмы образного или афористического характера, вошедшие в лексику из исторических или литературных источников, получившие широкое распространение благодаря своей выразительности. Ранее мы исследовали в основном особенности употребления отдельных слов и словосочетаний – англицизмов и американизмов во французской прессе [Шумакова 2016], а в этой статье хотели бы обратиться к анализу заимствованных КФ.

Одним из видов КФ являются идеологические фразы, «представляющие собой общеупотребительные сжатые формулировки философских, социальных или политических принципов»: цитаты из политических документов, трудов и высказываний общественных деятелей, а также лозунги, строки из политических песен и т. п. [Райхштейн 2004, с. 152]. Эти КФ можно отнести к прецедентным явлениям, они мотивированы благодаря ассоциациям с политическим текстом, из которого они заимствованы, или с личностью политика, употребившего их в речи (например, *We can* – лозунг президентской кампании Б. Обамы). Следовательно, для понимания таких КФ необходима экстралингвистическая информация.

Заимствования содержат элемент новизны, придают газетному тексту дополнительную выразительность, экспрессивность. Кроме того, именно через прессу многие заимствования проникают во французский язык и ассимилируются. Учитывая это, мы решили проанализировать семантические особенности и функции некоторых наиболее употребительных идеологических КФ – заимствований из английского языка.

Материал анализа

Для анализа мы выбрали две наиболее употребительные фразы, которые можно отнести к идеологическим КФ: *Make America great again*, слоган президентской кампании Д. Трампа в 2016 году, и *God save the Queen*, фразу из государственного гимна Великобритании. Сначала мы рассмотрели семантическую структуру этих фраз, а затем проанализировали форму их употребления и их функции в общественно-политическом журнале «L'Obs». Мы выбрали это издание, потому что в нем освещается широкий круг тем.

Семантические особенности и функции заимствованных КФ во французской прессе

Одна из самых известных идеологических КФ – слоган президентской кампании Дональда Трампа в 2016 году *Make America great again!* (букв. 'Вернем Америке ее величие'). По данным «Politics Dictionary», впервые Д. Трамп использовал фразу *Make America great again!* в 2011 году, когда заявил о намерении баллотироваться в президенты США. Перед началом президентской кампании 2016 года он зарегистрировал свое высказывание в качестве торговой марки [Politics Dictionary URL]. В наши дни фраза *Make America great again!* (как и ее сокращенная форма *MAGA*, по первым буквам компонентов фразы) стала крылатой, при этом она ассоциируется с личностью Д. Трампа и его политикой, приоритет которой – повысить авторитет США на мировой сцене.

Однако в США восприятие этой фразы не всегда однозначно. Анализируемая КФ близка к слогану *Let's make America great again!*, который в 1980 году во время экономического кризиса использовал Рональд Рейган. Б. Обама и Х. Клинтон, оппоненты Д. Трампа, полагают, что из-за этого в слогане содержится намек на слабость США. Другие критики связывают желание вернуть былое величие с политикой 1950-х, когда наблюдался рост экономики, но не соблюдались права женщин и меньшинств. У некоторых сторонников Д. Трампа слова о былом величии ассоциируются с эпохой, когда в стране было много рабочих мест на производстве, а такие темы, как политическая корректность, не слишком интересовали общество [Politics Dictionary URL].

КФ *Make America great again!* отличается положительной коннотацией, она содержит призыв повысить престиж страны, что выражается благодаря грамматической структуре фразы (предложение в повелительном наклонении) и проявляется в семах «величие», «вернуть». Однако данная КФ может восприниматься и с негативной коннотацией, так как содержит намек на слабое государство и ассоциативно связана с дискриминацией и отсутствием политкорректности. При этом фраза мотивирована, обладает прозрачной внутренней формой, создаваемой значениями компонентов, а также ассоциациями с личностью и политикой Д. Трампа. Как пишет М. С. Матюшенко в статье, посвященной англоязычным заимствованиям во французских слоганах, слоганы, «в которых используются англоамериканизмы,

привлекают внимание, так как они ритмичные, краткие и емкие» [Матюшенко URL]. Рассматриваемая КФ – американизм также экспрессивна благодаря ритму, создаваемому ее компонентами.

Благодаря мотивированности и экспрессивности КФ *Make America great again!* используется и во французской прессе. Как показал проведенный анализ, она может выделяться кавычками, так как это слоган. Поскольку значение КФ широко известно, она часто употребляется без пояснений. В ряде случаев ее значение поясняется контекстом и / или французской калькой, например:

Dès lors, les attaques de Trump contre quatre élus démocrates sont «quelque chose qui va à l'encontre de la grandeur de l'Amérique», un clin d'oeil au slogan du président américain «Make America great again» («Rendre sa grandeur à l'Amérique») (*L'Obs.* 19.07.2019).

Это фраза из статьи, где говорится о критическом настрое Ангелы Меркель по отношению к высказываниям Д. Трампа. Из приведенного отрывка следует, что, по мнению канцлера Германии, агрессивные высказывания о сенаторах-демократах из числа мигрантов не соответствуют намерению Д. Трампа вернуть Америке ее величие. КФ поясняется с помощью французской кальки *rendre sa grandeur à l'Amérique* с тем же значением, а также контекста (*grandeur de l'Amérique – величие Америки*). КФ используется в тексте в качестве цитаты-лозунга предвыборной кампании Д. Трампа.

Выше мы привели пример употребления КФ *Make America great again* в узуальной форме, однако она часто подвергается окказиональным трансформациям. Анализ показывает, что чаще всего происходит замена компонента, например:

«Il y a plein de gens qui ont envie de changer mais c'est vachement dur car ça ne va jamais assez vite pour Greta et c'est toujours trop pour Donald», a-t-il ajouté au cours d'une discussion jeudi matin à l'Élysée avec 80 étudiants et chercheurs lauréats du programme «Make our planet great again» lancé il y a deux ans (*L'Obs.* 12.12.2019).

В приведенном отрывке говорится о трудностях с реализацией программы по защите окружающей среды *Make our planet great again* (букв. 'Сделаем нашу планету снова великой'), о запуске которой два года назад объявил президент Франции Э. Макрон. В данной

статье преобразованная КФ употребляется в номинативной функции, в качестве названия программы. Это название, предложенное президентом Франции, создано путем замены компонента *America* на компонент *planet* в КФ, произнесенной Д. Трампом. Трансформация позволяет оживить образ, лежащий в основе КФ, и привлечь внимание к проблемам климата, потому что содержит призыв улучшить экологическую обстановку на планете (семы «величие», «планета»), в этом проявляется положительная коннотация преобразованной КФ. В то же время можно предположить, что благодаря замене компонента фраза *Make our planet great again* выражает неодобрение действий Д. Трампа, так как программа была начата после того, как в 2017 году президент США заявил о выходе его страны из Парижского соглашения по климату.

Трансформированная КФ *Make America great again* употреблялась для описания обстановки на политической сцене и далее:

Piqué au vif par le discours du Français qui avait dénoncé les dangers du «nationalisme», il avait moqué «la très faible cote de popularité» d'Emmanuel Macron. «MAKE FRANCE GREAT AGAIN», avait-il ajouté, en reprenant son propre slogan, «Rendre à l'Amérique sa grandeur».

Une façon de rendre la monnaie de sa pièce à un président français qui avait osé lancer «Make our planet great again» pour dénoncer la décision de Donald Trump de se retirer de l'Accord de Paris (*L'Obs.05.06.2019*).

Как следует из приведенного отрывка, Д. Трамп критично отозвался о политике французского президента, используя для этого собственное высказывание. В КФ *Make America great again* компонент *America* заменен на компонент *France*. Фраза употреблена с негативной коннотацией, потому что содержит намек на непопулярность политики французского президента, и это поддерживается контекстом (*la très faible cote de popularité – очень низкий рейтинг*). Трансформированная фраза выделена графически: она набрана прописными буквами, что выделяет ее на фоне остального текста и привлекает внимание. В целом новая фраза отражает негативное мнение Д. Трампа о политике Э. Макрона, а также показывает напряженность в отношениях между двумя лидерами. Интересно, что автор статьи с иронией относится к этой ситуации и считает, что таким образом Д. Трамп, обиженный на критику американской политики (*piqué au*

vif – задетый за живое), а также названием новой программы по защите климата, придуманным Э. Макроном после выхода США из соглашения по климату (*avait osé lancer le programme – осмелился запустить программу*), попытался отомстить (*rendre la monnaie de sa pièce – отплатить той же монетой*).

В некоторых случаях КФ *Make America great again* подвергается нескольким видам окказиональной трансформации:

C'est Steve Doocy, l'un des caniches du président américain sur Fox News, qui a eu l'idée de génie : « Make America Great Again » ou Maga, le slogan de la campagne de Donald Trump, « devrait maintenant vouloir dire “Masks Are Great Again” [“Les masques sont à nouveau formidables”, NDLR] ». Il n'en a pas fallu plus pour que le gouverneur de l'Arizona embraye avec un : « Armez-vous de masques », et son collègue de Géorgie fasse le tour de l'Etat pour promouvoir le port de ce qui reste la barrière la plus efficace contre le virus (*L'Obs. 02.07.2020*).

Это отрывок из статьи, рассказывающей о борьбе с коронавирусом COVID-19 в некоторых штатах США. По призыву Д. Трампа летом многие предприятия возобновили работу, что привело к росту числа заболевших и необходимости усиливать защитные меры (например, потребовать ношение маски). В результате Стив Дуси, ведущий телеканала «FoxNews», предложил изменить слоган президентской кампании Д. Трампа, чтобы популяризировать маски: *Masks Are Great Again* (букв.: 'маски снова великолепны'). В преобразованной КФ произошла замена компонентов (появилось слово *mask* – маска), изменилась грамматическая структура: преобразованная фраза – это утвердительное предложение, при этом в новой фразе сохраняются ритмичность и емкость, свойственные исходной фразе. В результате окказиональной трансформации изменяется образ, лежащий в основе фразы: во фразе выражена мысль о пользе масок. Положительная коннотация сохранена, так как можно выделить сему «великолепный» в значении прилагательного *great*, а ассоциации с исходной фразой и сохранение исходной аббревиатуры позволяют привлечь внимание. В тексте статьи КФ передает национальный колорит при описании событий в США. Преобразованная КФ не препятствует пониманию текста, так как поясняется французской калькой. При этом, на наш взгляд, новая фраза содержит оттенок иронии, потому что создана на

основе фразы Д. Трампа, который сначала очень скептически отнесся к новому вирусу и защитным мерам. Автор также с иронией рассказывает о том, как быстро губернаторы штатов, где не соблюдались меры безопасности, одобрили ношение масок (*Il n'en a pas fallu plus – более ничего и не потребовалось*).

Наряду с КФ – американизмом – слоганом кампании Д. Трампа, во французской прессе широко употребляется КФ – англицизм *God save the Queen* (букв. 'Боже, храни королеву'). Эта фраза – название и строка государственного гимна Великобритании. История возникновения британского гимна изучена не до конца. По данным журнала «History today», песня, прославляющая короля, получила известность в 1745 году, при этом фраза звучала иначе: *God save the King* (букв.: 'Боже, храни короля'). Такой вариант КФ встречается в ранних переводах Библии на английский язык. После прихода к власти королевы Виктории компонент *king* заменили на слово *queen* – королева, а мелодия стала государственным гимном (*God Save the Queen: the History of the National Anthem // History Today. V. 3 Issue 5. May 1953. URL: <https://www.historytoday.com/archive/god-save-queen-history-national-anthem>*). В наши дни в Великобритании и Канаде фраза *God save the Queen* используется как название британского гимна, а также для выражения патриотизма и надежды на долгую жизнь монарха, особенно в присутствии королевы [YourDictionary URL]. В английском языке эта фраза мотивирована, потому что ощущается внутренняя форма, создаваемая значениями компонентов, кроме этого, мотивированность создается благодаря ассоциациям с источником, в значении фразы можно выделить семы «просьба», «хранить», «монарх», «долголетие».

КФ *God save the King* (или *Queen*) известна во многих языках. Ее влияние видно в русском дореволюционном гимне «Боже, Царя храни». Эта фраза употребляется и во французском языке. В книге Ж. Турнье «Les mots anglais du français» сказано, что фраза *God save the King* (или *Queen*) является заимствованием из области культуры и впервые была зафиксирована во французском языке в 1818 году [Tournier 1998, с. 127]. Значение фразы поддерживается традицией употребления и ассоциациями с источником, она мотивирована во французском даже для тех, кто не владеет английским, и часто употребляется во французской прессе без пояснений, например:

Devant le Parlement britannique à Londres, on s'est embrassé et on a chanté «God Save the Queen» pour savourer l'indépendance retrouvée, trois ans et demi après le vote de 52% des Britanniques en faveur du Brexit (*L'Obs*. 01.02.2020).

Это предложение из статьи о проблемах, с которыми Великобритания может столкнуться после выхода из ЕС. Автор рассказывает, как британцы празднуют выход своей страны из ЕС. В этом случае КФ *God Save the Queen* как название национального гимна передает национальный колорит.

Анализируемая КФ часто подвергается окказиональной трансформации, при этом в большинстве случаев происходит замена компонента, например:

God Save the Aliens : Benjamin Clementine et Rostam chantent l'étranger (*L'Obs*. 13.09.2017).

Это заголовок заметки о двух исполнителях, в творчестве которых затрагиваются проблемы мигрантов. В КФ компонент *queen* заменен на англицизм *aliens*, который, по данным словарей, в английском языке имеет несколько значений: 1) иностранец, 2) изгой, 3) инопланетянин (все эти слова содержат сему «чужой»), а в данном случае, как следует из текста заметки, обозначает мигрантов. Чтобы компонент *aliens* не препятствовал пониманию заголовка, он поясняется словом *étranger*, которое, как и англицизм *aliens*, содержит сему «чужой». Благодаря замене компонента КФ привлекает внимание к статье, в которой затрагиваются вопросы миграции, а также позволяет читателю понять, что мигранты находятся в сложном положении (благодаря семам «просьба», «сохранить»). Возможно, трансформированная КФ вносит элемент интриги, так как нельзя исключить, что при первом прочтении компонент *aliens* будет восприниматься читателями, владеющими английским, в значении «инопланетянин». Кроме того, КФ – англицизм позволяет предположить, что речь идет об англоязычных исполнителях, что и подтверждается в дальнейшем в тексте.

Трансформированная КФ в заголовке связана с трансформированной КФ *God save the Jungle* (букв. 'Боже, храни джунгли') в первом параграфе заметки. Это название альбома, в котором англичанин Б. Клементин говорит о проблемах лагеря беженцев в Калэ, называемого «джунглями» из-за большого скопления народа, плохих санитарных

условий. Чтобы привлечь внимание к этому поселению беженцев, англоязычный альбом озаглавлен как британский гимн, а компонент *queen* заменен на *jungle* – джунгли. Употребление трансформированной КФ не препятствует пониманию текста, так как в подзаголовке автор кратко поясняет, чему посвящено творчество Б. Клементина (*chante la jungle de Calais – poète o «джунглях» в Калэ*), а слово *jungle* используется во французском языке в том же значении, что и в английском. Внимание к этой теме понятно из текста: автор заметки уточняет, что оба исполнителя произошли из семей мигрантов, что позволяет нам предположить, что трудности жизни мигрантов им хорошо известны. Завершается параграф риторическим вопросом, в котором можно увидеть КФ *God Save the Aliens* из заголовка, при этом существительное *aliens* использовано в форме единственного числа – *alien: God Save the Alien?* Поскольку риторический вопрос представляет собой утверждение, выраженное в вопросительной форме, очевидно, в этом случае он отражает мысль о том, что семья исполнителя Ростамы спаслась, покинув Тегеран во время революции 1979 года. Отметим, что употребление преобразованной КФ в сильной позиции также придает тексту дополнительную выразительность.

Приведем пример окказиональной трансформации КФ *God save the Queen* в статье о политике:

«God save the Prime minister.» Alors qu'elle espérait enfin avoir résolu l'épineux problème du Brexit avec l'accord de son gouvernement sur un projet de sortie du Royaume-Uni de l'Union européenne, Theresa May a dû essuyer une tempête politique avec la démission de cinq ministres et secrétaires d'Etat jeudi 15 novembre (*L'Obs. 16.11.2018*).

Это отрывок из статьи, опубликованной в 2018 году, где говорится о сложностях с голосованием по Брекситу, т. е. выходу Великобритании из ЕС. КФ *God save the Prime minister* употреблена в сильной позиции, в первом предложении первого параграфа текста, поэтому привлекает внимание читателя. КФ-англицизм передает местный колорит, так как речь идет о британском парламенте. Благодаря замене компонента *queen* на словосочетание *Prime minister* КФ информирует читателя о том, что речь пойдет о премьер-министре, обязанности которого в то время выполняла Тереза Мэй, а также отражает сложную обстановку в британском парламенте. Чтобы довести до конца

Брекзит, Т. Мэй должна была остаться на своем посту. Полагаем, что трансформированная КФ с пожеланием долголетия (актуализируются семы «просить», «сохранить», «долголетие») позволяет автору выразить отношение к Т. Мэй, которая, несмотря на все препятствия, двигалась к цели. Замена компонента не мешает пониманию фразы, так как из контекста понятно, почему премьер-министру нужна помощь: не удалось решить серьезную проблему с Брекситом (*l'épineux problème du Brexit*), а многие министры подали в отставку (*Theresa May a dû essuyer une tempête politique avec la démission de cinq ministres et secrétaires d'Etat*. – Терезе Мэй пришлось пережить настоящую политическую бурю из-за отставки пяти министров и госсекретарей). Отметим, что Брексит состоялся только в 2020 году, а Т. Мэй покинула свой пост в 2019 году после многочисленных неудачных попыток завершить этот процесс.

КФ *God Save the Queen* может участвовать в нескольких стилистических приемах. Так, один из разделов статьи, посвященной успеху молодого британского дизайнера Ричарда Куинна (Richard Quinn) на неделе моды в Лондоне, озаглавлен следующим образом: *God save the Quinn (L'Obs. 15.02.2020)*. В этом случае в КФ *God Save the Queen* компонент *queen* заменен на имя дизайнера – *Quinn*, что отражает содержание статьи. Благодаря замене компонента КФ участвует в игре слов, основанной на омонимии компонентов *queen – quinn*, что делает заголовок более привлекательным. Обыгрывание фразы, которую произносят в присутствии монарха, а также ее употребление по отношению к молодому дизайнеру содержит намек на блестящую карьеру Р. Куинна, о которой говорится в тексте.

Заключение

Проведенный анализ показал, что в современной французской прессе используются КФ, заимствованные из английского языка, включая идеологические КФ. Для понимания текста, в котором употреблено заимствование, необходима экстралингвистическая информация, так как КФ мотивированы благодаря ассоциациям с политическим текстом, из которого они заимствованы, или с личностью политика, употребившего их в речи.

Благодаря мотивированности и экспрессивности идеологические КФ обладают значительным прагматическим потенциалом. Они

используются в прессе как в узуальной, так и в окказиональной форме. Самый частый способ окказиональной трансформации – замена компонента, в результате чего оживляется образ, лежащий в основе КФ, появляются новые оттенки значения. Преобразованные КФ часто используются в сильной позиции. Они создают местный колорит, выполняют информационную функцию, привлекают внимание читателя, позволяют выразить отношение автора к изложенной информации. Полагаем, что эти выводы могут быть интересны для студентов, которые работают на занятиях по практическому курсу французского языка со статьями, где встречаются и КФ – англицизмы и американизмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Матюшенко М. С.* Англоязычные заимствования-неологизмы во французских слоганах (на материале прессы) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. 2. С. 170–180. URL: cyberleninka.ru/article/n/angloyazychnye-zaimstvovaniya-neologizmyvo-frantsuzskih-slogonah-na-materiale-pressy (дата обращения: 30.08.2020). [Matjushenko, M. S. (2018). Neologisms Borrowed from American and British English in French Press Slogans. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2, 170–180. (In Russ.)].
- Райхштейн А. Д.* Немецкие устойчивые фразы. М.: Менеджер, 2004. [Rajhshtejn, A. D. (2004). *Nemeckie ustojchivye frazy (German Set Phrases)*. Moscow: Menedzher. (In Russ.)].
- Шумакова А. Н.* О некоторых особенностях англицизмов во французской прессе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Педагогические науки. 2016. Вып. 9 (748). С. 17–33. URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/9_748_internet.pdf (дата обращения: 30.08.2020). [Shumakova, A. N. (2016). Specifics of English Loanwords in the Present-Day French Periodicals. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Pedagogical studies*, 9(748), 17–33. (In Russ.)].
- L’Obs. Paris. URL: www.nouvelobs.com (дата обращения: 30.08.2020)
- Politics Dictionary. URL: <https://www.dictionary.com/e/politics/> (дата обращения: 30.08.2020).
- Tournier J.* Les mots anglais du français. P., Editions Belin, 1998.
- Your Dictionary. URL: www.yourdictionary.com (дата обращения: 30.08.2020).

УДК 82.311.1

О. В. Альбрехт

аспирант кафедры зарубежной литературы,
Литературный институт им. А. М. Горького;
e-mail: ars-kos@yandex.ru

ОБРАЗ МОРЯ В РОМАНЕ Э. ЗОЛЯ «РАДОСТЬ ЖИЗНИ»: МЕЖДУ ФИЛОСОФИЕЙ И МИФОМ

Статья представляет собой опыт анализа двойственной природы образа моря в романе Э. Золя «Радость жизни». Образ моря рассматривается как выполняющий значимую функцию в «романе идей» в связи с философскими коллизиями романа, а также как образ-миф в широком понимании. Основная гипотеза статьи в непреодоленности и дальнейшем развитии романтических философско-эстетических тенденций во французском натуралистическом романе. В статье использованы методы сравнительно-исторического литературоведения, а также инструменты семиотического анализа.

Ключевые слова: архетип; дионисийское начало; миф; натурализм; романтизм; философия жизни.

O. V. Albrecht

Postgraduate student, Department of Foreign Literature,
Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing;
e-mail: ars-kos@yandex.ru

IMAGE OF THE SEA IN THE NOVEL “LA JOIE DE VIVRE” BY E. ZOLA: BETWEEN PHILOSOPHY AND MYTH

The ambivalent nature of the image of the sea in the novel “The joy of living” (“La joie de vivre”) by E. Zola is analyzed in the article. First, the image of the sea is considered as a symbol that performs its special function in the “novel of ideas”. Second, the image of the sea is interpreted as an image-myth in a broad sense. The main hypothesis of the article is that romantic philosophical and aesthetic tendencies in the French naturalistic novel are not overpassed; moreover, these tendencies have got their further development. Methods of historical poetics, as well as tools of semiotic analysis are used in the article.

Key words: archetype; Dionysian principle; myth; naturalism; romanticism; philosophy of life.

Введение

Исследование романного творчества Э. Золя на протяжении более чем века регулярно наталкивается на определенный спектр проблем, связанных с попыткой соединить собственно филологический анализ, или интерпретацию текстов, с характером эстетической парадигмы, сформулированной самим автором. Курс на преодоление литературности как в классическом, так и в романтическом понимании, заявленный Золя в качестве манифеста, прежде всего в «Экспериментальном романе», – вступает в противоречие и с эстетикой, и с идеологией самих романских текстов [Толмачев 2004; Бондарев 2018].

Начиная с критических отзывов современников Золя – сторонников традиционной французской эстетики – формулируются вопросы о несоответствии эстетики романной формы и научно-позитивистской методологии натурализма. В работах XX–XXI веков постановка вопроса несколько меняется: ученые рассматривают связь натуралистического романа с общим контекстом культуры декаданса и модерна (и в таком случае наблюдают выход Золя-романиста за пределы позитивистских концепций в сторону прежде всего так называемой философии жизни) или акцентируют внимание на мифологических образах и сюжетах (константах, универсалиях, архетипах – зависит от теоретической подоплеки исследования), уточняя, что подобное прочтение делает из Золя противника реализма, понятого в духе XIX века, и провозвестника «мифологических перекодировок» модернистского искусства века XX.

Основной целью данной статьи является совмещение обеих вышеозначенных установок применительно к анализу образа моря в романе «Радость жизни» («La joie de vivre», 1884): показать соседство и непротиворечивость мифопоэтической и архетипической образности и глубокого философско-аналитического содержания произведения. Философия и миф в данной статье не противопоставлены, а представлены как два ключа к прочтению романа Золя: как полемической книги, критикующей романтическую пессимистическую философскую модель (и обращенную в первую очередь против философских идей А. Шопенгауэра) или как предмодернистского романа-мифа, из которого вычитываются универсальные культурные коды, оформляющие вечный конфликт рационального и стихийного, мужского и женского, конечного и бессмертного.

В качестве частных задач статьи мы ставим следующие:

- 1) рассмотреть образ моря как один из способов оформить в романе натуралистическую идеологию противопоставления природы культуре;
- 2) вписать образ моря в круг «стихийно-дионисийской» символики, возникающей в зрелом творчестве Э. Золя предположительно как рефлексия общих декадентских умонастроений 1880-х годов;
- 3) уточнить восходящий к романтизму смысловой горизонт образа моря, объяснить характер его присутствия в романе «Радость жизни»;
- 4) уточнить аспекты мифологической, архаической семантики, связанной с пространством моря, и ее связь с репрезентацией философских коллизий романа.

1. Натуралистическое «возвращение к природе» как культурный конструкт

Натуралистическая концепция природы как позитивного материального объекта, единственного объекта, доступного художнику, во многом является критикой романтического натурфилософского подхода. «Обладать чувством реального – это значит чувствовать натуру и передавать ее такую, какова она есть» [Золя 1966, т. 24, с. 407]. Объем понятий «натура», «природа» в XIX веке коррелирует с решением онтологической проблемы «реального», стоящей на повестке общепрограммы и позитивизма, и романтизма. Романтическое сведение любого явления к личному переживанию, индивидуальному опыту неординарной личности воспринимается позитивным мышлением как болезнь. Не случайно Золя (рискнем сказать, и еще целый ряд писателей этого времени) интересуется из всех болезней, особенно наследственных, в первую очередь нервными (в современном понимании, скорее, нервно-психическими) расстройствами, влекущими за собой невозможность здоровой оценки реальности.

Природа как литературная тема натурализма не поддерживает контекста «о возвышенном и прекрасном»: природа «никакая», ни прекрасная, ни безобразная, ни низменная, ни возвышенная; тем самым натурализм демонстративно отсекает в романе этическую и эстетическую оценочность. Всё вышесказанное подводит к мысли о том, что

натурализм пытается выйти за горизонт традиционного для XIX века объема понятия «литература» в какую-то другую сферу, скорее всего, научно-публицистическую. Но опыт прочтения любого из художественных текстов Э. Золя (можно добавить, и всех тех писателей, кто начинает в меданском кружке – Мопассана, Гюисманса, Доде) показывает, что никакого принципиального переосмысления границ литературы не происходит. Мы видим другое: с одной стороны, сознательный крен в сторону неразличия прекрасного и безобразного ведет Золя к созданию невероятных художественных гротесков (почти по теории Гюго); с другой стороны, демонстративное неразличение этических понятий ведет к критике морали (почти по Ницше). Иными словами, вместо решения коллизии «литература – природа» в пользу природы мы видим критику литературности с позиций наследника той же самой литературности.

Также в натурализме обнаруживается типичное и традиционное для европейской мысли явление: критика цивилизации (идеологическая реакция конца XIX в. на страх перед наступающей технократической эпохой) осуществляется с позиций возвращения к «естественному началу». «Возвращение к природе» как периодически возникающая в истории литературы тема знаменует декадентское ощущение истощенности цивилизации. В связи с этим в принципе регулярным явлением актуализируются значимые культурные коды, сквозь которые проступают черты универсальных образов-архетипов, «естественных смыслов» – опорных констант сознания. Одной из таких констант является образ моря, связанный, как мы увидим, с женским порождающим началом и феминизированным образом природы-матери, материнского чрева. В романе «Радость жизни» очевидно противопоставление интуитивной правды Полины (женской правды) рационалистическим заблуждениям Лазара (мужским заблуждениям). Натуралистическое «возвращение к природе» – попытка деконструировать мужское, разумное и преобразующее, волевое начало, ответственное за цивилизацию; таким образом, натуралистическая «природа» становится замкнутым и вневременным (не подверженным переменам, повторяющим циклически все события внутри себя) «женским» пространством: «...эти устремления ведут на самый передний край неязыческого “возвращения в природу”, потому что в эпоху матриархата природа сильнее всего тяготеет над членами общества, замыкая их

естественным ходом рождений, браков и смертей. Патриархальному обществу ...вменяется в вину его опора на голую волю и разум, подчинение и насилие» [Эпштейн 1976, с. 124].

«Природа» как последняя инстанция истины для художника-экспериментатора преподносит натуралистам философско-эстетический парадокс: сама по себе такая абсолютная природа есть интеллектуальная и предельно отрефлексируемая модель, культурный конструкт, отсылающий именно к литературному, а не к естественно-научному контексту. Это не только аллюзии на мифологические, по сути, архетипические образы и сюжеты, составившие каркас мировой культуры, но и отсылки к Руссо с его критикой цивилизации через апологетику «естественных чувств» и «натуры», и к жанрово-тематическому контексту идиллии («природы-прибежища», «безгрешной» и «невинной» природы), и к буколикам. Кроме того, образы природы (в частности, морской пейзаж в романе Золя) вызывают в культурной памяти и полотна французских импрессионистов – современников Золя, соратников по борьбе за «реальность в искусстве». Самым же главным литературным предшественником образа моря в «Радости жизни» станет, конечно, романтический претекст.

2. Море и символика иррационального

2.1. Натурализм в контексте «философии жизни»

Медицинско-психиатрическая проблематика романного цикла о Ругон-Маккарах в некотором смысле подготавливает выход Золя из позитивистского мировоззренческого круга в сторону общих для рубежа веков поисков иррационального начала в природе и человеческой жизни. Интерес к биологической проблеме наследственности, идеям биологического детерминизма ведет к осознанию тщетности усилий частного человеческого разума и к бессмысленности коллизии личного жизненного выбора. В определенном смысле (с той оговоркой, что натурализм на уровне теории не приемлет подобных эстетических категорий) эти идеи подготавливают новое понимание трагического, роль «рока» начинают выполнять законы биологической жизни. Попытки осмыслить жизнь с позиций разумной этики заводят человека в чудовищный экзистенциальный кризис и чреваты психическим разрушением (что случается, например, с героем «Радости жизни»

Лазаром, героем «Творчества» Клодом Лантье, отчасти с Этьеном, героем «Жерминаль», пытающимся увидеть логику в стихийном народном движении). Более того, стремление рационально анализировать стихийные жизненные, природные и психические процессы имплицитно подается как своего рода кощунство, «грех», совершаемый героем против живой жизни, своеобразный интеллектуальный блуд, который должен быть наказан безумием или отчаянием. Например, инженерный проект Лазара по постройке дамбы с волнорезами, которые могли бы обуздать море и не дать ему смыть деревню, рассматривается как кощунство или форма инфантильного дурачества «барина» самими рыбаками, жителями деревни, вроде бы заинтересованными в успехе проекта. Рыбаки как бы солидаризируются с морем, подсознательно принимая его заведомое превосходство над тщетными усилиями человека:

Tout Bonneville était là, les hommes, les femmes, les enfants, très amusés par les claques énormes que recevaient les épis. La mer pouvait écraser leurs mesures, ils l'aimaient d'une admiration peureuse, ils en auraient pris pour eux l'affront, si le premier monsieur venu l'avait domptée, avec quatre poutres et deux douzaines de chevilles. Et cela les excitait, les gonflait comme un triomphe personnel... [Zola 1884, chapitre VII].

Символически разрушение морем волнорезов Лазара – столкновение рациональной модели с реальностью как таковой. Это вариант натуралистического сюжета о победе над героем стихийных сил – природы, социальных процессов, инстинктов, биологической наследственности, побеждающей воспитание, подсознательных стремлений и т. п.

Данная проблематика оказывается органично вписанной и в философский контекст эпохи рубежа XIX–XX веков, когда позитивистский мейнстрим середины века начинает корректироваться вторжением новой волны переосмысленной романтической философии (переосмысление Ф. Ницше пессимистической философии А. Шопенгауэра), а также усложнением и расширением самого материала и методов естественных наук. Биологическая и психическая природа человека оказывается слишком сложной; открытие дарвинизмом эволюционной случайности и нецеленаправленного движения эволюции дискредитирует старинный европейский гуманизм, когда центром мироздания, венцом органического развития представляется человек, а человеческий разум – апофеозом природы.

2.2. Образ моря и дионисийское начало

Очевидным образом усматривается корреляция натуралистических поисков с ницшеанским принципом дионисийства, как он был заявлен в работе Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» (1872). Обращает на себя внимание, что Ницше, характеризуя дионисийское начало в человеческом сознании и в культуре, использует философско-романтические метафоры опьянения и безумия (состояния, противоположные рациональности); в романах Золя темы опьянения и безумия превращаются в сквозные литературные темы всего романного цикла.

В образе моря в романе «Радость жизни» можно отметить характерную для философии декаданса двойственность отношений человека к породившей его природе: природа безразлична к человеку, обрекает его на жесточайшие бессмысленные страдания и смерть, это может подорвать в человеке само желание жить (этот пессимистический взгляд, основанный на увлечении героя книгой А. Шопенгауэра, приписан в романе Лазару); однако природа и жизнь прекрасны сами по себе, а смерть может быть понята как обязательное условие продолжения жизни, условие вечного возрождения (такая безусловная любовь ко всему живому и жизни как таковой приписана в романе Полине). Идеологический конфликт романа Золя, выстроенный на противостоянии взглядов Полины и Лазара, выражен у Ницше через двойственность «ужаса жизни и восторга жизни»: «Шопенгауэр описывает нам также тот чудовищный ужас, который охватывает человека, когда он внезапно усомнится в формах познания явлений... Если к этому ужасу прибавить блаженный восторг, поднимающийся из недр человека и даже природы, когда наступает такое нарушение *principii individuationis*, то это даст нам понятие о сущности дионисийского начала, более всего нам доступного по аналогии опьянения» [Ницше 2000, с. 54].

Роковая ошибка Лазара – в его предельной заикленности на идее личной, индивидуальной смерти и патологическом страхе перед ней; такой взгляд обесмысливает жизнь как вечный иррациональный процесс. С позиций индивидуалиста Лазара торжество бессмертной природы не оправдывает личных страданий и уничтожения частного сознания смертью. Само имя Лазара, оппонента и критика жизни, ассоциируется с образом воскресенного Христом покойника, уже четыре дня бывшего мертвым и начавшего разлагаться, но вышедшего ко Христу завернутым в погребальные пелены [Ин 11:1–45]. Лазар у

Золя – почти покойник; он постоянно, ежедневно переживает свою смерть, ужасаясь ей и оскорбляя жизнь своим безумным страхом. В контексте атеистических воззрений самого автора романа воскрешение героя наподобие персонажа Евангелия невозможно; библейская аллюзия выглядит скорее иронично.

Ключевой философской идеей, обсуждаемой в романе Золя, становится идея страдания (*la souffrance*). Разностороннему ее рассмотрению посвящено эссе С. Рольдана «*La pyramide des souffrances dans La Joie de vivre d'Émile Zola*» [Roldan 2012]. В книге создается концепция «уровней страданий» героев (и людей, и животных); именно в страданиях и проявляется жизнь. Дионисическая суть жизни – в стихийном разрушении, обуславливающем новые витки созидания, рождение новых форм. Море становится тем самым хаосом, куда всё уходит, из которого всё выходит снова. Рольдан называет океан «*degré zéro de la souffrance*». Это «нулевой градус страдания», отсутствие эмпатии в природе, морально убивает гуманиста Лазара:

Cette mer, avec son éternel balancement, son flot obstiné dont la houle battait la côte deux fois par jour, l'irritait comme une force stupide, étrangère à sa douleur, usant là les mêmes pierres depuis les siècles, sans avoir jamais pleuré sur une mort humaine [Zola 1884, chapitre VII].

2.3. Море как романтический миф

Как замечает В. Н. Топоров, образ моря в романтической культуре связан с идеями неограниченной личной и духовной свободы, а также в нем представлена «вода как первородная космическая творящая стихия» [Топоров 1992, с. 250]. Романтическая художественная парадигма, даже в отрыве от теряющего четкие очертания романтизма как мировоззрения, остается культурным кодом XIX века; он работает и в период, на который пришлось творчество Э. Золя. Более того, отмечается парадоксальный возврат Золя-писателя к романтизму как бы на новом витке, когда натуралистическая эстетика начинает соприкасаться с символистской [Бондарев 2018].

Образ моря как символ свободы, существования вне человеческих законов, социальных параметров, требований здравого смысла сформировался в разных национальных разновидностях романтизма. Самым ярким примером, пожалуй, здесь является творчество

Дж. Байрона. Для французского же «романтического кода» вершинным и авторитетным «морским» текстом станет, по-видимому, роман В. Гюго «Труженики моря» («Les Travailleurs de la Mer», 1866). Здесь мы встречаем узнаваемые обобщенные черты романтического художественного пространства моря:

- события происходят на острове Гернсей; обитатели острова похожи на жителей Бонвиля в книге Золя – в них сочетается первобытная логика, вера в духов природы, своеобразные представления о морали, их религиозные чувства (преклонение и страх) связаны с морской стихией;
- кульминационным моментом сюжета становится единоборство героя с хтоническим чудовищем (осьминогом); в случае романа Золя все хтонические демоны поместятся уже в душе Лазара; герой Золя (не романтический спаситель), в отличие от героя Гюго, проигрывает древним силам смерти, он не в силах никого спасти;
- наконец, море – аморфное пространство, метаморфическое; это вариант архетипического пространства бездны, из которой происходит жизнь, но которая чревата разрушениями и катастрофами; море тревожит человека, становится зеркалом его внутреннего хаоса, страстей и сомнений, провоцирует мысли о бессмысленности и неразумности существования универсума.

В контексте литературы романтизма такой вариант образа моря (фантазмагорического и метаморфичного пространства, вместилища чудовищ – как мифологических, так и воображаемых, живущих в душе человека) представлен весьма широко: от Мальстрема Эдгара По и океана Генри Мелвилла до морской пучины, воспетой Артюром Рембо. И в этом аспекте образ «Радости жизни» Золя – одна из конкретных реализаций романтического топоса моря, который можно также определить как «культурный миф», поскольку «порождающая символизм тотальная семиотичность культуры является оборотной стороной мифологизма» [Мелетинский 2012, с. 245].

3. Море как пространственный архетип

Выше мы говорили, что море в «Радости жизни» – символ, возможности которого используются для построения идеологического конфликта – спора о страдании как стержня книги. Но в сложной

структуре романа образ моря как бы раздваивается: с одной стороны, это своего рода иносказание, связанное с рецепцией и критикой позднеромантической философии; с другой – воплощение изначальной стихии, чуждой рефлексивности, типологически родственной знаменитой натуралистической «земле».

Невзирая на характерную философскую проблематику романов, натурализм отстаивает себя как искусство изображения действительности *par excellence*, противопоставляя себя во многом романтическому дискурсу – философскому размышлению, сосредоточенной медитации. Возможно, это та же интуиция преодоления романтической «гениальности» реалистическим «наблюдением», которая породила эстетизм Флобера или парнасцев. Но в случае с творчеством Золя мы видим тотальное, протестантское желание «вернуться к истокам», обновить искусство во имя правды: «...натурализм берет начало в том отдаленном времени, когда человек написал свою первую строку <...> Натурализм вырастает из земли, по которой мы ступаем...» [Золя 1966, т. 24, с. 323, 328]. За этим положением эстетики открывается путь к попытке воспроизвести исконные архетипы человеческого сознания.

Понятие «архетип», будучи популярным в гуманитарном терминологическом поле, не обладает строгим научным объемом (невзирая на исчерпывающие работы, например, А. Ю. Большаковой [Большакова 2003]). Мы будем придерживаться того нейтрального воззрения, что архетипы – это «обобщенно-образные схемы, формирующие мир человеческих представлений и устойчивыми мотивами проходящие через всю историю культуры» [Эпштейн 2019, с. 407]. В этом смысле и древний миф, и современный роман могут реализовывать один и тот же архетип. Чертами архетипического образа обладает пространство моря в романе Э. Золя.

Если говорить о реализации пространственного архетипа «нижнего мира» в культуре, то обнаруживаются два основных типа этого пространства, связанных соответственно с двумя исходными, архаическими по существу, концепциями загробного мира (Вселенского низа, ада, геенны) и доисторического, или внеисторического, мира (порождающий Хаос, Мировой океан, обтекающий сушу – царство человека – и имеющий космогонический и эсхатологический смысл). Стоит отметить определенную противопоставленность этих образов:

первый из них связан со стихией огня, а второй – со стихией воды. Для обоих вышеуказанных типов пространства характерна связь с концом мира, концом истории, мировой вселенской катастрофой (пожаром или потопом); в культуре Нового времени эта связь может быть осовременена – через образы конца века, конца культуры, революций и краха социальной парадигмы, а также через образы личной катастрофы человека – болезни, безумия или разрушительных страстей.

В архаическом смысле образ воды включает в себя значение женственности – текучести, неоформленности, нерелексивности; также вода связана с физиологией родов, и поэтому символизирует и рождение как таковое, и вскармливание молоком [Башляр 1998]. С другой стороны, общеизвестен факт включения мотива переправы через воду в архаические представления о посмертном, загробном пути человека, о забвении, об изменении статуса человека, о перерождении и воскресении благодаря воде [Пропп 2000].

В «Радости жизни» образ бездны-моря возводим к архетипу Мирового океана и оформляет конфликт с рефлексивным началом (воплощенным в романе кризисным сознанием Лазара, пасующим перед женским миром сопричастности биологической жизни). С образом моря как частной реализацией архетипического пространства Бездны могут быть связаны в романе «Радость жизни» следующие мотивы:

- мотивы хаоса, мрака, бессмысленной силы, нечленораздельного гула – в целом непредсказуемости и неинтеллигибельности; пространство моря здесь противопоставлено обжитому пространству деревни Бонвиль и дома семьи Шанто. «Океан как пребывающее в хаотическом движении первовещество находится везде. Он безграничен, не упорядочен, не организован, опасен и ужасен, аморфен, безвиден (иногда отмечается его какофоничность...)» [Топоров 1992, т. 2, с. 249];
- образ моря может быть прочитан и как образ смерти (отсылка к фобиям Лазара); он может коррелировать с образами ямы, провала, дыры – «черной дыры» смерти, в которую «сползает» Лазар:

il glissait sans arrêt possible sur cette pente des années, au bout de laquelle la pensée du grand trou noir le mouillait d'une sueur froide et dressait ses cheveux d'horreur [Zola 1884, chapitre IX];

- образ моря, как женское пространство, связан с темой физических родов: образ «кровавой дыры», «треснувшего живота», «расщепленного топором дерева, из которого вытекает жизнь» возникает в развернутом натуралистическом описании родов Луизы:

il ne restait que l'humanité douloureuse, l'enfantement dans le sang et dans l'ordure, faisant craquer le ventre des mères, élargissant jusqu'à la fente rouge, pareille au coup de hache qui ouvre le tronc et laisse couler la vie des grands arbres [Zola 1884, chapitre X].

Обращает на себя внимание пересечение семантики смерти и рождения: пот, кровь, нечистоты и в обоих случаях – слово *ужас* (*l'horreur*) как лейтмотив ухода из жизни и появления на свет. Бездна «ужаса и восторга» – как Мировой океан, она обступает человека с обеих сторон бытия: из нее рождаются, в нее же уходят.

Заключение

В заключение хотелось бы сделать некоторые выводы:

1) образ моря в романе Э. Золя «Радость жизни» – частный случай художественной реализации натуралистических идеологием «возвращения к природе», противопоставления природы культуре, интуиции и стихийности – разуму. Таким образом, море становится в романе *философским иносказанием*;

2) образ моря выступает в романе Золя как *литературный конструкт*, который имеет черты романтической реминисценции и включается в традицию изображения моря, переосмысляя элементы предшествующего литературного кода;

3) наконец, образ моря обладает чертами *образа-архетипа*, возводимого к общечеловеческим представлениям о воде как женской мифологической сущности, о двойственности смерти и рождения, космогенеза (океана как рождающего хаоса) и эсхатологии (катастрофизм);

4) интерпретация образа моря в романе Золя позволяет прочесть роман как минимум с трех разных точек зрения: как философский роман XIX века (*roman à thèse*), как постромантический полемический роман и как предмодернистский роман, пересматривающий отношения литературы с архетипической и мифологической образностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бахляр Г. Вода и грезы / пер. с франц. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. [Bachelard, G. (1998). *Voda i gr'ozy. (Water and Dreams)*. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury. (In Russ.)].
- Большакова А. Ю. Архетип – концепт – культура // Вопросы философии. 2010. № 7. С. 47–57. [Bol'shakova, A. Yu. (2010). The Archetype – the Concept – Culture. *Voprosy filosofii*, 7, 47–57. (In Russ.)].
- Бондарев А. П. Парадокс натурализма. // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 11 (804). С. 167–183. [Bondarev, A. P. (2018). The Paradox of Naturalism. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 11(804), 167–183. (In Russ.)].
- Золя Э. Собрание сочинений: в 26 т. М.: Художественная литература, 1966. Т. 24. [Zola, E. (1966). *Sobranie sochinenij. (Collected papers, vol. 24)*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.)].
- Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Академический проект, 2012. [Meletinskij, E. M. (2012). *Poetika mifa. (The Poetics of Myth)*. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russ.)].
- Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки / пер. с нем. Г. А. Рачинского. СПб.: Азбука, 2000. [Nietzsche F. (2000). *Rozhdenie tragedii iz duha muzyki. (The Birth of Tragedy from the Spirit of Music)*. St.Petersburg: Azbuka. (in Russ.)].
- Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. [Propp, V. Ia. (2000). *Istoricheskiie korni volshebnoj skazki. (Historical Foundations of a Fairy Tale)*. Moscow: Labirint. (In Russ.)].
- Толмачев В. М. О границах символизма // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Филология. Философия. История. 2004. № 3. С. 247–267. [Tolmachov, V. M. (2004). On the Boundaries of Symbolism. *Vestnik Pravoslavnogo Sv'ato-Tichonovskogo gumanitarnogo universiteta. Filologiya. Filosofija. Istorija*, 3, 247–267. (In Russ.)].
- Топоров В. Н. Океан мировой // Мифы народов мира: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. К–Я. [Toporov, V. N. (1992). *Okean mirovoj. (The World Ocean)*. In Tokarev, S. A. (ed.), *Mify narodov mira* (vol. 2. K–Ja). Moscow: Sovetskaya enciklopediya. (In Russ.)].
- Топоров В. Н. О «поэтическом» комплексе моря и его психофизиологических основах // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 575–622. [Toporov, V. N. (1995). О 'poeticheskom' komplekse mor'a i iego psihofiziologicheskikh osnovah (On the so called 'poetic' system of the sea and its psychological and physiological foundations). In *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Izbrannoie* (pp. 575–622). Moscow: Progress-kul'tura. (In Russ.)].

- Эпштейн М. Архетип и кенотип // Постмодернизм в России. СПб.: Азбука, 2019. С. 407–412. [Epshtejn, M. N. (2019). Arhetip i kenotip. (Archetype and Kenotype). In *Postmodernizm v Rossii* (pp. 407–412). Saint-Petersburg: Azbuka. (In Russ.)].
- Эпштейн М. В поисках «естественного человека». // Вопросы литературы. 1976. № 8. С. 111–145. [Epshtejn, M. N. (1976). Searching a 'Natural' Man. *Voprosy literatury*, 8, 111–145. (In Russ.)].
- Roldan S. La pyramide des souffrances dans *La joie de vivre* d'Emile Zola : une structure schopenhauerienne. Presses de l'Université du Québec, 2012.
- Zola E. La joie de vivre. P. : G. Charpentier et C. Editeurs, 1884.

УДК 82

В. А. Пронин

доктор филологических наук, профессор;
Российский институт театрального искусства (ГИТИС);
e-mail: profpronin@mail.ru

ФАУСТ РОДОМ ИЗ РОССИИ

Фридрих Максимилиан Клингер (1752–1831), будучи немцем, большую часть жизни находился на службе в России, где создавал драматические произведения, а также роман «Жизнь, деяния и гибель Фауста» (1791). Плодовитый автор писал тайно, так как офицеру российской армии заниматься сочинительством не подобало. Известность к нему пришла после кончины, его тексты переводили и издавали в России. Он заслужил одобрение русских критиков, в том числе Н. М. Карамзина, Н. Г. Чернышевского, М. А. Волошина. В настоящей статье анализируется история создания романа Ф. М. Клингера о Фаусте, его художественное своеобразие и специфика рецепции.

Ключевые слова: Ф. М. Клингер; Фауст; народные книги; архетип; эпоха Просвещения; книгопечатание; Буря и натиск; искушение; катарсис.

V. A. Pronin

Doctor of Philology (Dr. habil),
Professor of Russian Institute of Theatre Arts (GITIS);
e-mail: profpronin@mail.ru

FAUST FROM RUSSIA

Although a German, Friedrich Maximilian von Klingler (1752–1831) spent most of his life in Russia's service where he devoted himself to the writing of dramatic works and romance *Fausts Leben, Taten und Höllenfahrt* (1791). The prolific author had to write in secrecy, as the writing was unfit for a Russian officer. He emerged from obscurity only after his death. His works were translated and published in Russia. He earned approval of the Russian literary critics, including N. M. Karamzin, N. G. Chernyshevsky, M. A. Voloshin. The article is devoted to the analysis of the creation history of Klingler's novel about Faust, its discursive specificity and reception features.

Key words: F. M. von Klingler; Faust; people's books; archetype; Enlightenment; printing; Sturm und Drang; temptation; catharsis.

Введение

Какой немецкий писатель не мечтал сочинить своего Фауста? Загадочный средневековый чернокнижник привлекал дерзостью мысли и разнообразием дарований. В представлении массового читателя

пространную трагедию сочинил И. В. Гёте. Эрудит припомнит «Доктор Фаустус» Томаса Манна или пушкинскую «Сцену из Фауста». Каждая авторская версия верна и дискуссионна, у Фауста нет единственного создателя: это творение коллективного гения, архетип, вместивший опыт многих поколений, и вместе с тем – заявка на некую универсальную личность будущего. Фауст не был анонимом, это авантюрист, им пугали церковники, его опасались удачливые любовники, которых, конечно же, покарает всё тот же Фауст. На ярмарках нарасхват покупали «Историю о докторе Фаусте, знаменитом черно-книжнике, как на некий срок подписал он договор с дьяволом, какие чудеса он в ту пору наблюдал, сам учинял и творил, пока, наконец, не настигло его заслуженное воздаяние. Большею частью извлечено из его собственных посмертных сочинений и напечатано, дабы служить устрашающим и отвращающим примером и искренним предостережением всем безбожным и дерзким людям». Однако отступники и хитрецы быстро раскупили книгу. Осмелимся предположить, читали, чтобы использовать его опыт как руководство к действию, сочиненное маститым средневековым профессором.

Сюжет о Фаусте бытовал во многих вариантах. Авторского права не существовало, книга становилась добычей удачливых издателей. Но в XVIII веке ситуация меняется, у рукописи появляется законный автор, хотя текст имел хождение в различных вариантах. Используя одно лишь имя, знаменитые и позабытые авторы придумывали всё новые мошенничества народного любимца.

На исходе эпохи Просвещения Фауст вошел в моду, что и неудивительно: вчерашний авантюрист, хитрец и богохульник в глазах следующего поколения немецких интеллектуалов уже не просто обманщик, а учёный, взыскующий истину. Мошенник с подачи дьявола стал дерзким преобразователем средневекового мироустройства, чему в немалой степени способствовал Готвальд Гёте, работавший над сюжетом всю жизнь. Но у творца трагедии появляются соперники. Иоганн Лессинг, не жаловавший французских классицистов, обращается к отечественным истокам театра, пытаясь вместе с тем усвоить уроки Шекспира. Авторитет Лессинга, некоторое время сочинявшего драматическое действо о Фаусте с участием нечистой силы, дополнительно привлек германских драматургов к национальному преданию о докторе Фаусте. Однако рукопись Лессинга не сохранилась. Вслед

за теоретиком гамбургской драматургии, к сюжету обращаются сочинители рангом пониже; возникает настоящее состязание, чей Фауст соответствует запросам времени. К жизнеописаниям Фауста обратились не только великие, но и второстепенные сочинители. Например, Фридрих Мюллер (1749–1825), вошедший в историю литературы под прозвищем «Живописец Мюллер» (Maler Müller). Не мудрствуя лукаво, он сочинил жизнеописание гуляки, праздного Фауста, презирающего род людской и мировой порядок. Так высокое становилось массовым. Драму Мюллер не завершил.

Куда более известны драматические опыты Фридриха Максимилиана Клингера (Friedrich Maximilian Klinger). Напомним, что он младший современник Гёте, большую часть жизни прожил в России, получив по рекомендации родственников Гёте должность в армейском ведомстве.

Жизнь и творчество Клингера

Фридрих Максимилиан Клингер происходил из самых низов германского общества. Как сообщают биографы писателя, мать его рано овдовела, зарабатывала на жизнь и обучение сына в Гиссенском университете стиркой и мелочной торговлей.

Будущий писатель поселился в Веймаре в надежде на участие Гёте. Однако отношения не сложились. Германский гений предпочел избавиться от навязчивого штюрмера. По ходатайству Гёте герцог Вюртембергский направил рекомендательное письмо супруге престолонаследника Павла Петровича. Мария Федоровна устроила сочинителя драм на службу. Покинув родину в 1785 году, как выяснилось навсегда, Клингер сделался офицером российской армии, не отказываясь от своего писательского призвания. Печатался он в Германии.

Имя Клингера прочно вписалось в историю германской поэзии и драмы благодаря тому, что он сочинил пьесу «Буря и натиск» («*Strum und Drang*», 1776), не признанную шедевром, но ее название обозначило важную веху в немецком искусстве. Эту формулу восприняли как призыв современники Клингера, в устах которых девиз, по определению С. В. Тураева, стал руководством и призывом к творчеству и революции духа. «Это был бунт против средневековой отсталости, против рутины и невежества, против угодничества перед сильными мира сего», – писал Тураев в статье «Фауст – великое творение Гёте» [Тураев 1973, с. 5].

В пьесах Клингера повторяется характерный момент: он не обращается к происшествиям германским или российским, используя бродячие сюжеты, апробированные итальянскими или английскими драматургами. Вследствие чего происходящее – чистая условность, зачастую уже знакомая зрителю. Он был связан с театром и понимал, что нравится невзыскательной публике. Драма «Близнецы», например, пользовалась успехом, привлекала итальянская экзотика, конфликт же был традиционен. Братья ссорятся из-за наследства. Старший, хоть он оказывается вовсе не старшим, заявляет: «Кто сильнее, тот должен стать богаче». Может быть, «Близнецы» стали предвестием шиллеровских «Разбойников», но драма Клингера не выходит за пределы семейного скандала, зато зритель симпатизировал тому, кто не жаждал золота и власти. Клингер никогда не упускал повода почувствовать честному бедняку.

Другой любопытной особенностью сочинений Клингера становится реализация мечтаний автора его персонажами. Штюрмер Клингер мечтал отправиться в Америку, чтобы принять участие в борьбе за независимость молодого государства. Ему это не удалось. Тогда он отправил за океан своих мятежных героев драмы «Буря и натиск». Героям повезло больше, чем автору, правда, Америка выглядела несколько по-германски.

Эволюция сюжета о Фаусте у Клингера

Дарование прозаика и драматурга Клингера было весьма скромным, но актуальным. Поступив на службу в российское армейское ведомство, он не отказался от творческих занятий литературой. Славы не стяжал, но приобрел некоторую известность, дополнив германские сюжеты российскими наблюдениями. Среди его немецких текстов, сочиненных в России, наиболее примечательной оставалась пьеса «Буря и натиск» (1777). Хотя сюжет и персонажи заимствованы из английской поэмы, повествовавшей о расприх двух британских аристократических семейств. Примирить их может только любовь молодых героев. Нельзя не заметить, откуда Клингер заимствовал (из Шекспира), у него был талант придавать знаменитым конфликтам некоторое авторское своеобразие, что наблюдается и в более поздних текстах, где Клингер переходит на прозу, включая и похождения Фауста.

Фауст посещает те страны, где успел побывать автор. Фауст нередко вступает в схватку со светской и церковной знатью как заступник всех угнетенных. Отдельные эпизоды повествования строятся на том, что Фауст наблюдает, как знать и церковные феодалы терзают и морят голодом тех, кто им подвластен. Фауст вникает в беды и горести простолудинов, вызывает к совести помещиков и церковных служителей. Поскольку его увещевания, как правило, не действуют, он обращается к неким потусторонним спутникам, которые карают знатных злодеев. Фауст у Клингера призывает на помощь всякую нечисть, чтобы наказать знать. Более того, Фауст пробуждает в нищих гордость и достоинство, чтобы совместно бороться за справедливость. Клингер, видимо, был наивным человеколюбом, он заставляет читателя проникнуться симпатией к Фаусту, который выступает в романе «Жизнь, деяния и гибель Фауста» как богоборец.

«Фауст» Фридриха Максимилиана Клингера – это догётевский Фауст, которому его знаменитый земляк и ровесник придает глубину и обаяние гения. Вслед за своими великими современниками Лессингом и Гёте, «русский немец» приступил к сотворению Фауста, предпочитая форму прозаического романа. Если точнее, он описывает путешествие европейскими городами, которое предпринимает любознательный маг и чародей Фауст и сам автор. Он, житель Германии, отправляется во Францию и Англию с целью отыскать сказочную страну, где бы вольготно жилось королевским подданным. Клингер неслучайно назвал свое повествование «Жизнь, деяния и гибель Фауста» («Fausts Leben, Taten und Höllenfahrt eines Teutschen der heuesten Zeit», 1791). Сам автор был заядлым путешественником, неудивительно, что его герой скиталец.

Странствуя по Европе, Фауст повсюду сталкивается с несправедливостями, которые чинят владетельные особы. Обжоры-помещики обрекают своего крепостного на голод и гибель. Видимо, Клингер был знаком с жестокостью и беззаконием российских крепостников. Автор особо сурово судит церковных пасторов, которые наказывают бедняков за малейшую провинность. Фауст Клингера всюду карает жестокосердие, особенно во Франции, где бедняки борются за свободу и равенство.

Клингер существенно обновил фабулу Фауста. Повествователь, наблюдая порядок в разных странах, прежде всего озабочен бедствиями

народа. Вникая в тяготы и нужды, он всюду наблюдает бесправие, вполне реалистически сравнивает несчастья бедняков в разных странах. Видя, как богатый помещик буквально морит голодом крепостных, не устает напоминать, что все люди братья. Ему знакомы тяготы крестьянского быта, время от времени двойник автора произносит пылкие речи. Образ Фауста раздвоен, сам Фауст ведет дознание, а его двойник карает жестокосердных угнетателей. Расправа его сурова, но справедлива. Автор примеряет на себя личину Фауста.

Любопытна актуальная деталь сюжета: Фауст – союзник и помощник немецкого книгопечатника, он делится с Гуттенбергом идеями и деньгами, чтобы печатная машина распространяла истину. Маг и чародей в курсе новейших изобретений гуманистов. Клиндер фактически первым «реабилитировал» Фауста, превратив средневекового озорника и повесу в борца за справедливость.

В повествовании Клиндера всё смешалось: история и современность, бесправие и разумное законодательство, которое пропагандирует его герой. В сюжете Клиндера мало достоверных фактов, но и автор, и герой устремлены к здравому смыслу. В фантастическом романе Клиндер стремится показать торжество здравого смысла и справедливости. Его «Фауст» – это, прежде всего, грезы о будущем: мечты и надежды, утопия и упования.

Известный германист Б. И. Пуришев подчеркивал: «Исключительную популярность тема Фауста получает в Германии во второй половине XVIII века в среде писателей периода “Бури и натиска”. Под их пером он приобретает черты личности «бурного гения», попирающего во имя неограниченных прав личности законы окружающего мира» [Б. И. Пуришев ... 2013, с. 75].

Фридрих Максимилиан Клиндер, обратившись к фаустовскому сюжету, вписывал похождения и чудеса во всемирную историю, превращая загадочного кудесника в универсальный тип личности во времени и пространстве. Однако в финале повествования «русский Фауст» и его творец терпят поражение.

Клиндер, отправляясь осенью 1780 года в Россию (деньги на дорогу он получил благодаря ходатайству Гёте), представлял неведомую страну землей обетованной. Ему везло. По прибытии он был зачислен лейтенантом в морской батальон, затем куратором в кадетский корпус и, наконец, попечителем Дерптского учебного корпуса. Клиндер

занимал высокое положение, был исполнителен и усерден на службе. Материальная проблема разрешилась как нельзя лучше, жалованье соответствовало служебным обязанностям.

Поначалу удача сопутствовала иностранцу, тем более что в первые годы правления Александр I заигрывал с либералами, даже поощрял вольномыслие.

Кстати, Вольтер оставался на протяжении всей жизни любимым философом Клингера, который иногда следовал урокам мудрости знаменитого француза. Однако Клингер был замечен своим непосредственным начальником как сочинитель драм. Офицером такого ранга склонность к сочинительству непозволительна! Намечались неприятности по службе. К тому же царским указом были объединены Министерство духовных дел и Министерство просвещения, что весьма ограничивало функции либерала Клингера. А доносы... Фаддей Булгарин публично обвинил германца в том, что тот не любит Россию! Его коллеги и земляки не скупались на клеветы. Клингер вел замкнутый образ жизни, а в 1820 году уволился со службы и отказался от художественного творчества.

В истории немецкой литературы творчество Клингера сыграло скромную роль. Его популярность началась после публикации драмы «Буря и натиск». Однако бурные гении вскоре оттеснили Клингера. Так, например, Шиллер в драме «Разбойники» в сущности повторил сюжет Клингера, но придавал конфликту глубокий социально-философский смысл. Не выдержал конкуренции и его «Фауст», оттесненный гениальным созданием Гёте. Наследие Клингера рассеялось, тут сыграл странную роль сам автор, повелевший уничтожить все свои архивные материалы. Пьесы Клингера не выдержали испытание временем. Да и само его место в истории литературы носило двойственный характер.

Но не всё так плохо. Советская исследовательница О. А. Смолян опубликовала в середине прошлого века ряд работ о творчестве Клингера. Сравнительно недавно, в 2017 году, Ярославский педагогический вестник поместил статью А. Г. Чукарева и Е. К. Демиховской «Друг и соратник Гёте – генерал русской службы» [Чукарев, Демиховская 2017]. Год спустя в Вестнике Московского государственного областного университета было опубликовано исследование Н. В. Гладилина о Клингере и Шиллере [Гладилин 2018]. Будем надеяться, что это только начало новой славы Ф. М. Клингера.

Заключение

Первая публикация романа «Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад» вышла в Петербурге без указания авторства в 1791 году якобы в издательстве Ф. И. Криле. Это была фальсификация, текст был напечатан в Лейпциге книгоиздателем Якобером. Клингер тщательно, но тщетно скрывал свое авторство. Впоследствии рукопись романа Клингера по-немецки выходила в Прибалтике с заметной цензурной правкой без указания авторства. В России его печатают в переводе, имя автора заслуживает похвалы шестидесятников. Последняя русская публикация романа вышла в свет в 2005 году тиражом 5 тыс. экземпляров в издательстве «Азбука». Тираж был довольно быстро распродан. Видимо, современного русского читателя привлек полужнакомый герой, тогда как автор был неизвестен. Снова помог Гёте, самый знаменитый популяризатор легенды и ее героя.

Вклад Клингера в судьбу этого литературного персонажа в России заслуживает уважения. Да, он не был переводчиком легенды, да и роман далек от совершенства. Но он стимулировал интерес к легендарному немецкому герою, которого он одним из первых заманил в Россию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Б. И. Пуришев – учёный и педагог / под ред. В. Н. Ганина, М. И. Никола. М.: Изд-во МГОУ, 2013. [Ganina, V. N., Nikola, M. I. (eds.). (2013). B. I. Purishev – uchjonyj i pedagog. (B. I. Purishev – scientist and teacher). Moscow: Izd-vo MGOU. (In Russ.)].
- Гладилин Н. В. Мотив «враждующих братьев» в драматургии Ф. М. Клингера и Ф. Шиллера // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 4. С. 81–92. [Gladilin, N. V. (2018). Motiv «vrazhdujushhij brat'ev» v dramaturgii F. M. Klingera i F. Shillera (The Motive of “Antagonistic Brothers” in the Drama of F. Klinger and F. Schiller). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija*, 4, 81–92. (In Russ.)].
- Смолян О. А. Клингер в России // Ученые записки Ленинградского педагогического института. 1958. Т. 32, Ч. 2. С. 31–77. [Smoljan, O. A. (1958). Klinger v Rossii (Klinger in Russia). In *Uchenye zapiski Leningradskogo pedagogicheskogo instituta*. Т. 32, Ch. 2. (pp. 31–77). (In Russ.)].
- Тураев С. В. Фауст – великое творение Гёте // Гёте И. В. Фауст. М., 1973. С. 3–35. [Turaev, S. V. (1973). Faust – velikoe tvorenie Gjote (Faust – Goethe’s great creation, pp. 3–35). In *Gjote I. V. Faust*. Moscow. (In Russ.)].

Чукарев А. Г., Демиховская Е. К. Друг и соратник Гёте – генерал русской службы // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 1. С. 287–293. [Chukarev, A. G., Demihovskaja, E. K. (2017). Drug i soratnik Gjote – general russoj sluzhby (Goethe's friend and colleague – General of the Russian Service). *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*, 1, 287–293. (In Russ.)].

УДК 008.316.42

М. Е. Осетрова

кандидат культурологии, доцент кафедры восточных языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета; старший научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН; e-mail: m.e.osetrova@gmail.com

КОРЕЙСКИЕ ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ И КУЛИНАРНЫЕ БЛЮДА В РУССКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И НЕХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

В статье рассматривается грамматическое оформление названий корейских продуктов питания и кулинарных блюд при переводе их на русский язык. Предпринимается попытка определить, на какие категории можно разбить данные имена существительные и как в соответствии с этим писать их по-русски с точки зрения склонения и родовой принадлежности. Обсуждаются аспекты транскрипции данных слов. Автор описывает современное состояние проблемы, обозначает спорные моменты, объясняет их причины, предлагает свои решения.

Ключевые слова: названия корейских блюд и продуктов; перевод с корейского; ассимиляция заимствований из корейского.

М. Е. Osetrova

PhD (Culturology), Associate Professor at the Department of Oriental Languages, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University; Senior Researcher at the Center for Korean Studies, Institute of East Asian Studies, Russian Academy of Sciences; e-mail: m.e.osetrova@gmail.com

KOREAN FOOD PRODUCTS AND DISHES IN RUSSIAN FICTION AND NONFICTION TEXTS

The article discusses the problem of grammatical form (gender category, declension) of the names of Korean food products and culinary dishes in Russian translation. The author attempts to categorize the names and define which form of declension and grammatical gender can be applied to them in Russian. Also some aspects of kirillization of these Korean nouns are touched upon. The author

describes the present state of the problem, points out the main controversial moments, offers her solutions.

Key words: Korean food; translation from Korean into Russian; assimilation of Korean words in the Russian language.

Введение

Перевод на русский язык названий корейских пищевых продуктов и кулинарных блюд не так прост, как может показаться на первый взгляд. Объясняется это тем, что, во-первых, корейская кухня еще мало распространена в России (речь идет не о кулинарии советских и российских корейцев, которая как раз неплохо у нас известна, а о кухне, распространенной на Корейском полуострове, то есть в Республике Корея и КНДР) и многие ее элементы совершенно не знакомы российским потребителям, а во-вторых, отечественные кореееды-лингвисты пока не выработали четких правил для таких переводческих задач, и поэтому каждый переводчик, сталкиваясь с подобным вопросом, вынужден искать свой вариант его решения. Так, например, трудность при переводе представляет грамматическое оформление слов, обозначающих корейские пищевые реалии, а именно определение, к какому роду следует относить то или иное название, склонять его или нет, и если да, то как. Именно этой проблеме и посвящена данная статья.

Современное состояние проблемы

На сегодняшний день названия корейских продуктов питания и кулинарных блюд на русском языке можно встретить не только в художественных переводах или профильной кулинарной литературе, но и на страницах ведущих российских СМИ, всё чаще пишущих о феномене корейской гастрономии¹. Кроме того, с увеличением числа ресторанов корейской кухни в крупных городах России вопрос корректной записи подобных наименований на русском языке становится еще актуальнее. В настоящее время каждое заведение дает названия блюд в меню и

---

¹ *Никитина Ю.* Путь корейской морковки // Русский репортёр. 2013. № 16–17 (295). URL: https://expert.ru/russian_reporter/2013/17/put-korejskoj-morkovki/ (дата обращения 27.07.2020); *Портнягина М.* Перчинка долголетия // Огонёк. 2017. № 36. С. 30; *Раппопорт А.* Гангнам стайл // Tatler. 2016. № 1. С. 69.

на ценниках по своему усмотрению, без учета официальных правил транскрипции корейских слов на русском языке и даже элементарных принципов благозвучия. Всё это создает разнობой и путаницу для клиентов, вредит деловой репутации и в результате не способствует укреплению статуса корейской кулинарной традиции в России.

Что касается переводов художественной литературы, то и там не наблюдается единообразия. Каждый переводчик решает данную проблему по своему усмотрению. Это относится и к транскрипции названий корейских пищевых продуктов, и к выбору их родовой категории, и к склонению. Например, одно из самых известных в мире корейских блюд *кимчхи* (корейские квашения из овощей и / или трав) в одних переводах идет в среднем роде, в других – в женском. Так, в романе Ким Миволя «Восьмая комната» читаем: «...и когда в столовском кимчи появилось нечто, похожее на хвост ящерицы...» [Ким Миволь 2018, с. 52]. В романе «Пожалуйста, позаботься о маме» Син Гёнсука (Шин Кун-Суук): «За несколько дней до торжества она непременно готовила свежее кимчхи...» [Шин Кун-Суук 2012, с. 9]. А в рассказе Ким Эрана «Шрамы от ножа»: «лапша являлась основным блюдо, но кимчхи, которую к ней подавали, была не менее важна», ниже ещё: «кимчхи была острой, как газировка» [Ким Эран 2014, с. 13]. Как видно по этим цитатам, в первом и втором примерах слово *кимч(х)и* употреблено в среднем роде, в третьем – в женском. Кроме того, заметим, что и способ транскрипции слова отличается: в переводе «Восьмой комнаты» *кимчи* записано без придыхательного звука. Такой способ транскрипции не соответствует системе Холодовича-Концевича, однако уже довольно широко распространился на письме и даже фиксируется в национальном корпусе русского языка (поиск по слову *кимчхи* дает нулевой результат, поиск по *кимчи* предлагает более десятка примеров). Сегодня в переводах корейской художественной литературы на русский можно встретить оба способа записи, причем иногда даже в рамках работ одних и тех же переводчиков (так, в переводе вышеупомянутой Ким Эран переводчики А. Гуделёва и Сын Чжуён дают вариант *кимчхи*, а в переводе романа Чхон Мёнквана «На краю жизни» – *кимчи* [Чхон Мёнкван 2013, с. 25]).

То же отсутствие системы можно видеть и в случае других популярных корейских блюд и напитков. Например, корейский национальный

алкоголь *сочжу* так же, как и *кимчхи*, в текстах встречается то в женском роде, то в среднем. Например, в рассказе «Невыносимая тайна» Пак Вансо читаем: «Сочжу, выпитая на голодный желудок, – вот тот чудесный напиток, который заставит расцвести внутри нее дерево с яркими цветами» [Пак Вансо 2019, с. 101]. У Чхон Мёнквана: «Или можно было бы еще приправить это горестными жалобами на свою жизнь, в которой крепкая соджу перемешалась с насмешкой. < ... > Она поехала с незнакомым мужчиной на незнакомое море, пила с ним горькую соджу...» [Чхон Мёнкван 2013, с. 92–93]. А у русскоязычного автора Дины Рубиной читаем уже в среднем роде: «И помни: в Лондоне нас ждет целая бутылка собственного соджу» [Рубина 2015]. С главным корейским алкогольным напитком мы опять видим различные варианты транскрипции оригинального корейского названия: в данном случае это варианты через *чж* и через *дж* (насколько можно судить, вариант *соджу* в настоящее время распространен в русском языке больше). Это вариативность объясняется различными подходами к транслитированию корейской буквы ㅈ (так называемая разница между московской и ленинградской школой).

Интересно понаблюдать и за тем, как авторы и переводчики подходят к вопросу склонения названий корейских продуктов и блюд. Можно заметить, что названия, оканчивающиеся на согласную букву, почти всегда склоняются, тогда как названия, оканчивающиеся на гласную, чаще не склоняются. Например, в рассказе «Удачный день» Хён Чжингона читаем: «Теперь он мог не только промочить горло дешевым вином этим вечером, но и купить своей болеющей жене тарелку соллонтхана» [Хён Чжингон 2019, с. 42] (*соллонтхан* – суп, сваренный на говяжьих костях). У Ким Эран: «Нужно было купить всё, начиная от риса и рамёна и заканчивая туалетной бумагой...» [Ким Эран 2014, с. 20] (*рамён* – лапша быстрого приготовления). В рассказе Ким Сын Ока «Крах господина Ким Сумана»: «И, обедая чем-нибудь простеньким, вроде супа с тубу, который варила эта женщина...» [Ким Сын Ок 2019, с. 11] (*тубу* – соевый творог). Впрочем, некоторые названия, оканчивающиеся на согласный, могут как склоняться, так и не склоняться. Сравним, в переводе романа Кон Джиёна «Моя Бонсун»: «Собрав со дня котла рис, оставшийся от суннюна, мать дала его мне и продолжила рассказ» [Кон Джиён 2014, с. 32] (*суннюн* – жидкость, оставшаяся после варки риса). В рассказе О Чонхи «Весенний

день»: «...Сыну́, прополоскав рот суннюн, поспешил выйти из дома» [О Чонхи 2012, с. 106].

Наконец, обратим внимание на то, что чаще всего названия, заканчивающиеся на согласную букву, склоняются как существительные мужского рода, а названия, заканчивающиеся на гласную букву, идут в среднем роде и не склоняются. Например, «Чувство голода налетело на него настолько сильно, что первым делом он заказал пиндетток, которо**го** всегда много и щедро накладывали в тарелку, и миску чхуотхана» [Хён Чжингон 2019, с. 51] (*пиндэтток* – лепешки из зеленых бобов; *чхуотхан* – густой суп из рыбы-вьюна). Или «допив оставшееся макколи...» [там же, с. 55] (*макколи* – рисовая брага). Но есть и исключения. Например, неожиданно название, заканчивающееся на согласную, может не склоняться: «Мы зашли в один из ресторанов в универмаге и съели по тарелке супа с омук – лепешками из рыбной муки» [Ким Эран 2014, с. 20] (*омук* – изделия из теста с добавлением измельченных остатков рыбы). Или название, заканчивающееся на гласную, может оформляться как существительное мужского рода – «в тот холодный снежный день она вспомнила вкус горяч**его** сунтубу, котор**ый** приятно согревал желудок...» [Пак Вансо 2019, с. 104] (*сунтубу* – несвернувшаяся соевая масса, образующаяся во время приготовления тубу).

Следует отметить, что многие переводчики чувствуют неоднозначность при выборе грамматической категории рода или необходимости склонения корейского названия и, чтобы обойти эту трудность, часто добавляют к оригинальному корейскому имени русское пояснительное слово (в примерах ниже обозначаются подчеркиванием). В таком виде перевод смотрится естественнее, и одновременно решается проблема рода и склонения: они выставляются по русскому слову. См. у Пак Вансо: «Муж сказал, что они отправятся в ту деревню на следующий день, а заодно попробуют знаменитое *рыбное блюдо* хве» [Пак Вансо 2019, с. 105] (*хве* – свежепойманная рыба, порезанная тонкими ломтиками; в России пока более известен японский вариант этого блюда *сасими*). У Хан Ган: «Из-за полутора *бутылок* сочжу, выпит**ых** вечером в компании сослуживцев...» [Хан Ган 2018, с. 13]. У Хён Чжингона: «Словно воду Ччомчжи заглотил вторую миску супа, а к третьей добавил еще и пару *пешек* макколи» [Хён Чжингон 2019, с. 51].

Другим решением является вообще отказ от использования корейского слова и замена его описательным переводом по-русски. Например,

у Чхон Мёнквана: «Здесь был суп из просвирника с соевой пастой, кимчи, соленые морские моллюски, жареная картошка в соевом соусе, сушеные японские анчоусы» [Чхон Мёнкван 2013, с. 25–26]. У Хан Гана: «Невозмутимо сидя на стуле, она отправляла в рот даже на вид невкусный суп из морской капусты. В лист салата положила большую ложку риса с горкой, соевую пасту, завернула, отправила в рот и начала жевать» [Хан Ган 2018, с. 27–28]. Для переводов художественной литературы данный выход из положения представляется удачным и часто желательным, так как позволяет не перегружать текст незнакомыми читателю понятиями и лишними сносками. Однако в случае нехудожественных произведений такой способ может не работать и тогда необходимо более системное решение проблемы.

Итак, все приведенные выше примеры демонстрируют, что в настоящее время в переводах, а также в оригинальных текстах, упоминающих корейские продукты питания или блюда, не прослеживается какой-то стройной системы грамматического оформления данных названий, и каждый автор вынужден подбирать свой вариант употребления, что приводит к разночтениям, путанице и в результате мешает русскому читателю сделать для себя корейскую кухню более понятной.

Нормы русского языка для несклоняемых заимствованных имен существительных (экзотизмов)

Большая часть названий корейских продуктов питания и кулинарных блюд представляют собой несклоняемые заимствованные имена существительные, такие же, как вполне прижившиеся уже в русском языке пищевые понятия вроде *кофе* (м. р.), *какао* (ср. р.), *бордо* (ср. р.), *виски* (м. р. или ср. р.), *бренди* (м. р. или ср. р.), *капучино* (ср. р.), *фуагра* (ср. р.), *фондю* (ср. р.), *спагетти* (ср. р., но может быть просто мн.ч.), *канане* (ср. р.) и т. д.

Правило гласит, что несклоняемые имена существительные иноязычного происхождения, обозначающие неодушевленные предметы, в своем большинстве относятся к среднему роду [Розенталь 1985, с. 184]. Например, *ароматное какао*, *выдержанное бордо*, *пьянящее шардоне*.

Однако указывается, из этого правила есть ряд исключений, связанных с влиянием различных аналогий. Таких, как наличие употребительного склоняемого русского синонима или слова, обозначающего родовое понятие. Так, слова *бри*, *сулугуни* и подобные относятся

к мужскому роду, так как определяются родовым понятием *сыр*. Тогда как *кольраби* и *брокколи* уже женского рода, так как определяются русским словом женского рода *капуста*. То же и с *салями*: определяется русским словом женского рода *колбаса*. Таким образом, получается, что род подобных существительных можно определять по «родовому слову» (ср. с примерами из непищевой сферы: *красивый Тбилиси* – родовое слово – *город*, *быстрый Рено* – родовое слово – *автомобиль*). Поэтому *соленый сулугуни*, *свежая кольраби*, *аппетитная салями*.

Что же касается склоняемости / несклоняемости иноязычных заимствований в русском языке, то эта тема представляет собой большое поле исследований (см.: [И. В. Приорова 2017; А. С. Баранова 2016]). Специалисты отмечают, что на сегодняшний день лексикографическая практика не является эталонной в определении морфологических свойств несклоняемых существительных и их родовой принадлежности. Некоторые обозначения новых реалий, прочно вошедшие в обиход, могут быть не представлены в словарях [Приорова 2017].

По мнению лингвистов, иноязычные слова, попадая в наш язык, постепенно ассимилируются им: приспосабливаются к звуковой системе русского языка, подчиняются правилам русского словообразования и словоизменения, в той или иной степени утрачивая таким образом черты своего нерусского происхождения. Обычно раньше других устраниаются иноязычные особенности звукового оформления слова. Затем изменяются нерусские окончания слов, формы рода. Обрастая словообразовательными аффиксами, заимствованные слова входят в грамматическую систему русского языка и подчиняются соответствующим нормам словоизменения: образуют парадигмы склонений, спряжений [Розенталь, Голуб, Теленкова 1995, с. 86]. Мы как раз можем наблюдать подобный процесс в случае со словом *кимчи*, которое постепенно превращается в русскоязычных текстах в *кимчи*, или со словом *кочхучжан* (острая перечная паста), которое всё чаще пишется и произносится по-русски как *кочучжан*.

Почему существующие нормы не всегда подходят для корейского случая и что можно предложить взамен

Итак, по правилам русского языка, грамматическую категорию рода (несклоняемого) иноязычного понятия можно определить с помощью родового слова. Этим правилом чаще всего и руководствуются

авторы, вводя в текст названия корейских продуктов и кулинарных блюд. Однако, несмотря на удобство и логичность этого принципа, он не всегда подходит для корейских пищевых реалий, как не подходит и вариант употребления исключительно среднего рода.

Почему пишут *вкусная кимчхи*? Потому что определяют словом *капуста*. Почему пишут *вкусные кимчхи*? Потому что определяют словом *овощи*, а еще потому что чувствуют некоторый множественный состав этого блюда. То же можно отнести и к популярном блюду *ттокпокки* (колбаски из рисового теста, тушеные в остром соусе с овощами): часто можно встретить *острые ттокпокки*. Но это не совсем верно. *Кимчхи*, строго говоря, далеко не только капуста и не только овощи. *Кимчхи* можно делать и из редьки, и из огурцов, и из трав, и из лука, и из бамбука. Можно сказать, что *кимчхи* – это корейские квашения, можно – что это корейская закуска, в каком-то смысле это даже салат. Однозначного родового слова просто нет.

Впервые автор статьи вынесла на обсуждение данную проблему в своем корееведческом блоге в феврале 2011 года [Осетрова 2011]. В обсуждении приняли участие 15 человек, в числе которых были и профессиональные переводчики-корееведы, и преподаватели корейского языка, и просто люди, живущие в Корее и говорящие о корейской еде по-русски. Это интернет-обсуждение наглядно показало, что у каждого человека, даже хорошо знакомого с корейскими пищевыми реалиями, свое видение и свои ассоциации к каждому блюду. Так, резко разошлись мнения по поводу определяющего слова для такого распространенного корейского кулинарного понятия, как *ччигэ* (густой суп / похлебка). Кто-то говорил, что это суп, и соответственно писать следует в мужском роде (*вкусный ччиге*). Другие утверждали, что это густая похлебка или солянка и писать нужно в женском роде (*вкусная ччиге*). То же произошло и с *макколли* (вариантами определяющих слов были *вино*, *брага*, *квас*), и с *сочжу* (определяли словами *водка*, *алкоголь*, *рисовое вино*), и со многими другими корейскими кулинарными понятиями. Всё это подтвердило предположение, что попытки добиться единообразия в данном вопросе, опираясь на принцип подбора определяющего родового слова, ни к чему не приведут. Каждый автор будет находить свое родовое слово, и разнобой только усилится.

Представляется, что одним из потенциальных решений данной проблемы может быть вариант определять род и способ склонения не

по родовому понятию (семантически), а по окончанию самого слова (морфологически). Так, слова, заканчивающиеся на согласную букву, можно относить к мужскому роду, что в целом соответствует нормам русского языка. Слова, заканчивающиеся на гласную букву (кроме *а*), относить к среднему роду и как раз не склонять (как и в рекомендации Розенталя, упомянутой выше). Слова, заканчивающиеся на гласную *а*, относить к женскому роду и склонять как существительные женского рода. Примеры приведены в таблице.

мужской род (склоняется)	средний род (не склоняется)	женский род (склоняется)
горячий <i>ттоккук</i>	освежающее <i>пинсу</i>	праздничная <i>ханква</i>
вкусный <i>пибимпан</i>	хрустящее <i>нурунчжи</i>	сладкая <i>якква</i>
тонко нарезанный <i>самгёпсаль</i>	остывшее <i>чапчхэ</i>	

ттоккук – суп с рисовыми клецками

пинсу – колотый лед с фруктами и сладкой бобовой пастой

ханква – традиционные сладости

пибимпан – рис, смешанный с овощами и заправленный перечной пастой

нурунчжи – рисовая корочка, образующаяся по стенкам посуды после варки риса

якква – вид сладостей из рисовой муки с добавлением меда, орехов, плодов ююбы и др.

самгёпсаль – часть свиной туши с прожилками жира, обычно используется для жарки

чапчхэ – блюдо из крахмальной лапши с овощами, мясом и грибами

У данного способа есть несколько преимуществ перед другими. Во-первых, он логичен и понятен, что исключает смысловые разночтения и облегчает объяснение его людям, не знакомым с корейской кухней. Во-вторых, он наиболее созвучен обычному способу склонения русских имен существительных. Действительно, русские имена

существительные с нулевым окончанием чаще всего относятся к мужскому роду. Имена существительные, оканчивающиеся на *а / я*, чаще всего относятся к женскому роду. А имена существительные с окончанием на гласные *е / и / о / у* и др. – к среднему роду. Таким образом, и корейские названия, пусть не всегда привычные российскому уху, буду звучать по-русски грамматически и фонетически благозвучно.

Заключение

Кулинарные практики и традиции составляют важную часть культуры народа, что не может не отражаться и в национальной литературе. Литературоведы и антропологи отмечают, что пищевые явления, свойственные той или иной культуре, почти всегда имеют второй и третий смысл (так называемая вторичная метафоризация), символизируя и далекие от кулинарии явления бытия (см., например, [Кирсанова 2007]). Кроме того, и нехудожественные тексты о гастрономии (кулинарные, публицистические, просветительские, коммерческие) нуждаются в грамотной записи названий продуктов и блюд, чтобы формировать положительный образ той или иной кулинарной традиции. Поэтому так важно переводить и записывать названия пищевых понятий на другом языке корректно и единообразно.

Как было показано в статье, в настоящее время в области передачи названий корейских продуктов питания и кулинарных блюд на русском языке нет системы. Особенно это касается вопроса грамматического оформления данных имен существительных, а именно, определения их родовой принадлежности, склоняемости / несклоняемости, некоторых аспектов транскрипции.

Разумеется, чем больше корейские пищевые реалии будут входить в повседневную жизнь, быт и сознание россиян, тем быстрее язык сам адаптирует их названия под себя. Как было показано в статье, сегодня мы уже можем наблюдать некоторые приметы этого процесса, однако он только начинается. Так, *кимчхи* всё чаще записывается как *кимчи*. Или уходят положенные по правилам транскрипции Холодовича-Концевича удвоенные буквы, несвойственные русскому языку: вместе *ккактуги* пишут *кактуги*, вместо *ччигэ* – *чиге*, вместо *тток* – *ток* и т. п. (*ккактуги* – кимчхи из редьки, порезанной кубиками; *тток* – изделие из отбитого рисового теста, имеет много видов). Интересно и важно следить за этими процессами и своевременно фиксировать

их. Однако пока они не завершены, представляется целесообразным (хотя бы в среде переводчиков и специалистов-корееведов) обсудить и договориться о некоторых нормах в грамматическом оформлении данных понятий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Баранова А. С. Отражение вариативности родовой характеристики несклоняемых существительных в современных словарях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9, Филология. Востоковедение. Журналистика, 2016. Вып. 1. С. 45–57. [Baranova, A. S. (2016). Otrazhenie variativnosti rodovoj harakteristiki nesklonjaemyh sushhestvitel'nyh v sovremennyh slovarjah. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9, Filologija. Vostokovedenie. Zhurnalistika*, 1, 45–57. (In Russ.)].
- Ким Миволь. Восьмая комната: роман / пер. с кор. Д. Крутовой. М.: Луч, 2018. [Kim Mivol. (2018). *Vos'maja komnata*. (The eighth room), transl. from Korean by D. Krutova. Moscow: Luch. (In Russ.)].
- Ким Сын Ок. Зарисовки ночной жизни: рассказы / пер. с кор. С. Кузиной. СПб.: Гиперион, 2019. [Kim Seung Ok. (2019). *Zarisovki nochnoj zhizni*. (The sketches of night life), transl. from Korean by S. Kuzina. St. Petersburg: Giperion. (In Russ.)].
- Ким Эран. Женьшеневый вкус одиночества / пер. с кор. А. Гуделёвой и Сын Чжүён. М.: Наталис, 2014. [Kim Aeran. (2014). *Zhen'shenevyj vkus odinochestva*. (The ginseng taste of loneliness), transl. from Korean by A. Gudeljovoj and Syn Chzhujon. Moscow: Natalis. (In Russ.)].
- Кирсанова Е. М. Выражение национального самосознания в названиях блюд и продуктов питания: проблемы перевода // Вестник Московского лингвистического университета. 2007. Вып. 519. Часть 1. С. 65–76. [Kirsanova, E. M. (2007). Vyrazhenie nacional'nogo samosoznaniya v nazvaniyah bljud i produktov pitaniya: problemy perevoda. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 519(1), 65–76. (In Russ.)].
- Кон Джүйён. Моя Бонсун / пер. с кор. Сын Чжүён и Е. Раевской. М.: Наталис, 2014. [Kon Jiyeong. (2014). *Moja Bonsun*. (My Bonsun), transl. from Korean by Syn Chzhujon i E. Raevskoj. Moscow: Natalis. (In Russ.)].
- Осетрова М. Е. Грамматическая категория рода применительно к названиям корейских блюд в переводе их на русский язык. Персональный блог автора, 24.02.2011. URL: <https://pepilota1.livejournal.com/79293.html> (дата обращения 12.07.2020). [Osetrova, M. E. Grammaticheskaya kategoriya roda primenitel'no k nazvaniyam koreiskikh blyud v perevode ikh na russkii yazyk. Personal blog. 24.02.2011. <https://pepilota1.livejournal.com/79293.html> (data of access: 12.07.2020). (In Russ.)].

- О Чонхи. Огненная река / пер. с кор. Сын Чжуён, А. Гуделёвой. СПб.: Гиперион, 2012. [Oh Jeonghee. Ognennaja reka. (Fire river), transl. from Korean by Syn Chzhujon, A. Gudeljovoj. St. Petersburg: Giperion. (In Russ.)].
- Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке: Для работников печати. 4-е изд., испр. и доп. М.: Книга, 1985. [Rozenal', D. Je. (1985). *Spravochnik po pravopisaniju i literaturnoj pravke: Dlja rabotnikov pečati*. (Orthography and editing manual: for press specialists). 4-e izd., ispr. i dop. Moscow: Kniga. (In Russ.)].
- Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык: учебное пособие. 2-е изд. М.: Международные отношения, 1995. [Rozenal', D. Je., Golub, I. B., Telenkova, M. A. (1995). *Sovremennyj russkij jazyk*. (Modern Russian language: a textbook). 2nd ed. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija. (In Russ.)].
- Пак Вансо. Очень одинокий человек: рассказы / пер. с кор. Г. Н. Ли. СПб.: Гиперион, 2019. [Pak Vanso. *Očen' odinokij chelovek*. (A very lonely person), transl. from Korean by G. N. Li. St. Petersburg: Giperion. (In Russ.)].
- Приорова И. В. Несклоняемые имена в языке и речи: учебное пособие. М.: Флинта, 2017. [Priorova, I. V. *Nesklonjaemye imena v jazyke i rechi*. (Non-declensional nouns in language and speech). Textbook. Moscow: Flinta. (In Russ.)].
- Рубина Д. И. Русская канарейка. Блудный сын. М.: Эксмо-Пресс, 2015. [Rubina, D. I. (2015). *Russkaja kanarejka. Bludnyj syn*. (Russian canary. Prodigal son). Moscow: Jeksmo-Press. (In Russ.)].
- Хан Ган. Вегетарианка / пер. с кор. Ли Сан Юн. М.: АСТ, 2018. [Han Gan. Vegetarianka (Vegeterian). Per. s kor. Li San Jun. Moscow: AST. (In Russ.)].
- Хён Чжингон. Удачный день: сборник рассказов / Пер. с кор. Ким Сонмён и И. Белякова. М.: АСТ, 2019. [Hyeon Jingeon. Udachnyj den' (A lucky day), transl. from Korean by Kim Sonmjon i I. Beljakova. Moscow: AST. (In Russ.)].
- Чхон Мёнкван. На краю жизни / пер. с кор. А. Гуделёвой и Сын Чжуён. М.: Наталис, 2013. [Cheon Myeonggwon. *Na kraju zhizni*. (On the edge of life), transl. from Korean by A. Gudeljovoj i Syn Chzhujon. Moscow: Natalis. (In Russ.)].
- Шин Кун-Суук (Син Гёнсук). Пожалуйста, позаботься о маме / пер. с англ. А. Е. Прохоровой. М.: Центрполиграф, 2012. [Shin Kun-Suuk (Sin Geyongsuk). Please, look after mom, transl. from Korean by A. E. Prohorovoj. Moscow: Centrpoligraf. (In Russ.)].

УДК 30+930.85+94(47)

Е. Ю. Перова

кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры мировой культуры
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: eperova71@list.ru

ОБРАЩЕНИЕ К ВОСТОЧНОЙ ТЕМАТИКЕ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XX–XXI ВЕКОВ: ПРИЧИНЫ, ОСОБЕННОСТИ, ДИНАМИКА

Автор статьи анализирует отношение к Востоку в общественной и культурной жизни России XX–XXI вв. Выделяются три периода: дореволюционный, советский и постсоветский, в каждом из которых доминирует определенная сфера реализации интереса к восточной тематике: декоративно-прикладное искусство, литература и историческая наука. Отмечается отличие ракурсов и особенностей отношения к восточной культуре в западной и отечественной традиции. Восточный элемент в русской культуре может быть реализацией поиска красоты исключительно предметного мира или отражать пути самоопределения в культурно-исторической ретроспективе. Рассматриваются причины устойчивого интереса к семантике восточного пространства, в том числе в современной геополитической ситуации.

Ключевые слова: Восток; русская история и культура; традиция; религия; реминисценция; XX–XXI вв.

E. Yu. Perova

PhD (Culturology), Associate Professor, Department of World Culture,
Moscow State Linguistic University; e-mail: eperova71@list.ru

APPEAL TO THE ORIENTAL THEME IN THE RUSSIAN CULTURE OF THE XX–XXI CENTURIES: CAUSES, FEATURES, DYNAMICS

The article covers the attention to the East in Russian culture during the XX–XXI centuries. The three periods are distinguished in the article: pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet, in each a certain sphere of realisation of interest in oriental topics dominates: arts and crafts, literature and historical science. The difference between perspectives and peculiarities of attitudes towards eastern culture in western and domestic traditions is examined. The eastern element in Russian culture can be the realisation of the search of the beauty in an exclusively objective world, or it can reflect the way of self-determination in cultural and historical retrospective. The text considers the reasons for the persistent interest in the semantics of the eastern space, including in the modern geopolitical situation.

Key words: East; Russian culture and history; tradition; religion; reminiscence; XX–XXI centuries.

Введение

В отличие от западного ориентализма, известного как направление в европейской культуре, где Восток воспринимался как экзотический элемент, в русском сознании преемственность восточной традиции сохранялась на протяжении всей истории. Об этом говорит и лежащий в основании культуuroобразующего стержня религиозный компонент; для понимания различий в восприятии восточной культуры Россией и Западом надо учитывать и факт разделения в свое время христианства на западное и восточное. С момента тесного взаимодействия с Византией Русь через нее впитывала элементы восточного, сасанидского, персидского влияния в искусстве, орнаментике; Д. В. Сарабьянов пишет о «восточной компоненте», «безусловно присутствующей в культуре России, но не совпадающей с культурой Востока как таковой», и замечает, что древнерусское искусство было обращено внутрь себя и к Византии, а «к Востоку – азиатскому, нехристианскому – оно было повернуто спиной» [Сарабьянов 1998]. При этом образ Востока в русской культуре на протяжении столетий по-разному воспринимался, были времена, когда западная картина мира казалась ближе и родственней, чем восточная. Также и география Востока уточнялась, менялся ее состав, в том числе с позиций западной и русской культурно-исторической традиции.

Как правило авторы исследований по теме продолжают рассматривают Восток как образ Другого для европейской картины мира, в том числе «устойчивые топосы», сохраняющиеся с вариациями на протяжении столетий в европейской культуре (например, «чудеса Индии») [Возчиков 2020]. В целом Восток в названной трактовке занимает место «Чужого», чуждого, в частности при сопоставлении религиозных традиций христианства и мусульманства; чем усиливает континуум европейской самоидентификации.

Особое внимание к Востоку появляется на рубеже столетий, в моменты революционных волнений и военных конфликтов, смены мировоззренческих парадигм как к устойчивому, обладающему внутренней целостностью феномену, как попытке спасения западного мира от «цивилизации, рационализма и бездуховности» [Сарабьянов 1998] и как тяготение к стабильности и консерватизму на фоне бурных стремительных изменений в общественной жизни Запада. Но акцент внимания меняется; столетие назад были распространены стилистические

заимствования в работах европейских и русских художников, в наше время – мода на восточную кухню и восточные боевые искусства.

Среди представителей отечественной культуры и истории, которые имели отношение к освоению, узнаванию и изучению Востока, выдающиеся личности: путешественники и ученые-исследователи восточных регионов, дипломаты и лингвисты, миссионеры, просветители и краеведы, этнографы, многие из которых посвятили свою жизнь выбранному делу.

Важно отметить, что и в XX в., и в постсоветском пространстве сохраняется интерес к Востоку, кроме того, появляются принципиально новые грани освоения темы. В связи с этим можно проследить дискурсивность названного интереса и особенности его воплощения в художественном творчестве и исторических работах.

Восток как элемент предметной красоты

Начало XX века в целом характеризуется эстетизацией окружающего пространства, новаторством в понимании красоты, в том числе заимствованием принципов изображения и стилизацией. Образы Востока в этом процессе занимают не последнее место. Русские художники XIX в. через элемент «художественной этнографии» (В. Верещагин, А. Иванов, В. Поленов и др.) подготовили российскую аудиторию к принятию достаточно широко распространившегося несколько позже восточного сюжета.

Вместе с этим визуальным проявлением интереса к Востоку следует учитывать и ментальные основания картины мира. Представители первого поколения отечественных философов, изучая принципы национального мышления, опирались и на интуицию в процессе познания. В XX в., как пишет Д. В. Сарабьянов, «теоретики литературы и искусства особенно часто вспоминали о восточном интуитивизме, и русская художественная практика давала лишний повод для сопоставления национальной художественной культуры с приоритетными качествами восточного мышления» [Сарабьянов 1998].

Элементы восточной культуры встречаются в это время не только в искусстве (музыке, живописи, театре и др.), но и в повседневной жизни. Увлечение стилизацией шинуазри, японские гравюры, ковры и халаты в восточном стиле, предметы интерьера и одежда, что также отразилось в портретном и бытовом жанрах живописи.

Среди единиц хранения в частных коллекциях восточные предметы искусства начинают занимать специально отведенные разделы. Позже, подаренные музеям (например, значительная коллекция П. И. Щукина) или в следствии национализации они окажутся базой для создания крупных музейных и научно-исследовательских центров, связанных с культурой Востока (например, Музей Востока в Москве, созданный по инициативе П. Муратова и И. Грабаря первоначально как «Ars Asiatica»). Расширяются в этом направлении коллекции Эрмитажа, существовавшего с конца XIX в. Музея Российских древностей и др.

В обзорах и статьях специализированных изданий начала XX в. чаще описываются памятники европейского искусства. Но встречаются и циклы статей, посвященных восточным артефактам, это было связано с происходившими накануне Первой мировой войны археологическими раскопками на территории Иркутской, Кубанской, Таврической губерний, Крыма и др. (описываются и систематизируются разнообразные и разновременные сосуды из обнаруженных кладов и курганов, например, кургана Солоха, «первого неграбленного несомненно царского кургана») [Макаренко 2014, с. 41]. Можно обнаружить отдельные редкие статьи, посвященные рассмотрению особенностей испано-мавританского искусства, ковров Средней Азии. Заметки о мусульманском искусстве автор завершает словами: «Вся огромная область мусульманского искусства еще очень мало разработана и ждет своих знатоков-собирателей, тружеников, которые когда-нибудь подробно выяснят историю каждого производства», а, описывая памятники, обращает внимание прежде всего на восточную орнаментику [Половцов 1913, с. 18].

Из чуждых восточных культур заимствовались внешние формы, орнамент, но не «серьезные заимствования», «которым противодействовали и разница в уровне художественной культуры, и различие религий, диктовавших искусству основополагающие принципы» [Сарабьянов 1998]. Поэтому там, где в художественном творчестве появлялись дальневосточные, среднеазиатские или индийские мотивы, диалога культур не состоялось, художник занимал «достаточно отчужденную позицию европейского реалиста-наблюдателя, изучающего и фиксирующего реальность» [там же]. По-другому воспринимались библейские циклы, в том числе пейзажи Святой земли.

И все-таки в целом «Восток выступает как некое общее понятие – далекое и отчужденное, как некая совокупность неведомых и неродственных явлений» [Сарабьянов 1998]. В художественной визуальной культуре (живопись, позже фотография и кинематограф) восточная тема сохраняет свою связь с эстетическим началом, увлечением красотой исключительно предметного мира.

Восточные реминисценции как поиски истоков культуры и самоопределения

В «коллективном бессознательном» народа (К. Юнг) присутствует память о сакральном истоке, определяющем его место в мире. Она сохраняется и в переломные моменты истории, когда прерывается видимым образом традиция, но не утрачиваются интуитивные поиски родственной культурной первоосновы.

Так было и в русской истории и культуре советского периода, новая идеология и мифологемы со временем оказались поводом для поисков и узнавания «иного мира», той реальности, которая оставалась на протяжении столетий маркером идентичности.

Саморефлексия присутствует и в живописных образах, но более – в поэтических. Кратко обратимся к творчеству Арсения Тарковского (1907–1989).

Внимание к теме Востока у поэта могло быть связано и с версией (не доказанной) кавказской родословной. В любом случае, он не раз бывал и подолгу жил на Кавказе. В творчестве А. А. Тарковского находим восточные реминисценции не только в переводах соответствующих авторов, но и в стихотворениях поэта. Один из периодов творчества назван «Молчание музыки», – почти два десятилетия были посвящены переводам. Но это погружение в восточную тему отозвалось позже и в собственном поэтическом творчестве. В более ранних стихах реже встречается тема Востока, Древнего мира, иногда через образы природы. Например, «Зеленые рощи, зеленые рощи / Вы горькие правнуки древних лесов, / Я – брат ваш, лишенный наследственной мощи, / От вас ухожу, задвигаю засов...» (*Ар. Тарковский*). «...Из камней Шумера, из пустыни / Аравийской, из какого круга / Памяти...» (*Ар. Тарковский*). Любое событие повседневности, большое или малое, может быть встроенным в историю человечества, эта связь ощущается как «круговая порука» [Тарковский 1982]. Далее достаточно

часто встречаются отсылки к библейским именам, сюжетам, образам: Адам, Авраам, Давид и др. В целом создается присутствие восточного контекста, «араратского кислорода» [Тарковский 1982].

Образ Востока в русской поэзии складывается в том числе и посредством вычленения из культурных пластов отдельных лексических единиц. Обращение к ним можно рассматривать как расширение взгляда на русскую историю и культуру, как «воспоминание» истока, «земных примет» «первоосновы» жизни [Тарковский 1982]. Интересно заметить, что в русской поэзии XIX в. присутствовала преимущественно античная тема, библейские образы начинают преобладать в XX в.

Вектор внимания к библейскому и христианскому Востоку во второй половине XX в. имеет место и в исторической науке и в искусствоведении, в частности это связано с возрождением византологии. В этом направлении можно рассматривать и фундаментальные исследования того же времени памятников древнерусской литературы.

В XXI в. появляется новый ракурс в изучении Востока, меняющий привычные представления о географии Древнего мира. В данном случае важно отметить сам факт появления таких исследований в контексте внимания к восточной тематике.

Среди исследований по истории Древнего мира последних лет появляются обоснованные положения, меняющие «представление о происхождении современных этносов, о генезисе их и всей мировой культуры», в том числе географически относящие Древнюю Русь к Ближневосточному региону [Макаренко 2014]. Вместе с утверждением формулировки «ближневосточная Русь» [там же] появляется широкий контекст, уводящий «прародину» русских к Востоку, а, следовательно, и в целом вектор сознательного или бессознательно-го влечения к восточным мотивам и направлению (как во внешней политике в течение отечественной истории, так и в художественных текстах).

Восточная тема, действительно, в течение всей русской истории присутствует в контексте изучения ее «осевого времени» (К. Ясперс), связанного с культуробразующим стержнем восточного христианства. Поэтому родиной Восток для русской культуры в любом случае является по линии преемственности: Ближний Восток как место зарождения христианства и Византия, через которую Русь принимает христианство.

Все приведенные примеры обращения к восточной тематике раскрывают и общие социокультурные тенденции, и личностный вектор интереса, помогающий обнаружить возможные ресурсы расширения мировоззренческого потенциала и целостной картины мира в контексте самоидентификации.

Заключение

Внимание к Востоку в русской культуре сохраняется в большей или меньшей степени на протяжении всей истории и обусловлено сравнительной близостью картин мира, территориальному положению и рядом других причин, некоторые из которых были рассмотрены в статье. В отличие от цикличности всплеск интереса к Востоку в западной культуре, в России присутствие восточного компонента постоянно и устойчиво. Однако в способах выражения вариативно в зависимости от исторического и социокультурного контекста (например, влияние Русско-японской войны или развитие связей с азиатским регионом; также меняются сферы преломления внимания к Востоку: доминирующие виды искусства с восточным элементом и научные области).

Вместе с тем всегда сохраняется «базовый» уровень внимания, фундаментальное единство, которое лежит в основании религиозного мировосприятия и историческом прошлом. Этот факт объясняет неизбежное присутствие восточного вопроса и в современном геополитическом и социокультурном пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Возчиков Д. В.* Образ Востока в средневековой европейской культуре : учеб. пособие / под ред. В. А. Кузьмина ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. [Vozchikov, D. V. (2020). *Obraz Vostoka v srednevekovoj evropejskoj kul'ture*. (The image of the East in medieval European culture). Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta. (In Russ.)].
- Макаренко В. В.* В поисках древней русской истории. М.: Страдиз, Минувшее 2014. [Makarenko, V. V. (2014). *V poiskakh drevnej russkoj istorii*. (In search of ancient Russian history). Moscow: Stradiz, Minuvshee. (In Russ.)].
- Макаренко Н.* Археологические открытия 1913 года // Старые годы. Ежемесячник для любителей искусства и старины. Февраль, 1914. С. 40–43.

- [Makarenko, N. (1914). Archaeological discoveries of 1913. *Stary'e gody'*. A monthly for art and antiquity lovers. February, 40–43. (In Russ.)].
- Половцов А. А. Заметки о мусульманском искусстве (по произведениям его в Музее барона Штиглица) // Старые годы. Ежемесячник для любителей искусства и старины. Февраль, 1913. С. 3–18. [Polovczov, A. A. (1913). Notes on Muslim Art (based on his works in the Museum of Baron Stieglitz). *Stary'e gody'*. A monthly for art and antiquity lovers. February, 3–18. (In Russ.)].
- Сарабьянов Д. В. Русская живопись. Пробуждение памяти (Библиотека журнала «Искусствознание») / отв. ред. В. Т. Шевелёва; послесловие Г. И. Ревзина. М.: Искусствознание, 1998. URL: www.independent-academy.net/science/library/sarabjanov/index.html (дата обращения: 15.10.2020). [Sarab'yanov, D. V. (1998). *Russkaya zhivopis' . Probuzhdenie pamyati*. (Russian painting. Memory awakening). Moscow: Iskusstvoznanie. www.independent-academy.net/science/library/sarabjanov/index.html (data of access: 15.10.2020). (In Russ.)].
- Тарковский А. А. Избранное: Стихотворения. Поэмы. Переводы. 1929–1979 / вступ. ст. С. Чуприна. М.: Худ. лит., 1982. [Tarkovskij, A. A. (1982). *Izbrannoe: Stikhotvoreniya. Poe'my' . Pervody' . 1929–1979*. (Favorites: Poems; Poems; Translations. 1929–1979). Moscow: Khud. lit. (In Russ.)].

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета	VESTNIK of Moscow State Linguistic University
Гуманитарные науки	Humanities
Выпуск 10 (839)	Issue 10 (839)

Ответственный редактор выпуска 10 (839)
доктор филологических наук доцент И. А. Семина

Редактор Н. Г. Павлова
Компьютерная верстка: Ю. Л. Герасимова
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 28.12.2020
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 18,3.
Заказ № 118/20

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2020

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

За аутентичность цитат отвечают авторы.

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна.